Имя в истории ЮУрГГПУ

Шкребень Георгий Сергеевич

70-летию со дня рождения
посвящается

ШКРЕБЕНЬ
Георгий Сергеевич

Челябинск
2019

УДК 378(09)
ББК 74.484-8
Ш 67

Шкребень Георгий Сергеевич [Текст] / авт.-
Ш 67 сост. М.С. Фонотов. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуманит.-пед. ун-та, 2019. – 304 с. – (Серия: Имя в истории ЮУрГГПУ).
ISBN 978-5-907210-28-8

Книга о талантливом руководителе, проректоре, преподавателе кафедры отечественной истории, кандидате исторических наук, одном из подвижников краеведческого движения в области, создателе двух уникальных изданий «Энциклопедия ЧГПУ» и «Заслуженные учителя Челябинской области», отличнике народного просвещения, заслуженном работнике высшей школы Георгии Сергеевиче Шкребне продолжает серию, рассказывающую о роли выдающихся личностей в истории университета, внесших значительный вклад в развитие области и страны.

Биографический очерк, беседы коллег и друзей с автором, теплые воспоминания позволяют воссоздать образ яркой, целеустремленной, самобытной личности. В конце издания размещены выдержки из лекций и библиография.

Книга адресована преподавателям, сотрудникам, аспирантам, студентам университета и краеведам.

Редакционная коллегия: В.В. Садырин, А.Н. Богачев, Н.Б. Виноградов, О.Э. Карпенко, Н.А. Вахрушева, Л.В. Бородулина.

ISBN 978-5-907210-28-8

© М.С. Фонотов, составление, 2019
© Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2019

ЯРКАЯ, ЦЕЛЬНАЯ, САМОБЫТНАЯ ЛИЧНОСТЬ
Биографический очерк

Георгий Сергеевич Шкребень родился 29 апреля 1949 года в семье служащих в г. Златоусте Челябинской области, который стал для него родным и самым любимым местом на свете. Здесь прошли его детские и школьные годы, в 1966 году он окончил среднюю школу № 18.

При получении аттестата зрелости перед ним не стояла проблема выбора профессии. Л.Г. Попова, специалист управления образования Советского района, его сокурсница, вспоминает: «Природа одарила Георгия Сергеевича умом, организаторскими способностями, прекрасными вокальными данными. Он мог бы сделать карьеру в управленческих структурах, мог бы профес-

сионально принадлежать к сфере культуры, но он предпочел педагогическое поприще».

Незабываемые студенческие годы на историко-филологическом факультете стали для Георгия не только временем отличной учебы, но и активной комсомольской и общественной жизни. Он был комсоргом группы, заместителем секретаря комитета ВЛКСМ, преподавал на общественных началах историю в ШРМ № 25 при вузе, руководил секцией НОУ и др. Большой опыт организаторской работы дала ему и практика во Всесоюзном пионерском лагере «Артек». Именно в эти годы был заложен фундамент его будущей профессиональной и общественной деятельности, определены жизненные ориентиры и нравственные ценности, которым Г.С. Шкребень твердо следовал в дальнейшей жизни.

После окончания института по специальности «история, обществоведение, методика пионерской и комсомольской работы» в 1971 году, получив диплом с отличием, он преподавал историю в школах № 32, 67 и гимназии № 80 г. Челябинска, работал в комсомольских органах, прошёл службу в рядах Советской Армии (г. Пермь, Североморск).

В 1976 году Г.С. Шкребень был приглашен ассистентом на кафедру истории СССР родного вуза. В 1987 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1991-м получил ученое звание доцента. В течение 11 лет был заместителем декана историко-педагогического факультета. С 1994 года он советник ректора, проректор по учебной работе и заочному образованию, первый проректор по учебной работе. За годы работы в институте Г.С. Шкребень стал одним из ведущих преподавателей кафедры отечественной истории. Он читал курс по истории Рос-

Родной Златоуст

**Единственное сохранившееся детское фото.
Слева направо: братья Георгий, Сергей, Александр**

В юные годы

В Артеке

Студенчество

Служба в армии

Работа в комсомольских органах

Со студентами и преподавателями ЧГПИ

С преподавателями вуза — участниками Великой Отечественной войны

Коллектив кафедры истории СССР

2000-е годы. Проректор

сии новейшего периода, курс сложный: дискуссионный, с разными подходами к объяснению событий, неоднозначными оценками и т.д. Кроме того, им был разработан курс лекций по истории Урала XX в., историческому краеведению, различные спецкурсы и спецсеминары.

Для его лекций характерны научная глубина, насыщенность источниками, логическая стройность и убедительность. Он всегда давал квалифицированный обзор исторической литературы, ненавязчиво высказывал свое отношение к рассматриваемым проблемам, довольно часто включал в сюжетную канву яркие эпизоды, живо характеризующие конкретные события эпохи или действие исторического лица. Весь курс пронизан высоким чувством любви к Отечеству. «На лекциях Георгия Сергеевича всегда было интересно, – вспоминает выпускница исторического факультета, кандидат педагогических наук А.В. Ворожейкина. – Он всегда использовал разнообразные приемы при подаче материала. При изложении им событий далекого прошлого нам казалось, что он сам был их участником». Неудивительно что по его лекпиям студенты сдавали экзамены при поступлении в аспирантуру не только вузов Урала, но и Москвы.

В своих учениках он ценил, прежде всего, знания, творческий подход к любимому делу, любовь к профессии учителя, честность и принципиальность, то есть те качества, которыми щедро наделен сам. Им подготовлена не одна тысяча учителей истории в Челябинской области и за ее пределами. Ученики с благодарностью вспоминают своего учителя.

Об отношении Г.С. Шкребня к своей профессии ярче всего свидетельствуют отзывы коллег по институту. Приведем одно из них. А.П. Чередниченко, декан

филологического факультета: «Г.С. Шкребень – человек редкостного трудолюбия, до последней своей клеточки преданный делу, которому служил. Это было не просто служение, а глубокая и деятельная любовь».

Г.С. Шкребень активно занимался и научной работой. В 1986 году он окончил целевую московскую аспирантуру при МГПИ им. В.И. Ленина и успешно защитил кандидатскую диссертацию «Советы Урала и их деятельность по восстановлению промышленного производства в 1921–1925 гг.». Здесь он прошел серьезную научную школу у своего руководителя доктора исторических наук, профессора Эрнста Михайловича Щагина, заведующего кафедрой истории СССР советского периода, творческие связи сохранялись долгие годы. Это – общение со знаменитыми, маститыми учеными и преподавателями МГПИ, среди них – В.Г. Тюкавкин, историк-аграрник, заведующий кафедрой СССР дореволюционного периода, один из авторов вузовских учебников по истории Отечества; Н.И. Павленко, известный специалист и автор монографий о Петре I; профессора А.Ф. Киселёв, Ю.И. Кораблёв и др.

С годами сфера научных интересов Г.С. Шкребня постепенно расширялась. Продолжая публиковать статьи по теме научного исследования, он стал одним из составителей и научным редактором сборника документов и материалов «Челябинская область 1917–1945 гг.». По договору с издательством «Каменный пояс» он принял активное участие в создании энциклопедий «Челябинск» и «Челябинская область» (в 7 томах).

Являясь членом редакционно-издательского совета и руководителем научной редакции раздела «Экономика», Г.С. Шкребень подготовил около 300 очерков и ста-

тей по истории предприятий и о руководителях производства.

Г.С. Шкребень внес заметный вклад в написание книг по истории образования на Южном Урале. Так, под его непосредственным руководством появились книги: «Челябинский государственный педагогический университет»; «История и историки: нам 70 лет! Исторический факультет: прошлое настоящее, будущее»; «Кафедра истории Отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет», где он один из авторов; «ЛГПИ в годы войны. Кыштымский период», член редколлегии и др. В 2009 году вышло в свет уникальное издание «Челябинский государственный педагогический университет. Энциклопедия», главный редактор, составитель и член авторского коллектива которой Г.С. Шкребень. Заведующий кафедрой Российского нового университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации А.И. Фролов в рецензии отмечает, что эта книга дает всестороннее представление о Челябинском педагогическом университете как научном, педагогическом и просветительском центре и является первой в России университетской энциклопедией». А в 2010 году впервые в Российской Федерации появилась энциклопедия «Заслуженные учителя школы РСФСР и РФ» (по Челябинской области), и вновь главный редактор, составитель и член авторского коллектива Г.С. Шкребень.

Большое внимание Георгий Сергеевич уделял подготовке учебных пособий для школьного учителя. В 90-е годы, с внедрением регионального компонента в школьные программы на основе Государственного образовательного стандарта, кафедрой была разработана программа по истории Южного Урала, в числе ее составителей был и

Г.С. Шкребень. В 1999 году появилось первое экспериментальное учебное пособие для учащихся основной школы «Челябинск. История моего города», руководитель проекта и автор ряда глав Г.С. Шкребень. Книга выдержала второе издание. Он оказался и в составе авторского коллектива учебного пособия для учеников 8–9-х классов «История Урала. XX век», изданного в Екатеринбурге. Все эти учебники получили гриф «Допущено Министерством образования и науки Челябинской области».

За научные исследования по истории Урала Г.С. Шкребень вполне заслуженно стал лауреатом областной премии имени В.П. Бирюкова.

Его организаторские способности особенно ярко проявились в административной работе. Более 15 лет Г.С. Шкребень являлся проректором по учебной работе и возглавлял учебно-методическую деятельность в университете. В 1994–2000 гг. он провел большую работу по лицензированию 15 новых образовательных программ, новых специальностей. По его предложению были разработаны и внедрены в образовательный процесс учебно-методические комплексы для всех учебных программ и началось активное использование инновационных технологий в вузовском преподавании. Г.С. Шкребень стал инициатором создания АСУ «Абитуриент», а с 2004 года – главным редактором университетского Web-сайта. Он много сделал для создания локальной нормативно-правовой базы ЧГПУ: выпустил сборник актов вуза; подготовил и утвердил в Министерстве образования и науки РФ «Устав ЧГПУ» и др.

Многогранна и общественная деятельность Георгия Сергеевича. Он являлся членом Союза краеведов Российской Федерации, заместителем председателя област-

Книжная деятельность

Возглавлял учебно-методическую работу

На презентации учебника «История Урала»

На краеведческих конференциях

Отв. за выпуск «Музейного вестника»

ной организации общества краеведов, председателем совета музейного комплекса ЧГПУ, под его руководством выпускался «Музейный вестник», был организатором и участником различных конференций и встреч.

А главное, Георгий Сергеевич – это яркая цельная, самобытная личность. Оставаясь верным своим принципам, не меняя своих убеждений, он тем не менее всегда шел в ногу со временем. Человек долга и чести, высоких нравственных устоев, щедро помогающий людям, он был скромен и не притязателен в быту, не склонен к самоафишированию, строг и требователен, прежде всего, к самому себе.

Георгий Сергеевич Шкребень – отличник народного просвещения (1996), награжден почетными грамотами Министерства образования РФ (1999, 2003), главы администрации Челябинской области (1999), благодарностью и премией Законодательного собрания Челябинской области (2008), медалями «Пятьдесят лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995), медалью Г.К. Жукова (1996), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (1999). Заслуженный работник высшей школы (2004). Лауреат областной премии им. В.П. Бирюкова (2006). Награждён Серебряной медалью В. Даля и дипломом Российской академии Энциклопедических наук (2009).

Н.П. Шмакова

Памятная карточка

В Южно-Уральском государственном гуманитарном педагогическом университете выпущена почтовая карточка, посвященная памяти Георгия Сергеевича Шкребня. Г.С. Шкребень (29.04.1949, г. Златоуст – 11.11.2015, г. Челябинск) – более 20 лет проректор университета по учебной работе, при его непосредственном участии педагогический институт стал университетом.

Георгий Сергеевич являлся одним из руководителей краеведческого движения в области, создателем двух

Г.С. Шкребень (1949-2015
Проректор ЧГПУ по учебной работе (1994-2014).

уникальных изданий: «Энциклопедия ЧГПУ» и «Заслуженные учителя Челябинской области». Кроме того, Георгий Сергеевич был одним из ведущих преподавателей кафедры отечественной истории. В сфере его научных интересов – история Советов и их роль в восстановлении промышленности Урала в годы новой экономической политики.

Г.С. Шкребень являлся автором более 300 публикаций по истории Челябинской области. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени.

Данная почтовая карточка продолжает серию изданных в университете открыток с изображениями ученых вуза, внесших значительный вклад в развитие области и страны. Среди них – ректоры С.В. Шулепов и почетный гражданин Челябинска А.Ф. Аменд, организатор гуманитарной науки на Южном Урале Л.Г. Ахумова, создатель школы фольклора на Урале А.И. Лазарев, ученый-физик Г.В. Клещев, филолог-славист В.Е. Гусев, гидролог М.А. Андреева, ученый-эколог и общественный деятель А.Д. Сысоев, академик РАО А.В. Усова. Всего вышло более 30 памятных карточек.

Абзац из энциклопедии

ШКРЕБЕНЬ Георгий Сергеевич (р. 29.04.1949, Златоуст), преподаватель, канд. ист. наук, доцент, отличник народного просвещения (1996). Окончил с отличием ЧГПИ (1971), где избирался комсоргом группы, заместителем секретаря комитета ВЛКСМ; в 1986 – очную целевую аспирантуру Московского государственного педагогического института. Преподавал историю в школах № 25, 32, 67, в гимназии № 80. Работал в комсомольских органах. В 1976 был принят на кафедру истории СССР ЧГПИ. В 1978–80 служил в армии. Вернувшись в институт, защитил диссертацию (1987), получил звание доцента (1991). 11 лет был заместителем декана историко-педагогического ф-та, с 1994 советник ректора, проректор по учебной работе и (до 2001) заочному образованию. Читает лекции по отечественной истории новейшего периода, истории Урала 20 в., ист. краеведению, ведет спецкурсы и спецсеминары; читает спецкурс по истории края в гимназии № 82. Руководил подготовкой учебного пособия для 8–9-х классов основной школы «Челябинск. История моего города» и юбилейного изд. «Челябинский государственный педагогический университет». В 2000 подготовил главы по новейшей истории Урала учебника для 9-го класса основной школы. Собрал и опубликовал в соавторстве подборку документов в сб. «Челябинская область в документах», путеводитель по музею истории народного образования. Г.С. Шкребень –

заместитель председателя областной организации общества краеведов, курирует деятельность музея народного образования в ЧГПУ, руководит выпуском «Музейного вестника». Награжден медалью орд. «За заслуги перед Отечеством» 2-й степ. (1999).

Н. А. Вахрушева, Н. П. Шмакова

Соч.: Деятельность музея истории народного образования Челябинской области // Уржумка. 1999. № 1. Соавт.: Н. Вахрушева, Л. Конев; 1921–1928 // Челябинская область. 1917–1945: Сб. док. и материалов. Ч., 1999. Гл. 2; Челябинск: История моего города: Эксперимент. учеб. пособие для учащихся основ. шк. / науч. ред.: В.С. Боже, Г.С. Шкребень. Ч., 1999; Челябинский государственный педагогический университет. Ч., 1999. Соавт.: В.Ф. Мамонов, А. Л. Худобородов и др.

*** Происхождение фамилии Шкребень:**

Фамилия *Шкребень* образована от аналогичного прозвища. Оно ведет свое начало от украинского глагола «шкребты» – «скрести», то есть «чистить чем-либо жестким, острым, снимая верхний слой, счищать». Вероятно, прозвище Шкребень относится к числу «профессиональных» именований, содержащих указание на род деятельности основателя фамилии: он мог заниматься выделкой шкур, быть столяром или плотником.

Издавна из дерева возводили дома, изготовляли утварь, посуду, делали игрушки. Поэтому плотницкое ремесло во все времена было одним из самых неоходимых и очень важных. Иногда же прозвище главы семейства переходило к потомку в неизменной форме.

Известным представителем фамилии является Георгий Сергеевич Шкребень, преподаватель, проректор вуза, кандидат исторических наук, доцент, отличник народного просвещения.

Проректор в ритме вальса

На сцене актового зала парень и девушка с планшетами в руках. На груди у них – Георгиевские ленты.

Сменяя друг друга, они говорят о Дне Победы, о тех, кто воевал на фронте, и о тех, кто работал в тылу. Они сообщают, что в университете – пятнадцать тружеников тыла, в их числе – десять преподавателей.

В зале, ближе к сцене, много белых седых голов. Под торжественный марш девушки вручают ветеранам букеты цветов. И – наконец, девушка на сцене:

– Вас поздравляют проректор по учебной части Георгий Сергеевич Шкребень и ансамбль бального танца университета.

Из-за дальней кулисы выходит Георгий Сергеевич, микрофон в правой руке, на груди – Георгиевская лента. В зале – аплодисменты и даже какие-то возгласы. Мелкими кивками головы Георгий Сергеевич благодарит за прием.

И он запел: «Ночь коротка, спят облака»...

Вальс-то случайный, но не случайно то, что песня рассказала о певце. Это происходило так.

Георгий Сергеевич стоит там же, у дальней кулисы, а все пространство сцены заняли четыре танцующие пары.

На парнях – черные фраки, на девушках лилово-синие платья. Их костюмы дают нам знать, что они не из той далекой поры, а «сегодняшние», внуки или даже правнуки тех, кто добывал Победу. И танцуют они Победу и этот случайный вальс, в котором поет приглушенная тоска о далеком доме и далеких женщинах.

Хоть я с вами совсем не знаком
И далеко отсюда мой дом...

Георгий Сергеевич поет просто, легко, ровно, плавно, задушевно, только иногда подчеркивая звук. Его левая ладонь то и дело поднимается на уровень плеча и там ловит такт, эти вальсовые «раз-два-три»... И сам он переступает с ноги на ногу, то сделает шаг назад, то возвращается обратно, – он тоже в вальсе, может быть, мысленно с кем-то... Из глубины сцены он поет залу, но не забывает и о «дуэте» с танцующими, то и дело в повороте обращаясь к ним.

Всем своим видом певец показывает нам, что не его песня тут главная, а их танец. Они – танцуют, а он – попевает.

Так скажите хоть слово,
Сам не знаю, о чем...

Наверное, он мог бы выйти вперед. Пусть не на середину сцены, а с краю. Но не вышел. Так и остался у самой кулисы. Хотя почему бы не стоять ему на середине, у рампы. Все-таки проректор. Да и баритон его признан, а то и любим, по крайней мере, в университете. Тогда бы не он – на подпевке, а ансамбль – на подтацовке. Однако все так и осталось: ансамблю – сцена, певцу – угол у кулисы.

Едва закончив песню, буквально на последней ноте, Георгий Сергеевич поспешно поклонился, опустив микрофон до пола, выпрямился и сразу же протянул руку направо, к танцорам, – мол, не мне, а им – аплодисменты... Повернулся и исчез за кулисой.

Так пел Георгий Сергеевич Шкребень.

И так жил.

БЕСЕДЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

ЕГО ПРАВИЛО: ЖИТЬ – ЗНАЧИТ РАБОТАТЬ
Чем дальше, тем больше университет заменял ему семью

Н.Б. Виноградов, доктор ист. наук, профессор

– Николай Борисович, а что вас сдружило? Различия или сходство?

– Не знаю. Эти вещи решаются не здесь. Сказать, что он сразу для меня стал тем, кем был в последние годы, не могу. Меня всегда подкупало в нем... Понимаете, он почему-то с самого начала казался мне человеком открытым, хотя таким не был, и с самого начала – человеком добрым, каким и был. Я с ним знаком с давних пор, еще тогда, когда он работал в комсомоле.

– У вас разница в возрасте?

– Небольшая. Мы с ним ближе сошлись, когда он перешел работать к нам. Жил в коммуналке на улице Кирова, в доме напротив ресторана «Цыплята табака». Там у него была комнатка. Через годы он получил свою отдельную квартиру. Полуторку в «хрущевке». Это – рядом с университетом, на улице Сони Кривой. Стоило перейти улицу – и он во дворе университета. В той квартире он прожил долгие годы, в ней и закончил жизнь. Позже ему предлагали двухкомнатную квартиру на северо-западе, но Георгий Сергеевич от нее отказался. Предпочел жить

в однокомнатной квартире, но рядом с работой. Так ему было удобней жить и работать.

– Николай Борисович, вы о нем всегда говорите в единственном числе, как об одиноком человеке...

– Нет, если говорить о его статусе, то этот статус очень хорошо определил один мой английский коллега. Когда в 2013 году умер мой второй друг, Вячеслав Петрович Дергачев, ко мне как раз приезжал англичанин из Оксфордского университета. Глядя на мое сумрачное лицо, он спросил, что со мной. Я ответил, что у меня умер друг. Англичанин поинтересовался: "Close friend?". В переводе на русский *close* – тесный, близкий. У меня таких близких друзей четверо. Точнее, нас было четверо. Из четверых трое имели прямое отношение к городу Златоусту. Мы, собственно, выросли в ландшафте Златоуста. Это играло определенную роль.

Но все они уже не со мной. Я остался один. Гера покинул этот мир последним. Сначала ушел Владимир Петрович Костюков, потом Дергачев. Вы говорите, что Шкребень был в единственном числе? Нет, нас было четверо.

– Но я имел в виду его семейное положение.

– Вы знаете, какая штука... Есть вещи, которые я даже с близкими друзьями обсуждать не буду. Когда человек садится за руль, он сам выбирает себе дорогу, сам отвечает за направление движения, за скорость и за прочее. Я всегда относился к Георгию как к другу, с пониманием и тактом. Есть вещи, которые все-таки не надо обсуждать.

– Простите, значит, семьи у него не было?

– Семьи у него в общепринятом смысле не было, но семью заменяли друзья, а также семьи друзей и коллег. Я до сих пор вспоминаю, как он очень длительное время находился в дружеских отношениях с Ниной Павлов-

ной Шмаковой. Он был непременным участником всех праздников в ее семье, почти как член семьи. Что касается моей семьи, он был обязателен дважды в год. Дважды в год он непременно бывал у меня – на мой день рождения и на Рождество. На Рождество мы собирались все четверо, с женами. Обычно Георгий Сергеевич являлся с большим букетом цветов для моей супруги. Такие дела.

– Вы все-таки люди разные или...

– Очень разные. И сказать, что мы все время проводили вместе, нельзя. Он, в отличие от меня, был замкнут. К своей работе мы тоже относились по-разному. Скажу вам так: он был чиновник Божьей милостью.

– Чиновник?

– Чиновник. В хорошем смысле этого слова. Не бюрократ, а чиновник, который... Хорошего чиновника отличает уровень квалификации. У него был высокий уровень квалификации – благодаря самообразованию. Он досконально знал законы и следил за их изменениями. И это помогало ему принимать правильные решения. Вы знаете, как ректоры относятся к подбору своей команды? А Шкребень... Я уже говорил об этом: три ректора подряд, абсолютно разные, сочли его на своем месте и оставили «рулить» вузом. Это чего-то значит. Это говорит как раз о квалификации.

– Николай Борисович, давайте попробуем определить это: Шкребень и университет. В каких они отношениях?

– Для Шкребня университет – все! Вы спрашивали о семье? Вот и будем считать так: чем дальше, тем больше университет заменял ему семью. Об университете он знал все и в прошлом, и в настоящем. Мог вспомнить любого работника и дать ему характеристику. Она была со-

вершенно уникальной – его компетентность во всем, что касалось вуза.

– Это исходило из его натуры?

– Да, где-то так!

– Это какая-то форма собирательства. Коллекции знаний.

– Да, он был педантом. Совершенно удивительным педантом.

– Бумажка к бумажке?..

– Да, да, у него все было в порядке. Он очень сокрушался, когда за пять минут не мог найти какой-то документ. И еще раз скажу: степень знаний его о работниках университета была фантастической.

– Можно сказать, что он заведомо незаменим?

– Вы знаете, что это лукавство – незаменимых людей нет. Иначе человечество не развивалось бы. Но он был на своем месте. На своем месте. И, как друг, могу сказать, что такого, как он, не будет уже никогда. Неброский... В нем не было какого-то шарма, который сразу располагал бы к себе. Харизмы не было. И все-таки он был удивительным человеком. Изо всех щелей проглядывал гигантский труженик. С какой стороны не посмотри, со всех сторон – огромный трудоголик. Работал он очень много. Работа была смыслом жизни. Он приходил в свой кабинет рано утром и уходил поздно вечером. Это было главное условие, которое в свое время Аменд воспринял в нем. Александр Филиппович, если охарактеризовать его одним словом, это – трудоголик, я бы сказал, «сталинского розлива». Дай ему волю, он сам работал бы днем и ночью и других заставил бы. И Георгий Сергеевич его, видимо, покорил своим трудолюбием. И это не было позой. Для Шкребня это было нормой. Жить – значит работать.

– Николай Борисович, понятно, что Георгий Сергеевич не сразу оказался в этом чиновничьем кресле. Проректором он проработал десятилетия два?

– Да, лет двадцать.

– Наверное, были у него и другие интересы.

– Конечно.

– Допустим, вокал.

– Он был не просто вокалистом, у него были очень хорошие вокальные данные. Я думаю, если бы он попытался себя реализовать на этом поприще, у него это получилось бы.

– А какой у него был голос?

– Какой-то баритон. К сожалению, у меня записей нет. Впрочем, в университете, наверное, есть. В радиорубке. А у меня не осталось.

– А какой репертуар он пел?

– У него был своеобразный репертуар. Он имел очень большую коллекцию классики. Виниловые диски.

– Виниловые? Классики?

– Да. И он большое значение придавал тому, на какой «вертушке» музыка воспроизводится. Дома имел хорошую аудиосистему.

– На виниле обычно приобретали всякие зарубежные записи. «Битлов» и других.

– Короче говоря, коллекция классических произведений была большая, прежде всего, вокальных. Знал певцов. Но не чурался и народной музыки. Скажем, общеупотребительных песен. Советские песни обожал, поскольку мы оба – продукт советского времени.

– Речь идет, прежде всего, об университетской сцене. За ее рамки он не выходил?

– Нет.

– А, допустим, в домашней обстановке, на вечеринке?

– Да, конечно. Надо сказать, что я-то окончил музыкальную школу, у меня в руках всегда был баян, и мы с ним дополняли друг друга.

(Николай Борисович вывел на компьютере фотографию):

– Это мы, очень довольные изданием «Истории Урала». Это – эпизод краеведческой деятельности: учебники по истории Урала. Их заказал нам Екатеринбург. Я участвовал в написании томов для шестого и седьмого классов, а он – для восьмого. Это была большая работа – учебники для региона. Мы, конечно, были довольны.

(Следующая фотография):

– А это – все мы вчетвером. 2002 год. У меня в лаборатории. Был какой-то праздник.

– Николай Борисович, я знаю, что Георгий Сергеевич занимался и музеем университета.

– Музей не был основным предметом наших отношений. Его хватало на ряд больших проектов. Не секрет, что в России, чтобы что-то сделать, надо обязательно, чтобы был «мотор». «Мотор» с административным ресурсом. Или с финансовыми возможностями. У Шкребня, благодаря административному ресурсу, была возможность собрать вокруг себя единомышленников. В свое время он убедил Аменда по поводу музейного комплекса. Тогда музеи появились на факультетах. Помимо моей лаборатории. В том же ряду – и выпуск «Музейного вестника», и работа в обществе краеведов. На все его хватало. Однако, прежде всего, надо сказать об энциклопедии ЧГПУ. Здесь его роль была непреходящей, здесь он выступал как организующий и направляющий центр. Фактически то, что энциклопедия появилась, – заслуга толь-

С учебником «История Урала»

В археологической лаборатории

ко Шкребня. Не секрет, чтобы эту работу выполнить, даже на уровне сбора материала, необходим был целый коллектив. И он такой коллектив создал. И когда все отлилось в увесистый том, которым можно убить слона, стало ясно, что создан памятник. Памятник тысячам людей, которые на протяжении десятилетий в этих стенах создавали будущее нашего края.

– Наверное, это были как раз те годы, когда область впала в энциклопедический бум. Первой ласточкой была энциклопедия «Челябинск». После нее ваша?

– Да, после. И Георгий Сергеевич использовал опыт издания энциклопедии «Челябинск». Он очень грамотно распорядился всеми возможностями тех лет. Энциклопедия получилась хорошей.

У меня в этих стенах – свой мир. Он создавался, начиная с 1967 года, когда я появился здесь. В следующем году будет уже пятьдесят лет. И я могу наугад назвать любой персонаж и обязательно найти его в энциклопедии. Это означает, что энциклопедия полна и информативна. Памятник, безусловно. Когда я своим однокашникам в Москве дарю этот том, у меня интересуются, если ли такая энциклопедия в ЧПИ. Там – нет. Вот так.

– Николай Борисович, мне кажется, Шкребень создавал впечатление человека грустного. Так и было?

– Нет, уверяю вас, грустным человеком он не был. Напротив, любил шутки, по-доброму относился к юмору. Нельзя сказать, что был шутником, скорее его можно назвать человеком собранным, чем грустным.

– На судьбу не обижался, не сетовал на то, что жизнь складывается не так, как хотелось?

– Нет.

– Я знаю, что у него были родственники в Белоруссии, а на Урале его фамилия не звучит. Так ли?

– Он был чрезвычайно любопытным человеком, и пытался понять генеалогию своей фамилии. Историю своего рода. И достиг на этом пути невероятных успехов. Кажется, до седьмого колена дошел. До семнадцатого века. Он мне рассказывал, что на Средний Урал из европейской России гнали крепостных, и среди них были его предки. На Среднем Урале потомки Шкребней живут и по сей день. Из родственников он более всего контактировал с сыном своего брата, с племянником, Дмитрием Шкребнем, который живет в Белоруссии.

– И он туда наезжал?

– В последние десятилетия он регулярно туда ездил. Он оказывал большую помощь семье племянника, спонсировал обучение в университете его сына. И у него были вполне конкретные планы после окончания карьеры переехать в Белоруссию и там завершить свои земные дела. Но вышло иначе.

– Его смерть была совершенно неожиданной? Или его донимали хвори?

– Я не все могу знать, но то, чем я располагаю, говорит о том, что Георгий Сергеевич мог бы еще долго жить. Он не достиг бы того, чего достиг, если бы не был таким упрямым. Когда в последние годы у него здоровье пошатнулось, он обратился к медицине. Он всегда верил в добрые правила. И доверял больнице, к которой приписан, врачам, которые его лечили. Я пытался его разубедить в этом, а когда увидел, что дело швах, погрузил его в свою машину и отвез к своему врачу. До того он, диабетик, принимал большое количество лекарств. Мой врач отменил большинство его лекарств, из-за которых

он стремительно угасал. И дело пошло на поправку. А потом случился аппендицит, перитонит... Он поздно обратился к врачу. И его не смогли спасти.

– Обидно.

– Очень обидно.

– Николай Борисович, если я скажу, что в университете Георгия Сергеевича любили...

– Нет. Так нельзя сказать. По одной простой причине. Он прекрасно понимал разницу между интересами личности и интересами «конторы». Интересы «конторы» очень часто перпендикулярны интересам личности. Поскольку он был чиновником, то просчитывал варианты развития вуза. В 90-е годы сделать это было очень тяжело. Да и сейчас тоже. И чтобы уцелеть, необходимо было приложить прямо-таки бешеные усилия, чтобы очередная комиссия, неизвестно какая по счету, не нашла причину уничтожить вуз. Это был какой-то кошмар. Постоянные реформы, от которых уже тошнит. И уже руки от них дрожат, скажем прямо, от ненависти.

Шкребень-то знал, что если не сделать все, что предписано сверху, не выполнить непопулярные в вузе меры, то последствия будут непредсказуемые. Например, предписывалось разработать какой-нибудь учебно-методический комплекс для всех предметов. Так разработать, чтобы угодить комиссии... Это что? Это очень большая и никому не нужная работа. Но, если бы мы эту работу не выполнили, университетская жизнь могла бы угаснуть.

– И это был именно тот чиновничий бюрократизм, который отвергал чиновник Шкребень?

– Да, именно.

– Сошлись два бюрократизма – чиновника Шкребня и чиновников министерства?

– Да, но благодаря чиновнику Шкребню университет сохранился. Нет, сказать, что все его любили, нельзя. Было по-разному. Не всеми разделялись его инициативы. А тем более инициативы, спускаемые сверху, которые проректор должен был продвигать. В частности, все эти УМК... Да и с энциклопедией поначалу было не очень ладно.

– Конечно, так и вообще не бывает, чтобы все любили.

– Конечно.

– Сколько лет было Георгию Сергеевичу, когда он ушел?

– Шестьдесят шесть. Вчера я ездил на кладбище. Там все хорошо. Мы ему памятник поставили. Вместе с Димой. Он заказывал, а я завершал работу. Он же нашел слова к памятнику, из Вознесенского. Кстати, Шкребню принадлежит и проект «Память», он настоял на том, чтобы преподаватели вуза навещали не только тех, кто ушел из университета, но тех, кто ушел из жизни. Посещать их могилы, приводить их в порядок. А то как? Человек в тираж вышел – и все, забыт. Память должна быть.

– Все сводится к интересу Георгия Сергеевича к истории. От интереса к предкам до памяти об ушедших.

– Не обязательно. Он был непременным участником всех студенческих праздников. Как председатель жюри, просто как благодарный зритель. Он помогал Институту дополнительных творческих профессий. Короче говоря, он активно участвовал во всем, что касалось студенческого досуга, праздников.

– В том числе и потому, что у него на это было время.

– И не только потому. У него были административные возможности повлиять на формирование этого околоучебного пространства. Не сказать, что он замкнулся только на истории, на прошлом, на музее и энциклопедии. Он получал большое удовольствие от присутствия на выступлениях творческих коллективов. Например, на выступлениях прекрасного вокального ансамбля Светланы Андрияновой, который всегда поддерживал.

– А такой аспект, как сопоставление «ректор – проректор»?

– Я вам хочу сказать, что Шкребень был неудобным проректором. Хотя – и нет. Понимаете, он молился на результативность, на эффективность. А всякие мертворожденные дела... Я уже упоминал про все эти злополучные проекты УМК, которые всем университетом делали и десять раз переделывали. Это – не его. Он молился богу эффективности, эффективной работы. И не всегда его позиция совпадала с позицией ректора. И тогда возникали проблемы. Я думаю, что Аменд обязательно рассказал бы много интересного о своем первом проректоре, который, между прочим, какое-то время служил у него и советником.

В заключение скажу одно: я потерял друга, а университет – хорошего работника.

ОН ХОРОШО ЗНАЛ «НОРМАТИВКУ» и в своей работе сознательно опирался на документы

А.Н. Богачев, первый проректор – проректор по науке, кандидат пед. наук

– Алексей Николаевич, рассматривая фотографии Шкребня, я заметил, что на них вы часто вместе с Георгием Сергеевичем и часто – рядом с ним. Чистая случайность?

– Если вы говорите о фотографиях того периода, когда мы с ним работали в ректорате, тогда мы достаточно близко общались, и потому на фотографиях часто вместе.

– Он – проректор, а вы тогда?

– В то время я тоже работал в ректорате, с 2000-го года был проректором по заочному образованию и молодежной политике. Десять лет мы работали бок о бок, потом я ушел из университета, и мы с ним встречались уже не так часто. Иногда я приходил к нему в гости, когда он уже проректором не работал. Я не могу сказать, что был ему близким другом. Но дружеские товарищеские отношения между нами были. Мы были добрыми коллегами.

Но еще раньше я знал Георгия Сергеевича как своего преподавателя. Я окончил исторический факультет, он читал у нас курс отечественной истории, советский период, курс неоднозначный и в неоднозначное время. Это были 1993–1994 годы, когда отношение к советскому периоду у студентов было тоже неоднозначным. Потом я работал в профкоме студентов и часто приходил к нему за советом. И то, что я рядом с ним на фотографиях, не

случайно. За это долгое время мы часто пересекались с Георгием Сергеевичем, прежде всего, по службе.

– Скажите, пожалуйста, неужели за это долгое время у вас не случались ссоры?

– Ссоры? Это были не ссоры. Мы не ссорились, просто иногда каждый из нас отстаивал свою точку зрения по какой-то проблеме. Но иногда мы не сходились явно...

– Например.

– Георгий Сергеевич был профессионалом, который в своей деятельности очень четко опирался на нормативные документы. Он любил вникать в юридические аспекты, хорошо знал всю «нормативку», которая связана с образовательной деятельностью. Когда возникали проблемы, он стоял на букве и духе законодательных документов. Но время было непростое, не всегда «нормативка» была цельной системой, одни документы противоречили друг другу. И мы с ним иногда спорили, как эти нормы применять. Я считал, что иногда можно толковать документы более либерально, а он настаивал на их строгом исполнении. Как мы спорили? Я приходил с проблемой, мы ее обсуждали, он говорил, что надо сделать так, я с ним не соглашался и предлагал другой вариант. Он приводил свои аргументы, я их не принимал, и он начинал выходить из равновесия... Нет, мы никогда не кричали друг на друга.

– Он не любил уступать, не любил проигрывать?

– Нет, когда он раздражался, я уходил, и обычно к вечеру или на следующее утро приходил к нему вновь, и мы приходили к согласию. Чаще я принимал его предложение, иногда удавалось отстоять свое, а иногда мы вместе находили совсем иное решение.

– Но разве вы были у него в подчинении?

– Нет, но я у него учился. Когда я пришел в ректорат, мне было 25 лет, и я высоко ценил его авторитет и жиз-

Ректорат в начале 2000-х годов

В актовом зале

ненный опыт. Я всегда в нем чувствовал старшего и более опытного товарища. Однако он никогда не настаивал на том, чтобы я поступал так, как он советовал. Теперь могу признать, что благодарен ему за умение ценить печатный документ.

Вспомню один характерный эпизод. Впервые в истории мы вызвались собрать у себя проректоров по воспитательной работе со всей России. Тогда наш вуз занял первое место в смотре воспитательных систем, и министерство предложило нам собрать такой семинар. Это было большое знаковое мероприятие, которое я своими силами мог и не вытянуть. И в ходе подготовки мы подготовили сборник нормативной документации по воспитательной работе. Я его собрал и пришел к Георгию Сергеевичу посоветоваться, как его лучше скомпоновать. Мы с ним долго, уже после шести вечера, сидели, и он очень четко помог мне структурировать этот сборник, который, как выяснилось потом, понравился всем проректорам и министерству.

– Алексей Николаевич, не получается ли у нас так, что Георгий Сергеевич был каким-то генетическим бюрократом?

– Я бы не назвал его бюрократом, скорее – сторонником порядка. Бюрократ, в моем понимании, это человек, который ситуацию сводит к документу, к слепому его исполнению. Георгий Сергеевич никогда не был таким бюрократом. Да, он опирался на «нормативку», да, ему нравилось упорядочивать свою деятельность, он знал цену печатному документу, но никогда не вставал на позицию бюрократа.

– Хорошо, он любил порядок, упорядоченность. Но, может быть, он считал, что следование документу, предписанию облегчает работу, и наоборот?

– Тактически и стратегически он видел дальше, чем я. Взвешивал, какое решение к чему может привести.

Опора на документ связана как раз с тем, что он прогнозировал ситуацию, понимал, что в результате принятого решения случится через полгода или через год. Ведь порядок порядку тоже рознь. Можно соблюдать порядок ради самого порядка, а ему порядок был необходим, чтобы управлять своей деятельностью.

– Да, конечно, есть порядок для порядка и порядок для дела.

– У него был порядок для дела.

– А что, если я осмелюсь сказать, что Георгий Сергеевич был непревзойденным знатоком образовательных законов, правил, предписаний – всех документов не только в вузе, но и шире?

– Да, при мне было несколько случаев, когда ему звонили представители других вузов, консультировались с ним по поводу узких и специфических вопросов в образовании. Но Георгий Сергеевич и сам не гнушался проконсультироваться у людей, которым доверял.

Он знал, куда надо заглянуть, чтобы найти необходимый документ. Не раз он мне говорил: на средней полке сверху – папка, открой, найди, прочитай.

– Алексей Николаевич, виноват, но меня то и дело подмывает сопоставить: Шкребень и университет. Я понимаю, это слишком общо, но почему бы не спросить об этом: Шкребень для университета – кто и что?

– Я могу сказать так. Для меня Георгий Сергеевич, как бы это ни звучало пафосно, был одним из столпов университета, благодаря которому наш вуз жил и развивался.

– Есть университет и есть в нем Шкребень. Теперь уже можно представить и иначе: есть университет, а Шкребня нет. Ведь мы знали тогда и знаем теперь, что после Шкребня жизнь не остановится. Она будет

идти своим чередом, что-то от него останется, что-то уйдет с ним. Сколько-то останется, сколько-то уйдет. Дело не в том, чтобы сказать о нем какие-то хорошие слова, тем более не о том, чтобы его переоценить. Дело в том, чтобы его осмыслить. Например, сколько было вас, проректоров?

– Пятеро.

– Пятеро. И среди вас был главный проректор? Кто-то из вас был «проректорнее» других?

– Да.

– Кто?

– Он. Официально у нас не было первого проректора. Но по существу Георгий Сергеевич и был первым из нас. Кстати, он замещал и ректора во время его отсутствия. Имел право финансовой подписи в том числе.

– Но почему так сложилось?

– Бывают авторитеты формальные и неформальные. О себе скажу: я признавал профессионализм Георгия Сергеевича, и я у него многому научился.

– Многому? А чему все же? Хочу примера.

– Я был совсем молодым, надо было вникнуть в абсолютно мне незнакомую работу на достаточно высокой должности. Я должен был заниматься заочным образованием. К кому мне обратиться? Я обращался к человеку, который до меня работал на этой должности, к Георгию Сергеевичу. Но он и сам, все понимая, незаметно стал меня наставлять. А я шел к нему за советом, чувствуя его доброжелательное ко мне отношение.

– Ваши обращения его не раздражали?

– Это его ничуть не напрягало. Для меня у него всегда было время.

– Не намекал, что вы ему малость надоели?

– Нет. Больше всего мне нравилось то, что все происходило в неформальной обстановке. Часто я прихо-

дил к нему часов в пять вечера. У него как раз в это время поздний ланч. В его холодильничке лежали бутерброды с колбасой или салом... И мы с ним пили чай и обсуждали проблемы. Не помню, чтобы он сказал, что ему некогда. Иногда он мог попросить: приходи минут через пятнадцать.

– А ректоры, при которых он работал, они как-то давали ему понять, что благодарны ему за то, что он взвалил на себя такой груз, тем самым облегчив им работу?

– По моим наблюдениям, такое иногда бывало.

– Алексей Николаевич, мне рассказывали, что во многих случаях очень быстро выявлялось, что Георгий Сергеевич среди других – лидер. Его талант организатора проявлялся без промедления. Потому, наверное, он лидировал и среди проректоров. Получается, что в университете он был теневым лидером.

– Я бы так не ставил вопрос. Он был не теневым, а реальным лидером. И это объясняется не только его способностями, но и опытом. Организационной работой он занимался с молодых лет. И мы наглядно могли наблюдать, как на наших глазах Георгий Сергеевич работает над организацией какого-то мероприятия. И знали, что у него все получится очень хорошо и эффективно. Мы видели, как он мог охватывать всю картину сразу и в то же время вникал в мелочи, которые, на первый взгляд, не очень существенны. Все вопросы он старался разрулить в начале.

– Алексей Николаевич, был ли контраст между Шкребнем на работе и Шкребнем вне работы? Это был один и тот же человек или разные люди? Вроде бы не один и тот же?

– На первых порах, Шкребень в компании, раскрепощенный, веселый, шутящий, поющий, воспринимался

непривычно, но потом это прошло, потому что мы знали заранее, какой Шкребень в кабинете и какой – на празднике или неформальном мероприятии.

– Мы заканчиваем разговор. Что еще осталось на языке?

– Знаете что? Я иногда вспоминаю лекции Шкребня в мои студенческие годы. Я уже говорил, что это был непростой курс лекций. Тем более что у Георгия Сергеевича была своя система политических взглядов.

– Да, я знаю, что он не отказался от своего партийного билета.

– И когда он нам студентам, а нас в аудитории 70–80 человек, рассказывал о Советском Союзе, мы относились к этому очень неоднозначно. Честно говоря, он никогда не утверждал, что в Советском Союзе все было хорошо и гладко, но убеждал нас в том, что эта страна была великой. Откровенно говоря, нам тогда казалось, что это человек вчерашнего дня, что его трактовка – неправильная. Только потом, с высоты прожитых лет, я стал понимать, что он во многом прав.

– Значит, его убеждения аудитория воспринимала снисходительно?

– Нет, снисходительности не было. Мы не со всем соглашались, но мы его слушали. Тем более что он был строгим преподавателем, на экзаменах никому спуску не давал.

– Алексей Николаевич, а не допускаете ли вы, что эти убеждения – самое главное в его личности? Может быть, из всех его достоинств эта – первая? Ведь речь идет не о чем-то частном, а о мировоззрении. О том самом, что и предназначено культивировать университету?

– Мы не думали о том, главное это или не главное, но догадывались, что Георгий Сергеевич придерживал-

ся этих убеждений в то время, когда у большинства людей вообще никаких убеждений не было. Мне тогда казалось, что Георгий Сергеевич ортодоксален. А прошло 10–15 лет, и я стал понимать, что на самом деле это не ортодоксальность, а система убеждений, за которые человека можно уважать.

– Тогда он вас не убедил. Тогда он был одним воином в поле, которое оглашалось совсем другими голосами.

– Теперь я во многом с ним соглашаюсь. Но вернуть то, что он отстаивал, неверное, уже не реально. Во всяком случае, с ним было интересно общаться, независимо ни от чего.

– Согласитесь, ситуация, когда студенты и преподаватель не понимают друг друга, драматична.

– Не знаю. Соглашались или не соглашались, но мы его все равно уважали. Он был один из самых уважаемых преподавателей.

– Алексей Николаевич, я думаю, в его личности самое главное – именно эти его лекции. Не только его учебно-методическая работа, не только знание нормативных документов, не только сидение в кабинете с утра до вечера, а, прежде всего, эта верность своим убеждениям. Он шел против ветра, он стоял на своем тогда, когда вокруг бушевала мировоззренческая круговерть и сумятица. И его верность социалистической идее диктовалась не упрямством и упертостью, не косностью «вчерашнего человека», не потерей высокого статуса и былых привилегий, а результатом исследовательского анализа хода истории. Это позиция ученого-историка. Она достойна уважения.

На этом закончим или есть еще что сказать?

– Могу сказать одно: мне с ним работалось комфортно и продуктивно.

– Пусть так. Известно, что Георгия Сергеевича в университете уважали. Сколько их было, уважающих? Наверное, большинство. А много ли было тех, кто его не уважал?

– Я не знаю ничего насчет «не уважали». Я знаю людей, с которыми он серьезно и жестко конфликтовал. Но...

– Но ведь не сказать, что когда умер Шкребень, весь университет впал в глубокий траур.

– Однако я думаю, что не было в университете человека, который к смерти Георгия Сергеевича отнесся равнодушно. Впрочем, может быть, они и были. Но на похоронах я видел много людей, с которыми он не ладил, но которые, несмотря ни на что, пришли попрощаться с ним. И отдали ему последнюю дань уважения.

А что касается лично меня, то Георгий Сергеевич был моим педагогом, куратором, наставником. Был и остается.

ЧЕЛОВЕК ИЗ СОЦИАЛИЗМА
Свою честность, прямолинейность и бескомпромиссность он пронес через всю жизнь

В.В. Садырин, ректор ЧГПУ (2010–2017 гг.), кандидат пед. наук

– Владимир Витальевич, в университете, пожалуй, нет человека, который лучше вас знал Георгия Сергеевича Шкребня как работника, а, может быть, и как человека. Он был вашим ближайшим помощником, ваши кабинеты располагались друг против друга. Но у вас у обоих были долгие годы, когда жизнь держала вас на расстоянии даже большем, чем от Сатки до Златоуста. Когда Георгий Сергеевич появился в вашей жизни?

– Первоначально я узнал Шкребня, когда мы с ним учились в институте. Но тогда я воспринимал его вроде кометы, пролетающей на горизонте. Это 70-е годы, он старше меня, учился на историческом факультете, а я – на естественно-географическом. Поскольку меня с первого курса выбрали в комитет комсомола, то я видел Шкребня на всяких комсомольских собраниях и мероприятиях. Я не был с ним близко знаком. Единственное, в чем я утвердился сразу, это то, что он человек бескомпромиссный, упертый, настойчивый, – качества, которые, как оказалось, он сохранил до конца жизни. И уже на гражданской панихиде я сказал, что после распада Советского Союза Шкребень был среди тех немногих, которые остались верными КПСС. Я никогда не осуждал

его за политические взгляды, наоборот, вызывает уважение то, что человек остается верным своему мировоззрению, несмотря на то, что его идеология стала, по сути, гонимой.

А потом... Были случайные встречи в дни юбилея института, а на всех юбилеях он был организатором и заводилой.

Одно из самых ярких впечатлений – 2003 год, когда в нашей области вводился ЕГЭ. Тогда к нам приехали представители двадцати территорий, которые тоже готовились ввести ЕГЭ, и у нас в Миассе, на озере Тургояк, министерство проводило учебу по ЕГЭ. На лекциях Шкребень больше всех задавал вопросы. И Виктор Александрович Болотов, первый заместитель министра образования, который раскручивал ЕГЭ, – его теперь называют «папой ЕГЭ», – в перерыве подошел ко мне и спросил: «Что за мужик, который пристал ко мне с вопросами, что ему надо?» Я ему так объяснил Шкребня: если он берется за дело, ему надо докопаться до сути, а если он докопается до сути, он сделает дело лучше всех». Болотов успокоился: «Понял, наш человек». И потом очень подробно ему отвечал, отдельно побеседовал с ним. В результате из всех вузов – а Болотов тогда очень правильно придумал продвигать ЕГЭ не в школах, а на базе вузов, без школ – наш университет лучше всех в области провел первый ЕГЭ, и это – благодаря Шкребню. Когда подводили итоги, на наш регион прислали три Почетные грамоты, одну из которых получил Георгий Сергеевич. Помню, Болотов позвонил мне накануне и попросил назвать фамилию «того мужика», который приставал к нему с вопросами на озере Тургояк. «Шкребень», подсказал я. «Вот-вот, мы наградим его». Я думаю, в этих эпизодах характер Георгия Сергеевича раскрывается наглядно.

– Мне все говорили об организаторских способностях Шкребня, о его неустанном трудолюбии, его преданности вузу. Интересно было бы узнать ваше мнение о нем – коллеге, работнике, помощнике, соратнике...

– Еще когда я работал в министерстве, у нас было немало встреч. Обычно, приезжая в вуз, я заходил в кабинет Шкребня, поздороваться с ним... Потом у него выходила книга, и они приходили ко мне с просьбой помочь – напечатать ее. Можно вспомнить и другие случаи. Отношения были нейтральные, рабочие, нормальные.

И настал день, 24 ноября 2010 года, я прихожу в университет и подаю ректору Латюшину приказ министерства образования о моем назначении исполняющим обязанности ректора. Ректор позвал проректоров. Признаться, они встретили меня настороженно. Однако два человека сразу сказали, что они меня поддерживают и будут мне помогать. Это были Шкребень и Аменд.

Я оказался в необычной, даже чужой обстановке. В обед Аменд приходил ко мне, брал за руку и уводил в столовую: «Пошли, я тебя покормлю». И Шкребень с первых дней вводил меня в курс дела. Но тут же начался моббинг, то есть выживание чужого из своей среды, создание ему абсолютно неприемлемых условий жизни и работы». Нашлись люди, которые организовали сайт, начали травлю. Шкребень без оглядки заступался за меня. Сам я перестал читать сайт, втянулся в работу, и от моих недоброжелателей больше всего доставалось Шкребню. Но тут надо сказать о том, что отличало Шкребня: куда его точно не взяли бы – это в министерство иностранных дел.

– Не дипломат?

– Никакой дипломатии он не признавал. Иногда я ему говорил: «Георгий Сергеевич, не беспокойтесь, я сам

все разрулю», а он кипятился: «Да что там разруливать, я сейчас пойду и разгоню всех этих лентяев, которые только и умеют кляузы строчить, не достойны они, чтобы с ними разбираться». И на сайте он их гневно клеймил.

Если говорить о его достоинствах как работника – это доскональное знание документов. То же самое желание докопаться до сути, как при освоении ЕГЭ. Еще когда я работал в министерстве, знал о «справочном бюро» Шкребня. Как-то надо было выяснить какие-то детали по выборам ректора, и Косилов звонит мне: «Кто лучше знает ситуацию?». «Кто? Шкребень, позвоните ему». Я не говорил «Шестаков», я не говорил «Вяткин», я не говорил «Латюшин», я говорил «Шкребень», потому что все законы и параграфы, все, что касается документов, – у него в папочках, подобрано, подшито... Я думаю, это какая-то не белорусская даже, а немецкая педантичность. Он ничего не забывал, он помнил все даты – дни рождения и смерти, юбилеи.

Еще об одном хочу сказать – о том, что теперь, без него, к сожалению, у нас уходит. Накануне родительского дня Георгий Сергеевич собирал хозяйственников, и они на машинах объезжали могилы преподавателей и сотрудников, у которых никого не осталось, – приводили в порядок могилы, оставляли веночки. Это он организовывал неизменно.

Я думаю, что у него была постоянная тяга к знаниям. Шкребень был старше меня на четыре года, и тем не менее он сам освоил компьютер. Он все печатал на компьютере. И все документы держал в компьютере, в электронном виде. Он вел сайт университета. На сайте отвечал на вопросы. Отвечал с обычной своей бескомпромиссностью. Например, студенты задают вопрос: почему сегодня не было воды на пятом этаже? Он отвечал: вовремя надо платить за общежитие. Я ему: не надо так

отвечать, давай я вызову проректора по хозчасти, пусть он съездит, разберется. А он свое: пусть платят за общежитие.

К минусам Георгия Сергеевича я бы отнес его чисто советское, отвратительное отношение к своему здоровью. Вы знаете, мой сын Антон – врач, он иногда приходил ко мне, и, увидев его, Шкребень бросался к нему: «Хорошо, что я тебя встретил. Вот я таблетки пью, по интернету нашел, ты мне скажи, правильно или нет я их пью». Антон хватался за голову: «Зачем он пьет таблетки по интернету, ему же к врачу надо. Я ему говорил об этом, а он не слушал».

Или такой случай. Георгий Сергеевич поскользнулся, получил травму. Я смотрю – он какой-то не свой. «Ты что такой? Ну-ка рассказывай». «Да вот упал и ударился». «Езжай в больницу». Три дня я не мог заставить его поехать к врачу. И потом перешел к методу параллельного воздействия – вызвал Виноградова и говорю: «Николай Борисович, бери его за руку, посади в машину, вези к врачу, платному или бесплатному. Я заплачу, если за плату». Виноградов увез его к врачу. Так Шкребень начал спорить с врачом, доказывая, что он правильно пьет таблетки. Десять лет он пил таблетки, которые ему, при его диабете, пить нельзя. А он: «Я сам знаю, что моему организму надо». Вот так. А закончилось это тем, что он ушел из жизни по глупости. Когда у него начался, по сути, перитонит, он терпел до понедельника, хотя в пятницу мог обратиться к врачу, ему бы сделали операцию, и все бы обошлось.

– И то сказать, что при таком отношению к своему здоровью он дожил до своих 65 лет.

– Да, но он, в какой-то степени предчувствовал беду. Говорил, что у его мамы диабет, что у брата диабет, еще у кого-то. «Я долго не проживу». Очень резко он сдал в по-

следний год. Когда ему было 64 года. Скажу так: в 64 года был один Шкребень, а в 65 – другой. Уже старичок, с шаркающей походкой, и меня стали подначивать: почему ты держишь Шкребня? Даже до министерства дошло. А когда после очередных выборов подписывали контракты, я ему сказал: «Георгий Сергеевич, давай договоримся так: до 65 лет работаешь, а потом – посмотрим». Долго ждать не пришлось. Я придерживаюсь такого правила: мы должны научиться достойно провожать достойных людей. Как провожали Шкребня. Мы созвали ученый совет, его друг Виноградов сделал основной доклад, потом были выступления, люди говорили тепло и сердечно, и, я смотрю, у него на глазах слезы. Мы ему вручили медаль, грамоту, выписали денежную премию, я заказал торжественный ужин. Опять говорили ему наши добрые слова, попели песни.

Конечно, обидно, что он знал одно: дом и работа. В последние три года я силком заставлял его брать отпуск, и он уезжал в Белоруссию, в Минск, к племяннику. Как-то немного отдыхал.

– Владимир Витальевич, остается тот же вопрос – кто он, Георгий Сергеевич Шкребень? Ведь, согласитесь, само намерение издать книгу о нем – свидетельство его заслуг. Он остался в памяти своих коллег. Наверное, нельзя было похоронить и забыть.

– Я думаю, здесь много от ностальгии по советскому времени. В советское время Шкребень – символ социализма. Мальчик, который воспитывался мамой без отца... Мальчик, который в детстве тонул на льдине, но не утонул... Мальчик, который хотел хорошо учиться, увлекался историей, много читал... Скажу так: социализм помог ему сделать самого себя. Выбраться из своего социального статуса. Стать проректором вуза. Недавно я виделся с ректором Московского городского педагогического университета Алексеем Владимировичем Лубко-

вым, который в свое время вместе со Шкребнем учился в аспирантуре, и москвич высказался о нем, как о человеке удивительном: как в аспирантуре он досконально изучал документы, как не мог он выйти на защиту, чтобы что-то не прочесть, как защищался без всяких бумажек, на память.

Отдельно надо сказать о его преданности вузу, которому – теперь окончательно ясно – отдал всю жизнь. Почти всегда в вузе он был на руководящих должностях. Да, не первый человек, да, не стал ректором, хотя по каким-то качествам он наверняка превосходил иных ректоров. Да, он был очень прямолинейным, очень, не терпел пустословия и славословия, всегда добивался результата. И если принимал решение, то доводил его до конца. Я сужу по себе: он принял решение встать на мою сторону, а теперь и не сказать, кто из нас принял больше ударов, я или он.

Когда ректором был Сергей Васильевич Шулепов, у него проректором был А.В. Лушников, и к ректору почти никто не заходил, потому что Шулепов – человек науки, не администратор, и все вопросы решались в кабинете Лушникова. И Шкребень подобен Лушникову, по сути, он руководил вузом, вся невидимая часть айсберга – вся ежедневная, еженедельная и ежемесячная текущая работа лежала на нем. Потому мы и решили сделать книгу о Шкребне, о человеке, который «держал» университет. На его ответственности были все учебные программы. У меня в шкафу – несколько ящиков и полок, заполненных сотнями образовательных программ, которые исполнялись под неусыпным контролем Шкребня, им заказаны, проверены, исправлены и розданы. Это очень кропотливая, если не сказать нудная работа. Сколько часов отдать тому или иному предмету, все расписать заранее. По сути, план, программа и детальная разработка обра-

**На Бирюковских чтениях
в читальном зале вуза. 2013 год**

**На мероприятии, посвященном
памяти А.Ф. Аменда. 2014 год**

Вся учебная и методическая работа лежала на нём...

зовательного процесса. И не случайно наш университет всегда с блеском проходил аккредитацию.

– Вся глыба методической работы лежала на нем?

– Да, вся учебная и методическая работа. Тысячи учителей выучились по программам, которые прошли через руки Шкребня. Это многими даже и не осознается – та самая невидимая часть айсберга.

– Владимир Витальевич, это, и в самом деле, трудно осознать. Научный работник, человек умный, образованный, успевший многое в жизни испытать, – как он не мог понять, что оказался в ситуации белки в колесе? Ведь однажды он должен был бы очнуться, оглядеться, сообразить, что происходит, и круто развернуть свою жизнь.

– Есть такое стихотворение: «Каждый выбирает по себе женщину, религию, дорогу, дьяволу служить или пророку, каждый выбирает по себе...» Получилось так, что он выбрал работу. Что-то не получилось у него с семьей. С женщинами. Я с ним на эту тему никогда не разговаривал, и не могу его ни осуждать, ни оправдывать, потому что не знаю, что у него произошло. Он выбрал такой путь. Я думаю, что один на один ему наверняка было тоскливо. Одиноко. Он же все понимал. Здесь, в университете, он – руководитель, наделенный уважением и властью, здесь он все может, до шести вечера, до десяти вечера он здесь востребован, а потом?

– Однако никто его не признает несчастным, грустным и печальным. Уныние – не про него. Все его считали удавшимся. Едва ли не счастливым.

– Я думаю, все-таки не совсем успешным. Свой человеческий потенциал он до конца не реализовал на этой земле. Успешный менеджер, мыслящий руководитель, результативный администратор, уважаемый студентами лектор, преподаватель, но – человек без тыла...

– И без будущего?

– Мне кажется, когда он понял, что это так, решил идти этой дорогой до конца. И заполнял жизнь такими вещами, которые были для него не детьми, а детищами. Впервые в России он создал две педагогические энциклопедии. Сколько требовалось времени, чтобы их хотя бы прочесть? А ведь, заметьте, в них практически нет ошибок.

Энциклопедия – тоже история, тоже память. И вообще, мне кажется, память – самое подходящее для Шкребня понятие.

– В них отмечено: главный редактор и составитель Г.С. Шкребень. Все ли поймут весомость этих титров?

– Редактировать энциклопедии – работа очень трудоемкая и кропотливая, но, наверное, еще труднее – заставить людей работать на эту «отвлекающую» затею.

– Он умел делать и это. Умел сам работать и умел заставлять работать других. И он не воспринимал людей, которые плохо работали.

– Да, с ними у него были конфликты. Отъявленные халтурщики и лентяи переставали для него существовать. Он их просто не замечал. Это – пустое место. «Что вы столько внимания уделяете ему? Это – пустое место». Такое подростковое белое-черное видение жизни у него сохранялось до самого почтенного возраста.

– Шкребень так много, значительно больше других, работал, и это давало ему право быть нетерпимым к тем, кто на работе «не горели»?

– Понимаете, человек всегда ищет и находит оправдание своим поступкам.

– Как бы то ни было, можно не сомневаться, что без Шкребня вуз не имел бы много чего. Тех же энциклопедий.

– Не было бы энциклопедий, не было бы учебных программ и, может быть, не было бы самого университета...

– Владимир Витальевич, а что, если я с прямолинейностью Шкребня скажу, что он жил неправильно?

– С точки зрения сегодняшнего социума, сложившегося за последние 25 лет, после распада Советского Союза, ваш вопрос заставит меня задуматься: что-то в этом есть. Но Шкребень – образец ушедшей эпохи. Он человек социализма. Он человек коллектива. Давайте посмотрим, сколько у нас мужчин, великолепных организаторов, руководителей, сколько красивых и умных женщин, уделом которых было одиночество? Вспомним, например, Римму Сергеевну Алексееву, некогда заместителя председателя облисполкома на протяжении многих лет, – она ведь тоже не обрела своей семьи. А сколько таких? Сколько их, которые жертвовали личным ради общественного? Они оправдывали свою судьбу тем, что работают ради будущего, ради общего блага. Такая была идеология. С точки зрения социализма так – нормально. Такое оправдание принимается. А с точки зрения сегодняшнего общества – нет. Современным молодым людям не понять, что можно работать, как Шкребень, по 14–16 часов в день. Это уже другое поколение. Мы отдаем дать уважения его профессионализму, его трудолюбию и вкладу в развитие университета, а остальное он взял с собой. Как говорится, Бог ему судья.

ЧЕЛОВЕК СО СТЕРЖНЕМ
И самый обыкновенный земной человек...

С.Г. Ткаченко, доцент
кафедры всеобщей истории

– Светлана Григорьевна, есть такое «официальное» прилагательное – «заслуженный». Почти все профессии имеют своих заслуженных работников. Г.С. Шкребень – заслуженный работник высшей школы. Он же – отличник народного просвещения. И так дальше. Приглашаю вас поговорить о заслугах Георгия Сергеевича.

– Заслуг у него, конечно, много, но я хочу начать с того, что он был обыкновенным человеком со своими достоинствами и недостатками. Обыкновенный земной человек. Мы учились на одном факультете, он – курсом старше. У нас был дружный, сплоченный факультет, мы все тесно общались друг с другом. И Гера был в числе заметных студентов.

Георгий Сергеевич заслуживает особого отношения. Это был человек, скажу вам, со стержнем. Он был убежденным сторонником коммунистических идей. Его трудно было сподвигнуть на какое-то инакомыслие. Когда началась перестройка, он не поддался всеобщему «брожению», страстно отстаивал свои позиции, называя нас штрейкбрехерами.

Он был необыкновенно надежным человеком. И в его натуре – заботиться о других. К нему ходили денежку занять, знали, что не откажет. Он всегда был под рукой, готовый помочь.

Я прекрасно помню одну из ситуаций, которая иллюстрирует то, что я сказала. Мы находились в Москве на курсах по повышению квалификации. Одна из наших коллег возвращалась в Челябинск, и ее обещал проводить к поезду другой приятель. Из Москвы, как водилось тогда, возвращались с кучей вещей. Все, как в известном стихотворении про даму, которая сдавала в багаж... Георгий Сергеевич с утра пошел в библиотеку им. В.И. Ленина («Ленинку»). Еще спросил, уходя: «Точно не нужна моя помощь?» Мы отказались от помощи. Но приятель, обещавший помочь, по какой-то причине не пришел. Мы были в отчаянии, уже опаздывали на поезд. И, когда не оставалось никаких надежд, появился Г. Шкребень. Говорит: «Что-то я заволновался». Мгновенно нашел машину, мы загрузили багаж, поторопили шофера, прилетели на Казанский вокзал, на ходу забрасывали в тамбур вещи. Благодаря Георгию Сергеевичу, все обошлось. Таким мы знали его в роли спасителя.

У Геры не было особых друзей, но при этом был общительным. Семьи у него никогда не было. И девушки не было. Да, и в группе он дружил в основном с девушками, с Людмилой Жуковой, Любой Федяниной, Светланой Турбановой. Он очень любил свою маму, сильно переживал, когда она ушла. Брат его тоже рано умер, и Георгий Сергеевич до последних дней помогал племяннику Дмитрию.

Близкими друзьями мы не были, но особенно мы сдружились, когда я пришла на его место в деканат исторического факультета в качестве заместителя декана. Георгий Сергеевич стал проректором по заочному обучению. И на этом посту он сделал очень многое. При нем заочное отделение по-новому раскрыло свою деятельность, успешно внедряя различные проекты. Он умел объединить и сдружить всех работников заочного отде-

ления, любил собрать коллектив, чтобы кого-то поздравить с днем рождения или всех – с праздником.

При Георгии Сергеевиче, когда стал первым проректором по учебной работе, началась серьезная перестройка высшего образования, и вся основная нагрузка по переходу тогда на двухуровневую систему, разработке новых учебных планов по предложенным стандартам, учебно-методических комплексов легла на него. Это было сродни айсбергу, никто не знал, как к нему подступиться и какие «сюрпризы» ждать. Здесь он был незаменим с его въедливостью, организованностью и железной волей.

Благодаря Георгию Сергеевичу появились и новые традиции в вузе. Одна из них связана с уходом из жизни наших любимых преподавателей. Он взял на себя добровольную миссию – мы стали посещать могилы наших учителей. Ежегодно стали ездить на кладбища, убирать могилы, тем более, что их уже посещать некому. Он очень серьезно относился к этому.

– Светлана Григорьевна, простите, я вас перебью. Казалось бы, всего лишь «мероприятие» – почтить память ушедших преподавателей. Можно оценить это и как обыкновенную приверженность к традиции. Или обнаружить дальновидность такой позиции. Ведь это тот случай, когда мертвые работают на живых. Ведь память нужна не тем, кто ушел, а тем, кому предстоит уйти. Но для меня важнее всего то, что такое побуждение идет не от ума, а от сердца. Это не рациональное, а эмоциональное решение. Что вроде бы очень неожиданно для «черствого бюрократа». Кстати, в жизни Шкребня слово «память» стоит на особом месте. Я думаю, что вы тоже заметили это.

– Да, конечно. И, продолжая вашу мысль, скажу, что и Георгий Сергеевич достоин нашей памяти. Что стоит

У вуза с коллегами

только колоссальная его работа по созданию энциклопедии нашего университета. Ведь энциклопедия – это тоже память. Это невероятно сложная работа. Открываешь эту весомую книгу, и каждый раз вспоминаешь Георгия Сергеевича. Он участвовал в создании и энциклопедии о заслуженных учителях РФ в Челябинской области, юбилейных книгах университета, книги по истории исторического факультета, истории кафедры отечественной истории. Здесь он действовал и как ученый, и как краевед, и как человек, который любит свой вуз, почитает тех, кто в нем работал и работает.

Георгий Сергеевич очень добросовестно относился к своей профессиональной деятельности, преподавательской работе, краеведческой работе. И, что может показаться неожиданным, – он одним из первых в вузе освоил компьютер, легко перешел на электронную систему работы, активно способствовал созданию сайта университета. Это говорит о том, что он стремился идти в ногу со временем, не отставать от него. И он не отставал.

– Светлана Григорьевна, на ваших глазах прошла вся сознательная, взрослая жизнь Шкребня. С юношеских лет. Казалось бы, в его ситуации другой впал бы в депрессию, обособился от людей, а он нашел свое место в жизни. Выдержал удар судьбы.

– Я, честно говоря, не вижу удара судьбы. Да, он был стержневым человеком. Он нашел свое место в жизни и был счастлив в этом.

– Стержневым и правильным. Он жил правильно. Соблюдал главные правила жизни. Да?

– Вот именно. Он учился очень хорошо, был отличником. И ему было важно четко определиться в жизни. Окончив в Москве аспирантуру, он мог бы остаться в

столице. Такая возможность была. Если бы он захотел. Но он вернулся. Вернулся, как возвращаются домой. Институт и стал его домом. Здесь он жил, здесь работал. Такой он был человек: если выбрал, то навсегда. Не случайна и его верность коммунистическим взглядам. Тут он был ортодокс. Конечно, в последние годы ему приходилось не просто. Многое изменилось. Менялось руководство, дальнее и ближнее. Менялись требования. Время изменилось, и к нему надо было как-то приспосабливаться. Конечно, не обходилось без чувства тревоги. Появились и болезни. Он был один, без родственников. Его посещали и мысли о переезде к племяннику в Белоруссию..

– Везде тупики?

– Нет, не согласна. Он был по-прежнему активным человеком, хотя нагрузки были невероятно большими. Только здоровье подводило.

– Тем не менее его смерть была неожиданной?

– Конечно. Да, у него были очень серьезные заболевания, тяжелые, требовавшие длительного скрупулезного лечения. Но умер он не от них. И потому неожиданно.

– Светлана Григорьевна, хочу повернуть разговор на другой аспект: Шкребень и университет. Какие тут соотношения? Какие чаши весов?

– Если говорить о нем лично, то университет для него – все. Прежде всего – работа. А в работе он был педантом, бюрократом. Иногда его за это ругали, злились на него. Но все знали, что это тот надежный человек, который все знает, все объяснит, все разложит по полочкам. И в этом смысле он был тоже очень нужен. Только в самое последнее время, когда навалились хвори, изменился его характер, он стал вспыльчивым, раз-

дражительным, иногда – несправедливым. Я это объясняю его болезнями. И чрезмерной усталостью. Ведь он, по сути, не отдыхал.

Для нашего университета Г.С. Шкребень – это эпоха. Трудно себе представить вуз без него. Он очень многое оставил нам в наследство.

– Университет ему был нужен?

– Да, конечно.

– А он – университету?

– Несомненно, тоже.

– Это было взаимно?

– Это было взаимно. Едино. За что ни возьмись, постоянно вспоминаешь его. Много было им систематизировано и устроено в учебной работе. Он очень хорошо наладил работу заочного отделения. Я не хочу сказать, что там чего-то не было до него, но он все привел в систему. Его организаторские способности университету были очень нужны. Конечно, он был человеком своего времени, но работал очень органично. Не был временщиком. Не карьеру делал, а жил работой. Работал ради дела. Это, пожалуй, главное.

– Однако, Светлана Григорьевна, его не назовешь всеобщим любимцем?

– Нет. А разве на такой работе можно быть всеобщим любимцем?

– И сам он не добивался ее, всеобщей любви?

– Нет. Он об этом и не думал. Иногда он мог и обидеть человека. Особенно в последнее время. Иногда он позволял себе резкость. Не потому, что к этому человеку так плохо относился, а именно потому, что уже болел. Любимцем он не был. Но когда ушел... Особенно в первое время, когда не стало Георгия Сергеевича, очень чувствовалось его отсутствие. Да, любили его не

**Для нашего университета Г.С. Шкребень – это эпоха.
Трудно себе представить вуз без него...**

все, но при этом не скажу, что у него были враги. Врагов тоже не было. Он не был человеком, который... У него, я думаю, был узкий круг общения для души, но с другой стороны... Я иногда с ним спорила. Как это так, Георгий Сергеевич, говорила я ему, почему другие члены ректората своим факультетам уделяют больше внимания, а ты вечно придираешься к нашему факультету. А он отвечал: я человек университета, для меня все факультеты одинаково важны.

Врагов у Георгия Сергеевича не было. А друзья были. Он верен был студенческой дружбе, ходил с однокурсницами в театр, на концерты. По жизни с ними дружил, а дружба выражалось в том, что он им во всем помогал, разделяя с ними и горе, и радости.

Он не был замкнутым человеком. Помню наши сборы у подруги «на пирог», где мы с ним вдвоем всегда и пекли эти пироги, главным образом, рыбные. Георгий Сергеевич был музыкальным человеком, хотя музыкального образования не имел. Он был одарен от природы красивым голосом, любил петь, особенно романсы. У него дома была большая коллекция пластинок с записями классической музыки. Он выступал в концерте со знаменитым оркестром «Малахит». И, традиционно, когда проходили дни историка на факультете, весь зал скандировал, требуя исполнения знаменитой «Лизаветы».

– Светлана Григорьевна, что еще можно сказать о Шкребне?

– Он был очень надежным и принципиальным. Ради этого, невзирая на лица, мог пойти на конфликт. В моей жизни был один серьезный момент, когда у нас в деканате появился новый компьютер, и ректор приказал отдать

его на факультет информатики, а нам – передать старый. Георгий Сергеевич сказал, что в таком случае он уйдет с должности проректора. Компьютеры остались у нас. И еще. В свое время у нас был историко-педагогический факультет. Мы поступали на специальность «учитель истории, обществоведения и методист пионерской и комсомольской работы». А кроме того, у нас была устойчивая традиция: наши студенты уезжали на практику в Артек и Орленок. И Георгий Сергеевич ездил в Артек, любил Артек. Артековцы часто встречались, появились и новые традиции.

– Светлана Григорьевна, интересно было бы объяснить коммунистические взгляды Шкребня. Может быть, социальной средой, в которой он вырос? Или – это мировоззренческая убежденность, выработанная им как ученым?

– Я думаю, такое было воспитание, такое было время. Со школы – октябрята, пионеры, с юности – комсомольцы. Этим все было пропитано. А среда... В нашем кругу были парни и девушки из разных социальных слоев. Мне кажется, такой у него был характер. Не в его нраве – сходить с линии, которую выбрал. Но свои взгляды он не демонстрировал. Правда, пытался привлечь в партию студентов, молодых преподавателей. Не настаивал, конечно, но предлагал. И фанатом его не назовешь. Он не ходил на площадь Революции, не стоял там под красными знаменами. Таких случаев не знаю. У меня такое впечатление, что он жил в ладу со своими твердыми внутренними убеждениями.

– Светлана Григорьевна, если иметь в виду практическую деятельность Шкребня как проректора, то, как я понимаю, главное его достоинство было в том,

что он в университете наводил какой-то «бюрократический» порядок, какую-то «бюрократическую» систему...

– Да, его и звали бюрократом, в хорошем смысле слова.

– Это его достоинство?

– Это его достоинство. Это очень важно, когда организм работает слаженно. И в этом смысле его вклад был очень весомым. И всеми признаваемым. Но бюрократом он был в хорошем смысле слова, никогда не упивался властью, не был самодуром, умел слышать других.

– И это не всем дано?

– Не всем. У него были несомненные организаторские способности. Все бумаги всегда были в порядке. Както я пришла к нему в кабинет за дискетой, и он мгновенно нашел ее, дискету пятилетней давности. В работе он был цельным человеком. Вообще, я думаю, свое счастье он находил в том, что был востребован в жизни. Он был нужен нам. И потому всего себя отдавал вузу. Ему некогда было разбирать свои комплексы.

– И все-таки у него была воля преодолеть свои обиды на судьбу?

– Я не думаю, что эти обиды были. Воля, наверное, была, но я никогда не слышала, чтобы он жаловался на что-то. Он никогда не был ущербным человеком. Никогда. Он всегда был самодостаточным. Таким я его воспринимаю. Он мог показаться даже самоуверенным, но не обиженным. Таким я его знала.

БЫЛ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ И БЫЛ ГЕРА... В памяти он остался парнем из моей молодости

Т.Н. Маркова, доктор филологич. наук, профессор

– Татьяна Николаевна, не знаю, как хорошо вы были знакомы с Георгием Сергеевичем, но спрошу вас об этом отдельно: вы его «разгадали» или все-таки осталась какая-то загадка?

– Загадка Георгия Сергеевича? «Каждый человек есть тайна, – писал Ф.М. Достоевский, – и я разгадкой этой тайны занимаюсь всю жизнь». Я не писатель по профессии, поэтому разгадыванием тайны человеческой души не занимаюсь. Мы были коллеги, и в этом смысле я могу вам сказать, каким он был в молодости, когда мы вместе начинали работать в институте, и каким он стал, когда работал проректором по учебной работе, а я преподавателем кафедры литературы. Эти отношения были уже иные, чем те, юношеские. А как личность... Я не могу сказать, что он мне как-то открывал душу, что я знала его потаенные мысли и желания, хотя мы и были много лет знакомы.

– Пусть так, тогда расскажите, как началось ваше знакомство. Надеюсь, это проще.

– В ноябре 1975 года я была принята методистом на подготовительное отделение, бывший рабфак. В тот же год к нам, в деканат подготовительного отделения, заведующий кафедрой истории СССР Борис Васильевич Гри-

горьев привел своего нового сотрудника. Георгий Сергеевич Шкребень стал вести на рабфаке историю. Мы начинали работать вместе, начинали с молодым задором, в очень хороших отношениях друг с другом. Изначально это было так, поскольку молодость есть молодость. Б.В. Григорьев пошутил, что привел к нам перспективного жениха.

Но Георгий Сергеевич – человек серьезный, не легкомысленный, вел себя очень достойно, в работу погрузился очень серьезно. Он вообще такой человек – отчасти, наверное, ригорист, строгий, очень дисциплинированный.

Некоторое время он проработал в качестве преподавателя на рабфаке, и тогда мы все вместе общались, гуляли вместе, ходили на какие-то концерты. Однажды были в гостях у Геры, у Георгия Сергеевича, я и Владимир Дугинец. Шкребень жил на Кировке, в доме напротив оперного театра, в коммунальной квартире. Хозяин угощал нас жареной картошкой, Дугинец декламировал стихи. В общем, молодые есть молодые. Мы общались очень по-дружески.

Потом Георгий Сергеевич уехал на службу в Североморск. Подробностей я не знаю, года два он там служил, писал письма, интересовался делами в институте. Переписка носила характер исключительно дружеский.

– Переписка не сохранилась?

– Нет, не сохранилась. Георгий Сергеевич писал о своей службе, спрашивал, как идут дела на рабфаке, я ему отвечала. Словом, переписка носила исключительно дружески-деловой характер.

Помню, как он приезжал в отпуск, в капитанской форме, в шинели, и он был у нас в гостях, у меня на дне рождения. Он всегда любил петь, и у меня отец очень музыкальный человек, и я сама училась какое-то время

в музыкальном училище... Тогда на моем дне рождения Гера с папой пели романс «Гори, гори, моя звезда», а я им аккомпанировала. У меня долгое время лежала пластинка Дворжака, которую он мне тогда подарил.

Это все – из того времени. Это вторая половина 70-х годов. Дальше уже совсем другая история. Я защитила диссертацию, у меня родился сын, а Георгий Сергеевич, по окончании своей воинской службы, вернулся на кафедру, много и очень активно работал на факультете, и на этом этапе мы уже очень мало общались. И если встречались, то только по работе. Очень дружна была с ним со студенческих лет Светлана Григорьевна Ткаченко, моя хорошая приятельница. У них всегда отношения были «на ты». Раньше и мы были «на ты», но с тех пор, как он начал занимать административные посты, общение было только официальным. На разного рода совещаниях я присматривалась к нему и всякий раз убеждалась, что Гера стал другим. Он всегда был очень серьезным и очень ответственным человеком, но в этом новом качестве исчезла, ушла какая-то «живинка», смешинка, быть может, улыбка. Но что осталось, осталось навсегда – это любовь к музыке, к пению. Я думаю, то, что он оказался на административной должности, очень сильно сковало его внутренне. Потому что усугубило, наверное, эту его сторону «железной дисциплины» и некоторой суровости, до жесткости в общении.

– Может быть, официальности?

– Я вообще мало с ним общалась официально. Он проректор по учебной работе, я в то время – рядовой преподаватель, прямого, непосредственного общения у нас не было. Я наблюдала его со стороны – на совещаниях, на конференциях. Довольно жестко он общался с заместителями деканов по заочному обучению. Женщин у нас много, они обижались, и до слез. Меня это огорчало,

потому что я его знала другим. Огорчало то, что он стал таким суровым человеком.

Сейчас, по прошествии времени, та печаль, которая сопровождает уход человека, много лет знакомого, какие-то факты его поздней биографии, его человеческое одиночество, может быть, в какой-то степени не то что оправдывают, но объясняют его закрытость, жесткость. Хотя у него, несомненно, были люди, которых он выделял, которым доверял. Это верно по отношению к Зое Ивановне Тюмасевой, к ней он относился не то чтобы с почтением, а с восхищением. Это я лично наблюдала. У Георгия Сергеевича был юбилей, и я, как заведующая кафедрой, зашла поздравить. Был накрыт стол, сидели люди, и Зоя Ивановна была там. Я увидела, с каким восхищением, с каким расположением он общался с Зоей Ивановной, явно выделяя ее. Это был его юбилей, но он говорил главным образом о Зое Ивановне. Из этого я сделала вывод, что она в числе людей, которые ему особо близки. Спустя некоторое время, когда он стал советником ректора, таким человеком, я думаю, стала Ирина Альбертовна Кондратьева. Уже после его смерти мы разговаривали с ней. От нее я узнала о каких-то печальных вещах, о его одиночестве, о единственном родственнике, которому он помогал, и который был той ниточкой, которой он был привязан в семейном отношении. Это очень печально. Конечно, он достоин был лучшей человеческой судьбы. Вот, пожалуй, все, что я могу сказать.

– Татьяна Николаевна, немного огрубив, я могу сделать вывод, что вы знали двух Шкребней?

– Совершенно верно. Я знала двух Шкребней.

– И второй был менее привлекательным?

– Второй не был моим другом.

– А первый?

– А первый был. Недолго очень, но он был приятелем, хорошим приятелем, хорошим другом. Да.

– И никаких в нем загадок?

– Это не загадка. Это, к сожалению, закономерность судьбы. И в юности он был не самым открытым и не самым жизнерадостным человеком, как его друг Владимир Дугинец, например. Володя – само обаяние, сама открытость. А они были близкими друзьями. Такое часто бывает.

– Видите, в чем дело. Человек умер. А смерть подводит итоги. Поводит черту. В случае с Георгием Сергеевичем, я думаю, выяснилось, что он имел какие-то заслуги, которые следует отметить. Что несправедливо не сказать о них. А как сказать? Например, книгой.

– Как писал Евтушенко, «людей не интересных нет». О любом человеке можно писать книгу. О любом. Любую судьбу возьми, о каждой можно и нужно писать.

– О судьбе каждого можно написать, согласен, но о судьбе каждого не пишут.

– Это так!

– Почему-то кого-то выделяют.

– Разные есть обстоятельства, чтобы выделить.

– Татьяна Николаевна, а заслуги Шкребня… Вы о них не знаете?

– Вы имеете в виду, заслуги перед Отечеством и государством?

– Ну, хотя бы перед вузом.

– Конечно, я о них знаю. Он всю жизнь проработал в этом вузе. Он много лет работал на кафедре. Он работал проректором по заочному обучению. Потом проректором по учебной работе. Что я могу сказать о его работе в административной части? В самое трудное время вуза, в 90-е годы Аменд и Шкребень выводили вуз, спасали его. Тогда, как и сегодня, стоял вопрос о выживании, авто-

номии, самостоятельности и состоятельности. Все это было на их ответственности. Об этом надо говорить с людьми, которые имели непосредственное отношение к этим процессам. А я просто преподаватель, свидетель происходящего.

– Вы все же знали о роли Шкребня в спасении вуза. И сказали об этом. Наверняка вы знаете и о том, что он «виноват» и в том, что была издана энциклопедия университета.

– Конечно. Но это и без меня понятно. Несомненно. Он как историк очень внимательно относился к музею, сбору материалов по истории факультетов, ему же принадлежит и инициатива издания энциклопедии, в которую все мы вошли. Это его профессиональная склонность, он историк. Главное – институт был для него родным домом. Впрочем, как и для меня.

– Но, как видно, в нем сочетались качества, казалось бы, несовместимые. Очень замкнутый чиновник...

– Я не сказала, что он замкнутый чиновник.

– И в то же время – исполнитель чувствительных романсов.

– Ну и что?

– Вы считаете, что это нормально и обычно?

– Да, музыку он очень любил. Всегда охотно выступал на сцене. Георгий Сергеевич в актовом зале пел песни о войне. Чаще всего вот эту: «Ты ждёшь, Лизавета, от друга привета», любимая его песня, наряду с романсом «Гори, гори, моя звезда». И когда пел, он был узнаваем.

– Но, наверное, все-таки когда он был чиновником, в нем где-то там жил певец, а когда был певцом, где-то там жил и сухой чиновник.

– Я думаю, что когда он пел, чиновник в нем спал. Да, ещё: как быстро он освоил компьютер. Он сутками сидел

за монитором в институте. Ректорат всегда был открыт. И он в своем кабинете, за компьютером. Он всю жизнь прожил в вузе.

– Как это рассудить – как достоинство или как ущербность?

– Для вуза это хорошо, а для человека, конечно, плохо. Если вся жизнь – на работе.

– Но это был его сознательный выбор.

– Мы не вольны в своей судьбе. Она нам большей частью предначертана.

– Татьяна Николаевна, но как? Ведь он был волен в шесть часов вечера уйти домой. В шесть, а не в десять. А в шесть часов утра не приходить на работу. А прийти в восемь, в девять.

– Но дома-то его никто не ждал.

– Значит, для кого-то работа была обузой, а для него – спасением.

– Спасение, не спасение... Я не знаю, почему у него так сложилось...

– Татьяна Николаевна, хочу вас попросить... Мне, конечно, все интересно, что мои собеседники говорят о Шкребне, в том числе и общие характеристики, но, может быть, вам вспомнится какой-то характерный случай, какой-то эпизод.

– Как-то ничего не вспоминается. Ничего такого выдающегося. У меня от юности самые приятные воспоминания о нем, о том, как, повторюсь, праздновали мой день рождения, ели жареную картошку. У всех было хорошее настроение. Дугинец читал стихи Евтушенко: «Я этой женщине понравиться хочу и о себе об истинном молчу»... Когда Гера приезжал в отпуск, гуляли в городском саду, всей компанией ходили в кино. А потом... Все эти служебные дела и трения, бесконечные бумаги в адрес учебной части и прочее – они почти стерли это

прошлое. А теперь, когда Гера ушел, мне больше вспоминаются наши молодые годы.

– Если обобщить, то он – герой не вашего романа?

– У нас романа не было.

– В другом смысле.

– В любом смысле – нет. Он – мой коллега, друг юности.

– У меня сложилось такое впечатление, что… Вот Николай Борисович Виноградов сказал о нем, что Шкребень – чиновник Божьей милостью.

– Наверное. Он его знал в этом качестве. Они работали на одном факультете. Но мне эта сторона – чиновник Божьей милостью – как раз менее симпатична.

– Это можно понять. Кому симпатичен чиновник? Тем более женщине. Но, я допускаю, что это была очень важная работа. И бумажки, которыми вас докучали, не все исходили непосредственно от него.

– Разумеется. Он работал, по-моему, с тремя ректорами. И на него пала такая титаническая и неблагодарная работа. Ведь мы живем в обстановке непрерывных реформ. И ответственность за эти реформы, прежде всего, ложится на администрацию. Понятно, что самая большая нагрузка падает на ту ступень, на которой находятся ректор и проректор. Да, он вел эту большую работу.

Когда он пел «Гори, гори, моя звезда», он вызывал симпатии. Когда он чиновник – холодно, когда певец – тепло. Холод и тепло. Такой был человек.

Татьяна Николаевна, спасибо за разговор. И за откровенность.

СТУДЕНТ, АСПИРАНТ, ПРОРЕКТОР – И ВСЯ ЖИЗНЬ
Один человек, а за ним – целая эпоха в истории университета

Н.П. Шмакова, кандидат ист. наук, профессор

– Нина Павловна, сначала ваш монолог, вопросы – потом.

– Наверное, вам уже говорили, что со Шкребнем ушла целая эпоха. Я часто осмысливаю события совместной работы, и какие бы материалы ни возьму, – все связано со Шкребнем. Я с ним прошла большой путь, от его поступления в институт и до проводов в мир иной.

Коротко о себе. Я окончила наш институт, после того работала в школе, в поселке Горняк Копейска. Этой школе отдано три года. Вернулась в институт, поступила в аспирантуру. В 1966 году ее окончила. И в тот же год Георгий Сергеевич поступил в институт. Поступил он на наш «особый», на «партийный» историко-педагогический факультет.

Чем он запомнился как студент? Очень серьезный человек. Ходил на все занятия, без пропусков. И не просто отсиживался, а старался вникнуть во всё. Лекции воспринимал творчески. А его выступления отличались глубиной и основательностью. Очень любил дискуссии. Много читал. Сокурсники называли его Геродотом. Геродот среди историков – этим все сказано.

Когда я после аспирантуры приступила к работе, мне в качестве куратора дали группу, в которой учился Шкребень. Мне – 28 лет. Группа – разная по возрасту. Ва-

лера Гредяев – всего на три года моложе меня. Ему удавалось меня разыгрывать. Например, утверждал, что трижды женат.

А самым молоденьким был Георгий Сергеевич, Гера. Невысокого роста, юркий, активный. А лицо... Какое-то очень молодое. Сам молодой, а лицо – моложе.

Второе, чем он выделился из группы, – организаторскими способностями. Группа поехала в колхоз, и он сразу же взялся распоряжаться, занимался распределением работ, контролировал – он, отчитывался – он. Ну, везде – он. И везде – с песнями. Казалось бы, многие старше Геры, но почему-то он сразу же выдвинулся, как лидер. И пошло: сначала – староста группы, потом – комсорг группы, потом – член комитета комсомола факультета, потом – заместитель секретаря комитета комсомола института.

Откуда у него эти организаторские способности, можно только гадать. В семье у мамы было трое детей. Работала бухгалтером на железной дороге в Златоусте и как будто пользовалась там большим уважением.

В институте Гера, как и все, учился, а еще преподавал историю в школе рабочей молодежи. В Дворце пионеров, в научном обществе учащихся, у него была группа ребятишек, которых он курировал. Столько взвалил на себя нагрузок, и везде успевал.

Я думаю, что ему как организатору очень много дал Артек. У меня была возможность наблюдать его там лично. Так получилось, что институт мне дал командировку в Артек, и я с сынишкой поехала туда. Первый раз на юге – впечатления сразу же навалились на меня. Ребята встретили меня в аэропорту, привезли в Артек, тут же переодели в артековскую форму. Тут же узнаю, что зачислена в группу Георгия Сергеевича, куда входили монгольские ребята.

В Артеке

Мы объездили все южное побережье Крыма, знакомились с природой, с памятниками культуры. И везде звучала песня. Я видела, как он готовил ребят к поездкам, как проводил различные мероприятия. Ребятишки в нем души не чаяли, они буквально висли на нем. Он запевал, и монгольские дети на ломаном русском языке пели вместе с ним.

Артек был для нас сказкой. Там Гера был другой, раскрепощенный, свободный… Скажу вам так, после Артека мы могли заниматься любой организаторской работой.

– Нина Павловна, но ведь Артек – и большая ответственность?

– Еще какая! Само собой – всем сохранить жизнь. И чтобы все дети уехали домой довольные, особенно иностранные. Чтобы дома они с восторгом рассказывали о Советском Союзе.

Еще один момент. Вам, наверное, говорили и об этом – о принципах Шкребня, его честности, порядочности, принципиальности, желании помогать другим. Он помогал однокурсникам. Всем давал деньги взаймы. Он никогда не отказывал в помощи, когда просили, а бывало, помогал, когда и не просили, сам предлагал.

– Вы говорите о принципах Шкребня. А как и в чем они проявлялись?

– Были разные ситуации. Например, идет прием в институт. Сами знаете, в это время в институте появляются всякие «просители», ищущие содействия, знатоки обходных путей. Но Георгий Сергеевич не допускал никаких «по знакомству», тем более «за деньги». Принципиальность Шкребня иных, мягко говоря, раздражала.

– Но администратор не может быть всегда белым и пушистым.

– Допускаю, кто-то скажет, что он бывал раздраженным. Может быть, где-то он не сдерживался. Я это допу-

скаю. Если он в последние годы изменился, то, я думаю, его изменила тяжелая болезнь. Однако и в эти годы он был верен своим принципам.

– Нина Павловна, прошу вас поискать в своей памяти какой-нибудь эпизод, какой-нибудь случай. Наверняка он был, и не один. Вспомните.

– Хорошо. Гера окончил вуз. Я знала, что он работает в школах, в комсомольских органах, но мы с ним какое-то время не пересекались. На какое-то время мы с ним расстались. И встретились случайно. Я ехала к родителям с пересадкой в Екатеринбурге. Времени у меня много, с утра до вечера. Я брожу по вокзалу, смотрю – группа новобранцев. И среди них – Георгий Сергеевич. Мы обрадовались друг другу, как родные люди. В группе куратор воспринимается как классная мама. Точнее, не классная, а студенческая. Он меня увидел и говорит: «Боже мой, в армию меня провожает студенческая мама!» Я, конечно, прослезилась. Времени на разговоры у нас было много. И я его спросила: «Гера, у тебя какие-то мечты есть? О чем мечтаешь теперь, когда получил специальность?» Он ответил, что хочет окончить аспирантуру, защитить кандидатскую диссертацию и преподавать студентам историю нашей страны. «Но ты же наукой не занимался». Он мне говорит: «Ну и что? Я люблю преподавать».

Я рассказала ему, как это произошло со мной. В.Е. Четин пригласил меня перейти из школы на кафедру истории СССР. Это был «золотой век» исторического факультета, занятия со студентами вели яркие личности, окончившие московскую аспирантуру, – доценты В.Е.Четин, Л.Г. Туркина, Б.В. Григорьев, М.Д. Машин и другие. Я училась у них и понимала, что для работы в вузе нужна аспирантура.

В начале 60-х годов ректором стал Евгений Михайлович Тяжельников, талантливый организатор, один их

незабываемых руководителей вуза. По его инициативе в 1963 году довольно большая группа выпускников института была направлена в аспирантуру столичных вузов, и мне выпало счастье оказаться в их числе.

Я говорила Шкребню, что аспирантура дала мне очень много. Не только работа в архивах и библиотеках, но и возможность общаться со светилами исторической науки: академик И.И. Минц, ученый с мировым именем, известные историки, авторы монографий и учебников, профессора Д.С. Бабурин, мой научный руководитель, Н.И. Павленко, Н.Д. Кузнецов и другие. Г.С. Шкребень всегда с интересом выслушивал мои воспоминания.

После службы в армии Б.В. Григорьев предложил Шкребню перейти на кафедру в институт и сразу поручил ему вести самый сложный курс отечественной истории – советский период. Кажется, первый шаг на пути к мечте был сделан. Однако в 1978–1980 годах Шкребень во второй раз оказался в рядах Советской Армии.

– Но почему? Чем это можно объяснить? И он никак не сопротивлялся? Ведь не мог же он, втайне, мечтать о военной карьере?

– Предложу такое объяснение, хотя и не настаиваю на нем. Любимой газетой Григорьева была «Красная звезда», в которой стали появляться статьи о необходимости пополнения армии молодыми квалифицированными кадрами. Я не знаю, было ли какое-то специальное распоряжение по поводу преподавателей вузов. Но в институте говорили, что у Георгия Сергеевича есть льготы, тем более что он уже прошел военную службу. Я не могу объяснить эту ситуацию. Ясно было только, что он не подлежал призыву. Некоторые утверждали даже, что достаточно было одного звонка, чтобы он остался в вузе. Вероятно, чувство гражданского долга, о котором говорил Григорьев, оказалось у Шкребня сильнее всяких до-

водов. Надо – значит, надо. Долг превыше всего! И группа студентов, куратором которой был он, проводила его в Североморск. А дальше оттуда – письма с признаниями в любви, посылки... И, наконец, возвращение в вуз.

– И, немедленно, – аспирантура?

– Георгий Сергеевич продолжал преподавательскую деятельность, а Григорьев, к сожалению, не решал вопрос об аспирантуре. Шкребень обижался и расстраивался. В 1982 году, по рекомендации кафедры и по конкурсу, я стала заведовать кафедрой и, прежде всего, занялась этим вопросом. Были трудности.

Первое – в запасе у Шкребня оставался только один год. Возраст в 35 лет – предел для поступающих в аспирантуру.

Второе – в какую аспирантуру и где? В нашем вузе уже была аспирантура при кафедре истории КПСС. В Челябинске, никуда не надо ехать. Но Георгий Сергеевич заявил: «Только Москва и только кафедра отечественной истории». В какой-то мере, может быть, на его выбор повлияли мои рассказы о московской аспирантуре.

– Историю партии Шкребень не почитал? Потому что она тесно связана с идеологией? Ему не нравилась идеология КПСС?

– Не знаю. Может быть, потому, что история страны больше и глубже, чем история партии. Кроме того, при изучении отечественной истории мы могли позволить себе какие-то «вольности», а в истории КПСС все было очень строго. Позволю себе напомнить, что я была, разумеется, членом партии, однако, когда Е.М. Тяжельников пригласил меня в обком партии в качестве лектора, я была ему признательна за это, но отказалась. Сослалась на то, что я, прежде всего, преподаватель вуза, это мое призвание, это то, что я люблю это моя сфера, моя стихия. Хотя, конечно, приходилось читать лекции по путевке обкома партии.

– А аспирантура Шкребня? Она все еще оставалась в стадии неопределенности?

– В разговоре с Москвой я выяснила, в аспирантуру по кафедре истории страны советского периода будут приняты один аспирант на дневное отделение и один – на заочное. То есть конкурс – большой. Перед Шкребнем стояла сложная задача – продолжая выполнять учебную нагрузку, лекционные и семинарские занятия, подготовиться к вступительным экзаменам по четырем предметам – историографии истории России, философии, немецкому языку и истории КПСС. Кроме того, предстояло написать реферат, желательно по теме научного исследования. Хочу заметить, что навыков работы в архивах у него практически не было. За ним сохранялось и кураторство студенческой группы. Эту огромную нагрузку он выдержал и с успехом поступил в московскую аспирантуру. Его мечта сбылась.

– Нина Павловна, я понял так, что было одно место на всю страну, и его занял претендент из Челябинска?

– Речь идет только о московской аспирантуре.

– Да, конечно.

– И это – большое достижение выпускника нашего вуза.

– Это интересно. «Альпинистское» восхождение к аспирантуре. Не к любой, а только столичной. Не без честолюбия. Вспомните еще что-нибудь в этом же ключе.

– Когда Шкребень был на первом курсе аспирантуры, мы случайно встретились в Москве. Он пригласил меня в общежитие и попросил поделиться опытом, как подготовиться к кандидатскому экзамену по немецкому языку.

Признаюсь, что у меня были не только слабые знания и навыки по немецкому языку, скорее, они просто

отсутствовали. Так сложилось. А сдать этот экзамен я должна была только на отлично. Это дело чести. Я начала с алфавита, шрифта, отдельных слов и предложений. И так каждый день, в метро, в автобусе, на остановках – с сентября по май. Раз в неделю у нас были занятия с преподавателем, где мы читали тексты, пересказывали содержание отрывков, учились вести диалог. Мне очень помог Иван Васильевич Семенов, заведующий кафедрой зарубежной истории нашего вуза, который заочно учился в аспирантуре и часто бывал в Москве. Он участник войны. Воевал в разведке и хорошо владел немецким языком. Мы часто бродили по территории Кремля, присоединялись к немецким туристам, пытались беседовать с ними. В результате я свободно говорила на немецком языке и смогла провести экскурсию для немцев. Ответ на экзамене – отлично. Помог ли мой опыт Шкребню? Когда на экзамене Шкребень запел на немецком языке, комиссия «лежала». Пусть Москва знает наших!

– Однако создается такое впечатление, что вы оба очень легко «брали Москву». Что вы не знали преград. Москва это оценила?

– Мне вспомнилась беседа с научным руководителем Георгия Сергеевича профессором Эрнстом Михайловичем Щагиным. Об этой встрече я никогда не говорила. Вероятно, пришло время сказать. Он рассказал мне, как непросто решался вопрос о принятии Шкребня в аспирантуру. По оценкам проблем не было. Предметом обсуждения стала его квалификация по диплому – учитель истории, обществоведения, методист пионерской и комсомольской работы. Разговор шел о глубине его знаний истории и наличии навыков научно-исследовательской работы при таком «широком профиле». И от окончания вуза до аспирантуры – 18 лет.

Эрнст Михайлович сказал, что решил устроить Шкребню еще один своеобразный экзамен, еще раз проверить его знания и способности. В первый год аспирантуры по плану необходимо было сдать четыре кандидатских экзамена, собрать материал для диссертации и подготовить научную статью по теме исследования. А сверх плана Щагин поручил Шкребню вести для студентов раздел курса по истории СССР – лекции, семинары и кураторство студенческой группы. Георгий Сергеевич отлично справился со всеми заданиями. За годы учебы в аспирантуре он завоевал любовь и уважение студентов и преподавателей и не уронил чести родного вуза.

Последний раз я виделась со Щагиным на его 80-летии, празднование, к сожалению, по его болезни не состоялось. Но он передал своему любимому ученику подарок – свои монографии и бутылку рижского бальзама.

– Нина Павловна, ваши отношения со Шкребнем можно назвать дружескими?

– Как-то так сложилась жизнь, что... сначала он учился у меня. Я – преподаватель, я – куратор и так далее. А потом, когда он перешел на административную работу, мы с ним поменялись ролями: он стал моим руководителем, и я училась у него. Как говорится, учитель, воспитай ученика. Конечно, и до, и после часто общались. Он часто приезжал к нам на дачу. Нас у мамы четыре дочери. Настало время, когда она переехала ко мне. Мудрая, добрая женщина «от земли». Георгий Сергеевич любил приезжать к нам на дачу. И моя мама о Георгии Сергеевиче говорила: «Это у меня сын». Только выговаривала «Шкрябин». Ему, наверное, не хватало в жизни домашнего тепла, и он приезжал к нам.

– Нина Павловна, а как это было, как Георгий Сергеевич приезжал к вам на дачу. Во всех подробностях. Как это происходило?

– Обычно он спрашивал, можно ли приехать. «Пожалуйста». Он приезжал чем-то помочь. Всегда что-то делал. Находил какое-то дело с мамой. Или еще что-то. Что-то поправить, починить. Или вскопать грядки. С мужем баньку строили. А потом – разговаривали. На разные темы. Чаще всего он просил маму какие-то прибаутки припомнить. Или песни старинные попеть.

– Вспомните еще что-нибудь.

– Когда он вернулся из армии, мы сели поговорить, и он предложил: давай поговорим о кафедре, о ее перспективах. Дело в том, что заведующих кафедрой не готовят, никаких курсов нет, все добывали из опыта. Мы с ним поговорили, все разложили по полочкам. Наша первая забота – атмосфера на кафедре. Вот я прихожу – она до сих пор для меня как родной дом.

Я всегда стремилась к тому, чтобы по максимуму использовать те награды и поощрения, которые получали преподаватели факультета. Чтобы никого не обидеть, не обойти, чтобы каждый был чем-то отмечен. На кафедре почти все были Почетными работниками высшего профессионального образования. Мы с Георгием Сергеевичем обсуждали и такие моменты.

Наконец, скажу о его лекциях. Это были добротные лекции, может быть, немного скучноватые, но академически очень добротные. По его лекциям потом выпускники факультета поступали в аспирантуры Москвы, Екатеринбурга, Челябинска и других городов.

Мне нравилось работать в его команде. И если он приглашал, я охотно шла к нему, потому что знала: у него будет результат, что идея, идущая от него, не провалится.

– Нина Павловна, можно ли сказать, что Георгий Сергеевич прожил такую жизнь, какую хотел?

– Однозначно не ответишь. Что касается служебной стороны, все было как будто хорошо. Правда, мы говори-

ли, что он мог бы защитить и докторскую диссертацию. Он занимал пост проректора, а это пост профессора. И ему могли бы дать звание профессора, но при одном условии: если он в течение пяти лет не защитит докторскую, его могли понизить в должности вплоть до ассистента. Шкребень отказывался: не надо мне это профессорство. Сама я – профессор, но по совокупности работ, докторскую не защищала. А Шкребень отказался. Работа ему нравилась. Чего же боле?

– Георгий Сергеевич был признанным проректором. Следующая ступень – ректор. Были ли какие-то сигналы или намеки на то, что Шкребень может стать ректором?

– Нет. Сергей Васильевич Шулепов, тогдашний ректор, меня спрашивал: «Как там у вас Шкребень?» Я отвечала: «Все великолепно. Ему бы расти надо». А он: «К нему надо еще приглядеться». Я не знаю, почему, но Шулепов его немного придерживал. А потом он как-то признался: «Ах, проглядел я его». А чтобы когда-то где-то шла речь о ректорстве Шкребня, не слышала.

– Может быть, сам Георгий Сергеевич считал, что достиг потолка, тем был доволен и на рост не претендовал?

– Я знаю, что ему нравилась работа проректором. Что у него получается. И что он много сделал.

– Такое впечатление, что Шкребню чуточку не хватало, чтобы подняться на следующую ступень, но не понять, чего именно не хватало.

– Что я могу сказать? Я, например, не стремилась стать профессором. И еще скажу, что для меня преподавание не было работой, это то, без чего я жить не могу. Мне не раз предлагали работу в Москве, но я отказывалась. А когда отказалась от должности в обкоме партии, Евгений Михайлович Тяжельников мне сказал:

А. Базаев, Н. Овчинникова, Т. Скребцова, Г. Шкребень

И в будни, и в праздники...

ется концерт оркестра «Малахит», с которым он выступал не однажды.

Главная же заслуга Георгия Сергеевича в том, что он, единственный в университете, по долгу службы и по долгу чести, владел всеми учебными планами. Не секрет, что проректор по научной части и проректор по учебной части – две определяющие фигуры, от которых зависит успех вуза. А вся учебная работа была сконцентрирована в руках Георгия Сергеевича. Сам ректор ею, конечно, не владел, как и все ректоры. Это благо, когда первый руководитель имеет такого заместителя, который все берет на себя и на которого можно положиться. Таким был Шкребень.

Не знаю, как у него на все сил хватало. Видимо, хватало еще и потому, что у него вся жизнь ограничивалась институтом, личной жизни не было. Многие мечтали с ним создать семью, но никому это не удалось. Был однажды такой эпизод. Мы сидели у него дома, – как раз он похоронил маму, она жила в Златоусте, работала медсестрой, – и стали интересоваться, почему он не создает семью. И тогда он признался, что у него была девушка, на которой хотел жениться, но мама была резко против, и он не женился. На том его личная жизнь закончилась. Сколько я его знаю, он ни с кем отношения не выделял. Вся его жизнь сосредоточилась в вузе. Все свое время он отдавал работе. Когда ему ни позвонишь, он все еще на месте. Да и жил он через дорогу от вуза.

Кстати, о квартире. Александр Филиппович ему неоднократно предоставлял квартиру. Жил он в полуторке, в которой сначала не было даже ванной. За счет кухни сделали ванную. Однажды университет получил десять квартир, одну из них предлагали Георгию Сергеевичу, но он так и остался в своей квартире.

Я уважаю Шкребня за то, что после событий 1991 года он не изменил своего мировоззрения, не выбросил партбилет, не положил его под подушку, как большинство на-

ших коммунистов. Наша партийная организация была одной из немногих, которая продолжала работать, уже в полулегальных условиях, потому что партийная работа была под запретом. Но мы все равно собирались. Он сохранил свои жизненные принципы, потому что они не зависели от режима.

Упомяну еще и о том, что Георгий Сергеевич был у нас главным похоронщиком. Он был организатором всех похорон в университете. Это было очень тяжело морально, но организовано идеально.

Мне важно и то, что Георгий Сергеевич рекомендовал меня на должность декана. О чем я ни разу не пожалела и его не подвела.

– Наталья Владимировна, все время, пока вы говорили, у вас на глазах блестели слезы. Почему вы так эмоционально воспринимаете разговор о Шкребне?

– Так получалось, что мы с ним постоянно были заняты совместной работой.

– Но вы говорите, что он никого не выделял, в том числе и вас.

– Не выделял. Но наш исторический факультет – это была одна семья. Все эти годы мы провели вместе. Вместе на партийных собраниях, на партбюро... Тогда много было всяких собраний. А я всю жизнь была в активе. Он меня подключал к работе, которой занимался, и я охотно ему помогала.

– Наталья Владимировна, вы сказали: какое дело не дай Шкребню, он его поднимет, уж не погубит. А какие дела выпали на его долю? Что на его счету?

– Уже сказано: музеи, энциклопедии, книги, организация работы заочного отделения...

– Но чем он брал? Почему у него получалось? Что отличало его от других? Допустим, ему дали дело. То же заочное отделение. И что? Он поступил как-то так, как не поступал никто? Не с того начал, не так продолжил?

Скажем, он всегда побеждал. А каким оружием? Какой тактикой-стратегией? Ну, он организовал совещание краеведов, и все прошло успешно. Заседали толково, выезжали слаженно, угощали гостеприимно, развлекали интересно. Как это ему удавалось? Ведь надо было действовать не только внутри университета, где у него была власть, но и за его пределами. В том же Миассе. Надо же было со всеми договориться. И договориться так, чтобы никто не подвел. Как это происходило?

– У нас, у выпускников историко-педагогического факультета, таких проблем нет.

– Каких?

– Чтобы не получалось.

– Почему?

– Так нас научили.

– Как?

– Работать. Мы все прошли через комсомол. Мы все работали в «Орленке» и «Артеке». Мы имели такую практику, которая давала нам возможность трудиться в любой сфере.

– Вы уже тогда были менеджерами?

– Организаторские навыки и умения, управленческие правила одинаковы везде. Провести какое-то мероприятие – не проблема для нас.

– Не проблема, потому что вы у кого-то научились?

– Мы научились у наших преподавателей. В ходе практики. Так что нет такого дела, которое Шкребень провалил. Или выполнил плохо.

– Но не думаю, что все были довольны тем, как он работал.

– Были и такие, недовольные. У любого руководителя есть противники. Сослуживцы, которые его не очень любят. Допустим, он требует много, а они не хотят много. Кто не выполняет все, как надо, те и недовольны.

– Кто не выполняет, как он требует?

– У нас любят быть начальниками, но не любят работать. А Шкребень – тот начальник, который сам, прежде

всего, много работает. И умеет показать, как сделать. Например, когда я начинала работать, не умела составлять расписание. А он научил меня этой технологии. Все, оказалось, очень просто. Но никто другой меня этому не научил. Потом я сама всех учила составлять расписание.

– Наталья Владимировна, ну, вот человек прожил жизнь. Можно ли сказать, что он прожил достойную, заслуживающую подражания жизнь?

– Конечно.

– Несмотря ни на что?

– Конечно. Когда мы вспоминаем о нем, прежде всего, говорим о его вкладе в жизнь университета, города, страны. А уже потом о его семье и личной жизни. Для нас дети – наши студенты. В них мы вкладываем себя. И они нас продолжают.

– Но у вас не было с ним доверительных бесед о жизни, о прожитых годах?

– Это был человек, с которым я могла говорить обо всем. У меня было два таких человека – Александр Филиппович и Георгий Сергеевич. Но Аменд был как папа, а Шкребень как соратник. Мы могли разговаривать по всем вопросам. Кроме личных.

– И он не находил повода сказать о своем одиночестве?

– Об этом – никогда. Ни разу.

– Но, согласитесь, что жить только ради работы – тоже не лучший вариант. И вариант, чаще всего, неблагодарный.

– Согласна.

– Полный отказ от самого себя? Это не может не отразиться на личности. Все – людям, все – для кого-то...

– Не всегда все складывается удачно – и работа, и личная жизнь. И то, и другое. Часто люди чем-то жертвуют. Георгий Сергеевич был предан вузу, друзьям, соратникам. Это был его выбор.

ОН ЖИЛ В СВОЕМ КАБИНЕТЕ
Вопреки всему парень из Златоуста стал кандидатом наук, ученым, одним из руководителей вуза, интеллигентом

И.А. Новиков, кандидат ист. наук, доцент

– Игорь Александрович, сначала, прошу вас: коротко – о себе.

– В университете – с 2004 года. До этого работал на кафедре отечественной истории. До этого – аспирантура. А в первый раз Георгия Сергеевича увидел в 1995 году, когда поступил на первый курс аспирантуры. Дело в том, что я окончил исторический факультет в ЧелГУ, и до этого мы с ним не пересекались. И была фраза, которая засела у меня в голове: я сидел в приемной, чтобы попасть к Виталию Викторовичу Латюшину, он тогда был ректором, от него вышел Александр Филиппович Аменд и спросил у секретаря: «А Шкребень дома?». Секретарь ответила: «Да, дома». И все засмеялись.

– Аменд оговорился, он хотел спросить: «А Шкребень в кабинете?»

– Да. И уже тогда я понял, что значит университет для Георгия Сергеевича. Аменд осекся, будто не то сказал, но получилось, что сказал он именно то.

– Так бывает: в одной мимолетной фразе – вся суть. В таких случаях принято говорить: оговорка по Фрейду.

– Потом я понял, что в своей жизни Георгий Сергеевич имел эту цель: обязательно окончить аспирантуру, стать кандидатом наук. Не в молодые годы, а уже

в возрасте предельном. Еще бы год, и он не поступил бы в аспирантуру, потому что предельный возраст – 35 лет.

– Он специально оттягивал это событие, чтобы «созреть» до него?

– Нет, жизнь оттягивала. Он приехал в Москву поступать, но там же – бешеный конкурс. Нужно было членов комиссии чем-то «взять». В Московском педуниверситете заведующим кафедрой был Эрнст Михайлович Щагин, светило в исследовании крестьяноведения в Советском Союзе, он возглавлял школу крестьяноведения. И его Георгий Сергеевич чем-то пленил, заинтересовал, поразил своими знаниями. Несколько лет назад я в Москве встречался с Щагиным, он уже не помнил, как зовут Георгия Сергеевича, однако спросил: «Как там Шкребень?». Это тоже показатель – когда учитель, научный руководитель, через четверть века помнит своих питомцев. Я думаю, если бы Георгий Сергеевич попросил бы: «А можно мне остаться в Москве?», его бы оставили. И он бы там не затерялся.

– Но он не попросил?

– Я этого не знаю. Наверное, нет. Ведь он должен был вернуться на кафедру.

– Игорь Александрович, как складывались ваши отношения на службе?

– В 2004 году я стал деканом, не имея к вузу прямого отношения. Да, я здесь защитился, работал на кафедре, но еще не оторвался от работы в 84-й школе на северо-востоке. Георгий Сергеевич, конечно, помогал. Все-таки новый человек, новый декан. К тому же мы оба – из Златоуста. Правда, из разных районов. Я ближе к новому Златоусту, а он ближе к старой части города. Но все равно – земляки, это не могло не сказаться.

Он читал лекции на четвертом курсе, а четвертый курс – не первый и не второй. Люди взрослее, кто-то уже

семейный, к этому времени студенты обычно уже сами зарабатывают на жизнь. Не обходилось у них без ночных дежурств. Короче говоря, уставали. Но пропустить лекции Георгия Сергеевича они не могли. Приходили, но, бывало, засыпали. Георгий Сергеевич к этому относился с некоторым юмором. «Ну, ладно, студент кемарит, но все же он слышит, что я говорю»...

Еще один элемент. Утром, в восемь часов и пять минут ректорат на входе встречал спешащих на занятия студентов и преподавателей. Среди них был и Шкребень. Своих четверокурсников он уже узнавал в лицо. Второй этаж, где историки учились, утром был пустой, все знали, что по коридору будет ходить Георгий Сергеевич, и попадаться ему на глаза – не комфортно. Конечно, жесткость может быть разной. Можно за опоздание выговор объявить, а можно иначе: чтобы студенты не опаздывали, встречать их утром в коридоре.

– А Шкребень чем стимулировал их?

– Своей личностью.

– Было совестно перед ним?

– Да, совестно. Можно и так сказать. Плюс еще такой элемент. Студент мог подойти к Георгию Сергеевичу и задать любой вопрос. Что-то плохо в столовой. В туалете грязно. Еще что-то.

– Можно было непосредственно обратиться к проректору с такими вопросами?

– Конечно, не каждый решится подойти к проректору и задать вопрос, но задавали. И еще такой элемент. Георгий Сергеевич экзамены всегда принимал у себя в кабинете. И это тоже стимулировало студентов. Они гуськом стояли в приемной: один зашел, другой вышел. А как списывать, если твой стол рядом со столом Шкребня? Если кто пытался списать, он выгонял. Но это происходило как-то по-доброму. С какой-то даже не отцовской, а дедушкинской заботой.

2000-е гг. Ректорат на входе в вуз утром встречает студентов

– По-доброму? Это как?

– Ну, допустим, студент по какой-то причине не ходил на лекции. Для иного преподавателя это повод для мщения: вот я на экзамене ему отомщу. А Георгий Сергеевич не умел мстить. Оценка, которую студент получит на экзамене, не зависела от каких-то внешних причин. Если он хорошо знал материал, получал хорошую оценку, если даже промежуточная оценка была низкой.

– Взаимоотношения со студентами он выстраивал с педагогической точки зрения? В том числе – экзамены в кабинете?

– Экзамен в кабинете – необходимость. Он не мог уйти на шесть часов в другой кабинет. Могли быть срочные и важные звонки. А оставаясь на месте, он решал и какие-то свои проректорские вопросы.

– Игорь Александрович, я хочу произнести слово «однажды», а вы – продолжите. Хорошо? Итак, я говорю: «Однажды»...

– Однажды в апреле, в канун дня историка, чтобы привлечь больше зрителей, студенты сделали большой, на всю решетку, плакат с объявлением о дне историка и добавили: «Поет Шкребень». Это привлекало. Однажды Шкребень запел.

Еще был случай. Он пришел на последний звонок пятого курса, пришел поздравить, и в конце: «Вот вам мой подарок». И запел какой-то романс.

– А что, он был уверен, что его романс – подарок?

– Многие поняли как подарок.

– Это был сюрприз или все знали, что Шкребень поет?

– Это был сюрприз. Ведь заранее это не оговаривалось.

– Может быть, так? Все знали, что Шкребень поет, и поет хорошо, ждали, когда он выйдет на сцену, и он говорит: «Я вам спою». Вообще, я думаю, когда строгий преподаватель и большой вузовский начальник – поет, это, конечно, неожиданно и круто, и открывает преподавателя с другой стороны, с душевной, с теплой.

– Конечно.

– Игорь Александрович, тот же вопрос: как складывались ваши отношения со Шкребнем?

– Я бы сказал, что они были доверительными. Не по приказу, не под давлением, а доверяя друг другу.

– Вы в университете были, в сущности, новым человеком. Как он вас принял?

– Мы были до этого знакомы. Я не был неожиданной персоной. Я со стороны, но не совсем. Минимум десять лет мы были знакомы заочно, а с 2001 года часто

Звучит романс...

пересекались. А как новый декан... Отношения были, повторюсь, доверительные. Мы написали историю факультета. Это было очень редкое в те годы начинание. Потом были совместные проекты по проведению здесь российских олимпиад по истории. Потом – краеведение. Распространение краеведческих знаний через учебники по краеведению. Он был руководителем авторского коллектива. Наконец, здесь мы провели четвертый всероссийский краеведческий съезд. Напомню, в 1990 году не в Москве, а в Челябинске возродилось Всероссийское общество краеведов. В начале тридцатых годов оно было «закрыто», а в 1990 году мы добились, чтобы Москва провела в Челябинске первый учредительный съезд российских краеведов. Три дня он продолжался в Челябинске, в Копейске, в Миассе, в Златоусте. Надо было показать разные направления краеведения. Тогда преобладало историческое краеведение. А мы могли показать и показали все направления. Что еще? Бирюковские чтения.

Отдельный разговор – выезды в территории для обмена опытом с местными краеведами. Выезжали в Пласт, в Златоуст, в Копейск.

– Игорь Александрович, вы, два земляка, могли бы как-нибудь встретиться в Златоусте, ближе познакомиться. Не встречались?

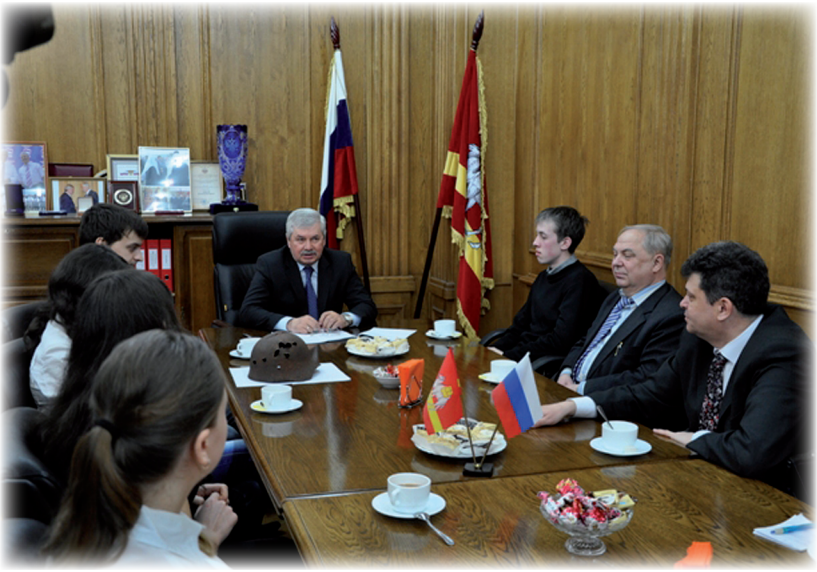
– Нет. Сначала он жил недалеко от вокзала, под откосом, а потом – в Закаменке. А я жил ближе к машзаводу. Хотя город небольшой, но мы не встречались, потому что жили в разных районах.

– Я предположу, что Георгий Сергеевич трепетно относился к Златоусту.

– Я согласен. Хотя там тоже не все просто.

– Что именно?

– Не всегда города, которые дают нам дорогу в большую жизнь, помнят о своих воспитанниках. Признаться,



**На приеме в Законодательном собрании.
Поисковый отряд «Медальон», рук. И.А. Новиков**

В кабинете-музее В.П. Латюшиной

музею Златоуста мы были нужны не очень. Надо было себя предложить, настоять. К тому же краеведением занимались и в культуре, и в образовании. Каждая отрасль отстаивала свое. Короче, мы сами предлагали, едва ли не навязывали свои услуги для реализации совместных проектов.

– У меня такое впечатление, что Златоуст так почувствовал свою самодостаточность, что замкнулся в себе.

– Я могу это объяснить административной подчиненностью. Он же подчинялся Екатеринбургу. И еще подчинялся Уфе. Это сказывается. Еще один аспект. Мы – педвуз, для многих – это школа, хоть и высшая, а в школе науки нет и не может быть. Не так давно такое представление было даже у наших преподавателей. «Зачем здесь наука?» «Зачем учителям наука?» И когда в 60-е годы Кропотов и Иоголевич начинали НОУ, не все их понимали. Короче, в Златоусте нас принимали холодно.

– Наверное, Златоуст все еще держит в памяти то, что он, в прошлом, – столица.

– Да, это есть. Есть определенный снобизм. К тому же – мы, вузовские историки, для многих – не краеведы. Георгий Сергеевич – тот человек, который стремился доказать, что мы по праву занимаемся краеведением. Нам не раз заявляли, с большой трибуны, у нас в актовом зале, что историки – не краеведы, а краеведы те, кто изучением своего края занимается в свободное от работы время. Или когда выходят на пенсию. Шкребень был одним из тех, кто отстаивал право историков изучать Южный Урал. Нам твердили, что это – местечковая история. Что надо брать шире. Что заниматься малой родиной – не много чести. Поэтому Георгий Сергеевич и начал копаться в своей родословной. Мы часами проводили перед портянкой, растянутой на столе, где расписывалась его родос-

ловная. Здесь он шел наперекор каким-то устоявшимся канонам. Из-за этого его, я думаю, кто-то недолюбливал.

А еще, я думаю, его кто-то недолюбливал за то, что он был интеллигентом в первом поколении. Он сам себя создал. У него не было дома шикарной библиотеки, чтобы в любой день и час можно было встать и взять в руки нужную книгу. Шаг за шагом он делал себя. Знаете ли вы, что однокурсники его называли «наш Геродот»? От имени Гера – Геродот, знаток истории.

– Игорь Александрович, я слушаю вас, и у меня создается впечатление, что вы говорите о счастливом человеке.

– Не знаю, считал ли Георгий Сергеевич себя счастливым человеком.

– А вы его считаете?

– Трудно ответить.

– А что мешает?

– Что мешает? Наверное, трудно приходить домой, где тебя никто не встречает. Но все эти переживания Георгий Сергеевич унес с собой. А я... Если бы что-то и знал, не стал бы выносить на всеобщее обозрение. У каждого свое счастье.

– Да и, может быть, не одно.

– Думаю, что он все-таки считал себя счастливым человеком.

– Почему?

– Любимая работа.

– Да, любимая работа. А в работе что он любил?

– Работу и любил.

– А если работу расчленить? Он любил историю? Или преподавание? Или науку? Или любо было само проректорство?

– Счастье в том, что он добился того, к чему стремился. Он достиг того, что стал ученым. Когда его провожа-

ли в армию, спросили: чего ты хочешь? Он ответил, что хочет стать кандидатом наук и работать в университете.

– Вот вы тоже стали кандидатом наук. Как и он? Одинаково? Вы тоже хотели, ставили перед собой цель. Похоже?

– Я думаю, сходство есть. И он достиг цели спустя годы, и я.

– Игорь Александрович, где вы работаете сейчас?

– Здесь, в университете. Доцент. Читаю курс, который читал Георгий Сергеевич. А до этого – два срока деканом. Восемь лет.

– Деканом исторического факультета, родного Шкребню?

– Да.

– Вы младше Георгия Сергеевича?

– Младше. Будем считать, разница в двадцать лет. Он больше к оттепели, а я больше к перестройке.

– Вы с ним всегда были не на равных, а в подчинении у него?

– По должности – да. Но он никогда не давал мне знать, что он – главный, а я – подчиненный. Такого не было.

– А вы себя как чувствовали?

– Я понимал, что Георгий Сергеевич старше меня, у него больше опыта. Ни он, ни я не называли друг друга «на ты». Иногда он мог сказать «Игорь», но я к этому относился спокойно.

– Ни обострений, ни споров, ни ссор, ни обид?

– Я не могу вспомнить ничего такого. Вообще у меня врагов нет. По крайней мере, я о них не знаю. Может быть, кого-то и обидел. Например, у историков всегда было много двоечников. Потому что у нас были жесткие требования. У студентов есть даже такое выражение: студенты-историки – самый экономически выгодный фа-

С деканом истфака

культет, потому что мало тех, кто получают стипендию. Особенно много низких оценок на первых курсах. Первый курс – люди втягиваются, второй курс – они осознают, где оказались, а первое полугодие третьего курса – время принятия решений, остаться или уйти.

– Тех, кто ошибся вузом или разочаровался в профессии, вы не задерживали?

– Отчисляли мало. Человек пропадал и все. Но были примеры, когда вытаскивали «из болота». И Георгий Сергеевич в таких случаях давал интересные подсказки.

– Например.

– Например, человек не прошел на бюджет. Пошел на коммерцию. Он хочет учиться, но стеснен в средствах. Решил, однако, год перетерпеть. И Георгий Сергеевич подсказал такую «процедуру». Студент год учится на первом курсе «за деньги», а через год поступает снова, уже на бюджет. Проходит. И, по подсказке «сверху», пишет заявление: в связи с тем, что я выполнил учебный

план первого курса, разрешите выполнять план второго курса. Ему разрешают. Он учится на втором курсе, получает стипендию, а числится на первом курсе. Через год его переводят с первого курса на третий. И так дальше. Так мы спасли многих талантливых студентов, у которых не было денег на обучение. Среди них – и будущие кандидаты наук. Единственная трудность – эту «процедуру» мы не могли объяснить компьютеру: он не понимал, как перевести студента с первого курса на третий. Если бы Георгий Сергеевич не был проректором по учебной работе, ничего подобного не было бы. Но... он не нарушал никакой закон. Да, была лазейка, через которую можно было пройти.

– Это была такая бюрократическая уловка?

– Да. Вот в этом он был очень спец.

– Мне многие говорили, что Шкребень был чиновником Божьей милостью. Бюрократом высшей квалификации. Я не мог в это вникнуть. Не было примера. А вы его привели.

– Приведу и другой. Когда в 1999 году при поддержке мэра Челябинска В.М. Тарасова было принято решение о создании учебника «Челябинск. История моего города», я думаю, что Георгий Сергеевич «продавил» эту идею у Аменда, а Аменд «продавил» – у Тарасова. Была создана команда (а создавал ее Шкребень), и за короткое время появился учебник, который все до сих пор хвалят, хотя прошло уже почти два десятка лет. Он переиздавался. Скажу и о том, что учебник создавался историками и краеведами в симбиозе, что тоже исходило от Шкребня. И эта бюрократическая цепочка: проректор – ректор – мэр – проректор была завязана бюрократом Шкребнем. От него – первый толчок, первый импульс. Учебник – заслуга многих, но без Шкребня не было бы ни учебника, ни заслуг.

ОН БЫЛ МНЕ КАК ОТЕЦ

М.Ш. Ахатов, зав. учебно-метод. кабинетом истории, аспирант

– Марат Шамильевич, мы с вами встретились, чтобы поговорить о Георгии Сергеевиче Шкребне. Скажите, пожалуйста, где, когда и как вы, еще совсем молодой человек, сошлись с ним, одним из руководителей вуза?

– В первый раз в 2004 году, как с председателем музейного совета Челябинского государственного педагогического университета, проректором по учебной работе. Дело в том, что мы открывали музей исторического факультета. Я сделал проект музея исторического факультета ЧГПУ. Затем совместно с Георгием Сергеевичем обсуждали этот проект, в который Шкребень Г.С. внес свои корректировки. В первый раз мы сошлись на этом поприще.

– А в чем была ваша роль? В каком качестве вы участвовали в этой работе?

– Сделал проект музея, эскизы стендов, собирал материалы, фотографии. На мне были все организационные вопросы. Потом мы с Георгием Сергеевичем создали музей памяти Валентины Петровны Латюшиной. В дальнейшем возник проект открытия музея «История и культура народов Южного Урала». Позже я узнал Георгия Сергеевича как преподавателя: на четвертом курсе он читал лекции «История России». На тот момент я уже работал лаборантом в кабинете истории. Я принимал участие в написании энциклопедии «Заслуженные учителя РСФСР и РФ Челябинской области». Я ездил в архи-

вы, собирал материалы. Все эти годы я был рядом с ним, помогал ему во всем...

Георгий Сергеевич был для меня не только проректором, не только преподавателем, могу сказать, что он был для меня как отец. В 2007 году я работал заведующим учебно-методическим кабинетом исторического факультета, а с 2010 года – начальником организационно-педагогического отдела. Это было его ведомство. Отдел наш занимался выборами профессорско-преподавательского состава на должности профессоров и доцентов. Мы готовили все материалы для ученого совета, где проходили выборы, занимались именными стипендиями, статистическими отчетами по контингенту студентов, наградными документами, трудоустройством, заказами дипломных работ.

– Вам было интересно заниматься этой работой?

– Да, мне было очень интересно заниматься данной работой.

В музейном комплексе университета

– Ваши взаимоотношения ограничивались работой?

– Не только работой. Мы встречались и в нерабочее время. Беседовали на различные темы. Я ему помогал в быту. Покупал продукты, газеты, все необходимое, на что ему не хватало времени.

– Вы бывали у него дома?

– К сожалению, я дома у Георгия Сергеевича ни разу не был. В последнее время он просил помочь ему с ремонтом квартиры. Все собирался приступить к ремонту, но так и не удалось сделать ремонт.

В выходные дни он обслуживал себя сам. Рассказывал, как печет пироги. Делился своим кулинарным опытом. Обедал он в столовой, а завтракал и ужинал дома.

– А что предпочитал в одежде?

– У него был костюм. Потом купил второй. В них и ходил. Одевался очень скромно.

– Марат Шамильевич, наверное, я не ошибусь, если скажу, что встреча с Георгием Сергеевичем была для вас большой удачей. Можно сказать, подарком судьбы.

– Конечно, встреча с Г.С. Шкребнем для меня была большой удачей, и даже, могу сказать, подарком судьбы. Так как он меня научил очень многому. Да, Георгий Сергеевич был замечательным человеком, добрым, отзывчивым. Он всегда отзывался на любую просьбу, никому не отказывал в помощи. Я считаю, что он много сделал для университета, для родного исторического факультета.

– Вы сказали, что он был добрым, но, согласитесь, на посту, который занимал Георгий Сергеевич, не обойтись без строгости.

– Естественно, на работе имели место быть и такие черты, как строгость, четкость выполнения заданий, требовательность. Да, он был строг к своим подчиненным и

требовательным к выполнению своих функциональных обязанностей. Не перекладывать их ни на кого другого, а брать ответственность на себя. Например, он не терпел, когда те или иные документы вовремя не сдавались, когда не выполнялись его указания.

– А как он относился к вам? Тоже строго?

– Ко мне чаще всего было другое отношение. Со мной он не был таким строгим. Георгий Сергеевич делился своим опытом, учил меня своей работе. Строгость проявилась, может быть, несколько раз и все.

– Марат Шамильевич, наверное, вы видели Шкребня и в какие-то тяжелые минуты, когда он находился в плохом настроении.

– Конечно, было и это. Особенно в последнее время, когда обострились проблемы со здоровьем. Но он отказывался посещать врачей, больницу. Он вспоминал про Александра Филипповича Аменда, который пошел в больницу и из нее не вышел. «Ты этого хочешь?» Нет, говорил я ему, я хочу, чтобы вы поправили свое здоровье, чтобы вам выписали необходимые лекарства. А принимал он лекарства, которые ему выписали несколько лет назад. Он упорно отказывался от госпитализации. Я его уговаривал лечиться без отрыва от работы, ездить на процедуры. Нет, ни в какую.

Конечно, случалось, что я присутствовал, когда он отчитывал своих подчиненных, когда был сердитым... Я замечал такую особенность: он не позволял, чтобы кто-то из сотрудников прикасался к нему. Это было абсолютно невозможно. Он считал, что у каждого человека есть личное пространство, в которое никому нельзя входить.

Конечно, были такие люди, которые не понимали Георгия Сергеевича, не принимали его действия, но единичные. Это естественно, у каждого из нас есть такие люди, которые не воспринимают твои решения или

указания, и такие люди были не только у Георгия Сергеевича. Если сказать коротко о наших отношениях, то повторюсь: он был мне как отец, он для меня был родным человеком.

– Но у вас есть и родной отец?

– Да, есть. И мать есть. И все же Георгий Сергеевич относился ко мне как к родному. Правда, как-то на митинге 9 Мая к нам подошел фотограф, сфотографировал нас и спросил: «Сын с отцом?» Он ответил, с улыбкой на лице, что было бы хорошо, чтобы я был его сыном.

Я очень сожалею о том, что не видел его целый месяц перед смертью. И он мне не звонил, и никто мне не сказал, что он очень болен. Я знаю, что он жаловался сотрудникам на боли, но мне не позвонил, потому что знал, что я сразу настою на том, чтобы обратиться к врачу.

– Марат Шамильевич, если бы Георгий Сергеевич не умер, ваше сотрудничество продолжалось бы, несмотря на то, что вы ушли из университета?

– Наша связь с ним не прервалась. И после моего ухода из родного мне университета, я приходил к Георгию Сергеевичу, звонил...

– Скажите, пожалуйста, вы были единственным сотрудником, с которым Шкребень так близко сошелся, или были еще такие люди?

– До меня и после встречи со мной он общался с Ниной Павловной Шмаковой, и она сама мне говорила, что ее мать Георгия Сергеевича называла своим сыном. Думаю, таких тесных отношений, как со мной и Ниной Павловной, ни с кем еще не сложились. А родственников здесь, как известно, у него не было.

– Он говорил вам о том, что хочет вернуться к родным?

– У него были такие мысли. Особенно после 2014 года, когда его подкосила болезнь. Говорил, что племянник зо-

вет туда, что ему там приготовлено жилье. Я обижался: «А как же я? На кого вы меня оставляете?» Он отвечал, что возьмет с собой. Шутил, что купим трактор, будем землю пахать. Обычно в новогодние каникулы он уезжал к родным в Белоруссию, а в последний раз тоже собирался, но потом раздумал, перенес поездку на лето. Но не сбылось.

– Марат Шамильевич, вам сколько лет?

– Тридцать один.

– Уже успели завести семью?

– Семьи пока нет. Планирую жениться на следующий год. Да, теперь можно жениться. Георгий Сергеевич мечтал побывать на моей свадьбе.

– И у вас есть кто-то на примете?

– Есть.

– Теперь, когда Георгия Сергеевича нет, вы острее чувствуете, какая потеря постигла вас?

– Да, мне не хватает Георгия Сергеевича, это большая утрата для меня. Так как он был очень дорог для меня. Был и остался таким. Он говорил, что его здесь некому будет проводить в последний путь, но я ему отвечал, что его не оставлю. К сожалению, случилось иначе. А при жизни мы практически везде были вместе. Какие бы ни были мероприятия, я ему всегда помогал. То, что Георгий Сергеевич не мог доверить другим людям, доверял мне.

– Например.

– Он мог рассказать о том, что у него накипело на душе, что пережил в жизни... Как служил, как окончил аспирантуру, как начинал свою профессиональную деятельность. В каком-то смысле наши судьбы схожи. И он начинал работать в гимназии № 80, и я, и он был вожатым, и я... И научная деятельность нам непросто давалась. Например, защита диссертации у меня затянулась на четыре года.

– Но, наверное, у Георгия Сергеевича были и друзья-ровесники.

– Знаю только о Нине Павловне Шмаковой, Новикове Игоре Александровиче, бывшем декане исторического факультета. Общался он с Серафимой Георгиевной Левиной, деканом естественно-технологического факультета. Ну, и с Николаем Борисовичем Виноградовым, конечно. Знаю, что Георгий Сергеевич ездил на дачу к Нине Павловне, помогал ей там управляться. Об этом рассказывала она сама. Судя по всему, в ее семье Георгий Сергеевич проводил большую часть своего свободного времени.

– Марат Шамильевич, вы живете в Челябинске?

– Да, здесь родился, окончил 112-ю школу, поступил на исторический факультет. Уже на третьем курсе мне предложили работу лаборантом учебно-методического кабинета. Тогда и началось сотрудничество с Георгием Сергеевичем. Начиналось со служебного сотрудничества, а продолжилось дружескими, почти родственными отношениями.

– Ваши родители живы?

– Да, живы. Мама работает в медицине, врач-лаборант в детской поликлинике, а отец – в строительной компании, мастером.

– Марат Шамильевич, а что Георгий Сергеевич дал вам такое, чего не могли дать другие?

– Он давал мне свой жизненный опыт.

– Наверное, вы чем-то объясняете то, что Георгий Сергеевич воспринимал вас как сына?

– Я всегда чувствовал, что он ко мне относился хорошо, и если даже я по работе ошибался, он на меня никогда не повышал голос. Наоборот, усаживал меня рядом и объяснял, что к чему. А на других мог повысить голос, отчитать. Многие сотрудники видели, что он относится ко мне как к сыну.

– Ваши отношения продолжались несколько лет?

– С 2005 года. Если округлить, десять лет.

– Может быть, вы обсуждали и политические события?

– Обсуждали. Георгий Сергеевич был убежденным коммунистом. Он сказал мне, что состоит в коммунистической партии, и предложил мне вступить тоже. Я не отказался. Это было в 2009 году. Я ходил на собрания, где мы обсуждали события, которые происходили в стране, намечали свои действия. Участвовали в митингах, возлагали цветы к памятнику Ленину. Я и по сей день состою в партии, правда, из-за занятости на работе реже посещаю собрания.

– Конечно, вы были не на равных, тем не менее, может быть, и с вами он как-то оценивал прожитые годы, свою жизнь?

– Одно могу сказать: на свою жизнь он не жаловался никогда. Наоборот, гордился своим родом, который продолжал. Жалоб не было. Единственное, на что он сетовал, на болезнь. Если бы не она...

– Если бы не диабет?

– Да.

– В университете знали о ваших добрых отношениях?

– Знали.

– И это не осложняло вашу жизнь?

– Нет, нисколько. Я сожалею, что ушел из родного мне ЧГПУ. Меня не хотели отпускать, отговаривали. И с Георгием Сергеевичем много говорили об этом. Но я не видел перспектив. Хотя он говорил, что я еще вернусь в университет и стану проректором.

– И вернуться в университет не исключено?

– Не исключено. Все-таки в его стенах прошла большая часть моей жизни.

А ЕЩЕ ОН ЛЮБИЛ ГЕРАНИ…
Сегодня как-то странно говорить, что его нет. Казалось, что он – вечный. Что всегда был и всегда будет…

Н.П. Димухаметова, ст. лаборант кафедры социальной работы, педагогики и психологии

– Наталья Петровна, у вас были постоянные служебные отношения с Георгием Сергеевичем Шкребнем, но они не ограничивались только службой. Я вас слушаю.

– Конечно, в университете есть много людей, которые знали Георгия Сергеевича больше, чем я. Я его знала всего двенадцать лет. Когда меня приняли на работу в вузе, он уже был проректором.

– Вы считаете, что двенадцать лет – не много?

– По сравнению с другими – да. Он был очень порядочным человеком, профессионалом в своем деле. Получилось так, что у нас было много общего с ним. Мы с ним почти одногодки. Он только на год старше. Георгий Сергеевич прошел всю советскую школу становления человека, личности, специалиста. И у нас с ним сразу сложились нормальные отношения – и деловые, и рабочие, и дружеские. Он хорошо знал мою семью, наших детей, мой муж работает здесь же, в вузе. У нас было много общего, поэтому отношения складывались легко, как бы сами собой. В работе было много нового, что следовало освоить, и Георгий Сергеевич всегда во всем помогал.

Сегодня как-то странно говорить, что его нет. Казалось, что он – вечный. Что всегда был и всегда будет. Он был интересен, прежде всего, как работник, но его интересы не ограничивались только службой. Например, он очень любил цветы. Дома у него их было много, и мы своим отделом в обеденный перерыв ходили смотреть на его окна, где стояли цветочные горшки.

– Он предпочитал комнатные цветы?

– Каждую весну Георгий Сергеевич высаживал свои герани под окнами ректората. Зимой они стояли в его кабинете, а весной он их высаживал на клумбы.

– Именно герани?

– Именно герани. Другие сотрудники высаживали и другие цветы, а он – свои герани. Осенью возвращал горшки в кабинет. Дачей он не обзавелся, поэтому предпочитал комнатные цветы.

Что еще? Ни для кого не секрет, что на всех мероприятиях, университетских, факультетских и семейных, он, конечно, запевал.

Как и любой из нас, Георгий Сергеевич был человеком противоречивым. Иногда он проявлял жесткость, но злопамятным его не назовешь.

Готовясь к нашей беседе, я попыталась кое-что изложить на бумаге. В тексте есть такие слова: «Как и всякий талантливый человек, Георгий Сергеевич был исключительно яркой и противоречивой личностью. Эмоциональный, но умеющий себя сдерживать, иногда резкий, но отходчивый, не таящий обид. Чувствовалась его уверенность в себе, решительность, твердость характера. По-моему, ему было незнакомо чувство сомнения».

Я всегда удивлялась его разносторонности, тому, как легко он общался и со студентами, и с преподавателями, и с ветеранами. Особенно внимательно он относился к ветеранам. Известно, что по его инициативе

мы весной объезжали могилы бывших преподавателей университета. Он – проректор, казалось бы, есть люди, которым можно поручить это дело. Но он выезжал сам. Мы объезжали три кладбища, и каждый раз он поражал нас тем, что знал каждую могилу, подробно рассказывал о каждом, кто похоронен. Да, это его отличало – особое внимание к ветеранам.

– Но вы как-то объясняете эту его «странность»?

– Я думаю, для него университет был Семьей, и причем с большой буквы.

– В эту семью входили и те, кто работал при нем, и те, кто на пенсии, и те, кто уже ушел навсегда?

– Наверное, можно сказать и так.

– Это были люди, которых он знал?

– Не всех он знал. Знал, конечно, своих преподавателей в годы учебы. Иные – его соратники. Во всяком случае, это были могилы заслуженных людей. И мы их посещали не от случая к случаю, а каждый год. Непременно. Как прямая обязанность.

Справедливости ради надо сказать, что Георгий Сергеевич хорошо относился ко всем. На праздники он всем женщинам раздавал по шоколадке. А мы всегда его поздравляли с 23 февраля. И часто покупали ему цветы. А однажды придумали другой подарок. Долго искали, но нашли авоську. В нее положили качан капусты и другие продукты. В то время был дефицит соли. Мы нашли пачку соли. И эту авоську ему подарили. Он был доволен. Он оценил наш юмор.

– Он не был сухарем?

– Нет. Хотя можно было так подумать.

Он был человеком простым, все знающим и все понимающим. На работе – одно, а вне работы – другое. Но нельзя сказать, что его принимали безоговорочно: были люди, на которых он действовал как раздражитель. Ко-

торые искренне недоумевали: как можно так жить? Зачем столько работать? Зачем ухаживать за чужими могилами? Зачем? Зачем? Зачем?

– Наталья Петровна, при Шкребне вы работали в учебно-методическом отделе. У меня такое впечатление, что работа этого отдела, да и всякая методическая работа, всегда остается в тени, где-то за кулисами. Не на виду. Давайте поговорим о ней. Тем более что она напрямую связана с деятельностью Шкребня. Что это такое – учебно-методическая работа?

– Это контроль за процессом подготовки специалистов в вузе.

– Контроль? И только?

– Да, обеспечивался контроль.

– А методики? Ведь кто-то их создавал?

– Это – структура, которая существует в каждом учебном заведении. Есть учебный отдел, есть научный отдел, есть воспитательный отдел. Наш учебный отдел этим и занимался.

– Как я догадываюсь, работа кропотливая и трудоемкая: все расписать по каждому предмету.

– Да, по каждому предмету создается рабочий учебный план. Этим занимается структура, которая определяет, какой должна быть методичка. Ее, методичку, спускают каждому факультету, каждому преподавателю, и они работали над ней.

– Хорошо бы об этом подробнее.

– Раньше учебные планы получали из министерства, теперь сами их создаем. Теперь из министерства мы получаем не готовые учебные планы, а только стандарты высшего образования. На основе этих стандартов и готовим учебные планы. Этим и занимался наш отдел под руководством Шкребня. Точнее, учебные планы составляет факультет, а мы проверяем, как они соответствуют

стандартам, и, если соответствует, утверждаем. А потом – контролируем их выполнение.

В этой работе Георгий Сергеевич был очень щепетилен, вникал во все, добивался максимальной точности. И после всех наших проверок и сверок, прежде чем отдать в печать, все методические материалы мы отдавали Георгию Сергеевичу. И, представьте, он всегда находил опечатки, описки и ошибки. Без его поправок не обходилось. Он все замечал. А это – огромный объем работы. Он сидел тут днями и ночами. Нас было пять специалистов, которые контролировали от пяти до семи факультетов и кафедр, каждый из нас нес ему свои кипы бумаг, и он все читал.

– Однако к чему сводились требования проректора Шкребня? Чего он добивался?

– Он добивался того, чтобы мы следовали стандартам.

– А кто решал, допустим, сколько часов отвести тому или иному предмету?

– Это – в учебном плане. Например, записано «17 часов», мы и проверяли, как это выполнялось.

– Наталья Петровна, значит, работа имеет несколько стадий. Сначала вы получаете из министерства стандарты, потом составляете учебные планы, потом...

– Потом к учебным планам – учебные программы.

– Допустим, создали рабочую программу на этот год. А в следующем году?

– Если стандарт «свежий», программа продолжает работать. Теперь, правда, министерство меняет стандарты едва ли не каждый год. И мы каждый год вносим изменения в программы.

– Значит, учебный процесс был строго регламентирован? Едва ли не по минутам.

– Да, конечно.

– А если стандарты не изменились, все остается по-прежнему?

– В основном, да. Содержание предмета не меняется. Например, история древнего мира остается историей древнего мира. Другое дело – история современной России, которую вел Шкребень. Вы сами знаете, как она сейчас меняется. Поэтому и в программу каждый год вносятся изменения.

– Наталья Петровна, не удастся ли нам выяснить, какую цель преследует эта колоссальная работа? Она преследует цель стандартизировать изучение предметов по всем вузам? Та же история древнего мира. Ее изучение в вашем университете и в любом другом педагогическом университете страны – однообразно?

– Да.

– Изучение – выравнивается. Здесь никакое творчество не допускается? Никакое своеволие?

– В форме – допускается, а в содержании – нет.

– А, допустим, изменение количества часов? Мы все последние годы спорим о том, сколько часов выделить гуманитарным предметам, русскому языку и литературе.

– Я по образованию тоже историк. В колледже, в котором я в свое время начинала работать, на историю по учебному плану отводилось 600 часов, потом шло постепенное сокращение, сейчас дается мизер. То же и в школах. На изучение истории Отечественной войны сейчас выделяется в несколько раз меньше времени, чем прежде.

– И никакие протесты не принимаются?

– Нет.

– Значит, мы все-таки докопались до истины. Получается, что в конечном итоге методику диктует иде-

ология. И не какая-нибудь, а идеология государства. А это уже очень серьезно. Именно государство подбирает «под себя» образование, которое надо дать народу. И оно «мелочится» вплоть до того, сколько часов отвести в школе на изучение того или иного исторического события. Как пылко не твердило бы оно о свободе, но в образовании свободы не допускало и не допускает. В конечном итоге, государство устанавливает «свое» образование – какое и сколько.

– Так и в литературе. Я вообще не могу понять, как можно через тесты ЕГЭ изучать «Войну и мир». Да, в тесты можно спрятать даты, а само событие? Потому наши школьники и студенты не знают устной речи. Они практически не читают, фактически не разговаривают, даже не общаются друг с другом. Все уткнулись в телефоны.

– Известно, что в вашем вузе изучается на только сам предмет, но и методика преподавания этого предмета.

– Такие методики создают преподаватели, имеющие большой опыт работы. И они же потом являются методистами на практике студентов. Мы этим не занимались.

– Хорошо. Наталья Петровна, как вы считаете, Шкребень был счастливым человеком?

– Вообще-то, да.

– А если иметь в виду его личную жизнь?

– Не знаю, как сказать.

– Это для вас трудный разговор?

– Я могу сказать только то, что такие руководители, как Шкребень, должны быть у каждого. У него многому можно было научиться. Этой самоотдаче, преданности своей профессии... Он любил свою работу, любил университет. И всю жизнь отдал ему.

РАДИ БУДУЩЕГО – ПАМЯТНИКИ ПРОШЛОМУ
Как истинный историк, он пользовался историей, чтобы понимать актуальную современность

Н.А. Вахрушева, директор музейно-выставочного комплекса (МВК)
А.А. Школьникова, ведущий специалист по фондам МВК

– Уважаемые Нина Афанасьевна и Александра Анатольевна, у нас интервью «дуэтом», что не совсем обычно, но так и быть. Я рассчитываю на то, что вы, коллеги Г.С. Шкребня, лучше других знаете истории двух созданий – энциклопедии университета и вузовского музея. Насколько мне известно, к одному и другому был причастен Г.С. Шкребень.

Расскажите, пожалуйста, как это было. Начнем с истории энциклопедии. Это, скажу так, история истории. Согласитесь, что в работе над энциклопедией вы, незаметно для себя, «составляли» историю создания энциклопедии. И это, отдельная история, отдельный рассказ, который следовало бы переложить на бумагу и сохранить. Пожалуйста.

Н. Вахрушева:

– Начиналось все так. Мы с Алексеем Николаевичем Богачевым были в Магнитогорском, тогда еще педагогическом, университете, и нам подарили их энциклопедию. Она была тоненькая, какая-то научно-популярная, размером как наш «Музейный вестник». Привезли и показа-

ли Георгию Сергеевичу: «Может быть, и нам, такую сделать?». Он сказал: «Оставьте». И почему-то более чем на два года замолчал. И только к юбилею университета возобновились разговоры о выпуске нашей энциклопедии.

Разработали рабочие материалы, в этом нам помогли В.С. Боже и В.А. Черноземцев. На заседании ученого совета вуза утвердили план подготовки энциклопедии буквально по месяцам, а также рабочие материалы. К работе привлекли более 600 авторов. Каждый декан, каждый заведующий кафедрой отвечал за сдачу статей к указанным срокам. Получилось, что энциклопедия стала делом всего университета. Общее руководство осуществлял Георгий Сергеевич.

Проще было писать статьи о тех, кто жив, но надо было написать и о тех, кто работал в вузе когда-то. В этих случаях мы брали в архивах личные дела и писали статьи о тех людях. Фотолаборатория подбирала фотографии, сканировала их.

В общем, два года вуз жил подготовкой энциклопедии. К работе активно подключилась Александра Анатольевна Школьникова, на счету которой более 60 статей.

А. Школьникова:

– Я пришла работать в университет в 2007 году. И меня сразу подключили к этой работе. А я музейщик, подобной деятельностью никогда не занималась, но пришлось освоить и работу над энциклопедией. Чаще всего брала из архива личные дела, но в них – сухие бумаги, какие-то справки, послужной список... Из этих скудных сведений приходилось составлять короткую биографию человека.

– Но статья для энциклопедии тоже должна иметь свой формат.

А. Школьникова:

– Была памятка: как писать статью.

– Вам обеим приходилось и статьи писать, и следить за ходом работ?

Н. Вахрушева:

– За нами были закреплены определенные подразделения. Допустим, какое-то из них выбивалось из графика, нужно было связаться с руководителем, напомнить, если надо, помочь... Приходили также с вопросами и с подсказками, например, жаловались, что пропустили чью-то фамилию. А кроме текстов – фотографии. Александра Анатольевна занималась фотоархивом. Многие снимки в энциклопедии взяты из фондов музейного комплекса.

А. Школьникова:

– Большинство готовых статей сначала приносили нам, мы их просматривали, если возникала необходимость, что-то поправляли или дописывали и отдавали Георгию Сергеевичу. Он проверял все еще раз, а потом передавал редакторам.

– Можно подумать, что работа шла легко и просто. Без проблем.

А. Школьникова:

– Проблемы, конечно, были. Как без проблем в таком большом деле?

– Вот и поговорим о проблемах.

– Знаете, какие были проблемы? Чтобы никого не пропустить, не обидеть, мы из архива таскали кипы папок и пересматривали все личные дела. Но не все дела сохранились. Что-то пропало, сгорело в пожаре или было испорчено при подтоплении. Был такой случай, к нам пришла женщина с обидой, что в энциклопедию не попал ее отец, который много лет проработал сантехником в нашем вузе. А на работников АХЧ раньше личных дел не заводили, поэтому мы не знали, что он здесь работал. Получилось, что мы оказались «без вины виноватыми».

– В энциклопедию попадали все, включая слесарей и сантехников?

– А почему нет, они же работали? Попали все, кто проработал в вузе более пяти лет.

– Допустим, на каком-то факультете кто-то опаздывает, не предоставляет материалы в срок. Что тогда?

Н. Вахрушева:

– Торопили. Звонили, просили. Иногда сами писали за них.

– А власть употребить? У кого была власть?

А. Школьникова:

– Какая власть? Это же добровольное дело. Это не входит в служебные обязанности.

– Но в том-то и дело, что работа для энциклопедии – помимо служебных обязанностей. Наверное, не обходилось без ворчунов. У людей, мол, и так много работы, а тут какая-то энциклопедия. А она то ли будет, то ли нет. Только отвлекают от дел. Нагружают и нагружают... Мне говорили, что далеко не все представляли себе, какой энциклопедия получится. И только тогда оценили ее, когда подержали в руках тяжелый фолиант, когда полистали и нашли свою фамилию.

Н. Вахрушева:

– Каждое подразделение писало статьи о своих сотрудниках. Например, на кафедре педагогики заведующая каждому преподавателю определила по пять-шесть человек, о которых следует написать статьи. Если откровенно, чтобы написать пять-шесть статей, надо не так уж много времени.

А если кто-то уж слишком долго задерживал свои статьи, Георгий Сергеевич поручал эту работу нам. Кроме того, важно было «выловить» все ошибки. Перед версткой статьи проверяли редакторы, затем мы с Георгием Сергеевичем вычитывали их еще.

Н. Вахрушева:

– А когда работа была закончена, выяснилось, что наша энциклопедия – первая среди вузов. Только через какое-то время свою энциклопедию выпустила академия культуры и искусств. Затем – медицинский университет.

Все получилось, потому что Георгий Сергеевич собрал хорошую команду. К тому же, у нас уже был опыт работы над энциклопедиями «Челябинск» и «Челябинская область».

– Получается, ваша энциклопедия была третьей в области?

– Нет, еще были энциклопедии ряда городов Челябинской области. Но наша – была первой среди вузов России.

– Ну, вот энциклопедия вышла и...

– Презентация.

– Как она проходила?

– Очень хорошо проходила. В актовом зале. Присутствовали члены ученого совета, все доктора наук, представители всех подразделений. Георгий Сергеевич, прежде всего, привел статистику по энциклопедии: сколько весит, сколько листов, сколько статей, сколько авторов. Это давало представление об объеме вложенного труда. Каждый, кто участвовал в издании, получил «личный» экземпляр энциклопедии. Все были довольны, а особенно – ветераны: о них не забыли. Презентация стала праздником.

– Хорошо. Об энциклопедии, будем считать, все. Теперь приступим к истории создания музея.

Н. Вахрушева:

– 7 мая 1975 года была открыта «Комната боевой славы». Это, можно сказать, день рождения музея. Георгий Сергеевич тогда еще был студентом. Затем появились музеи на факультетах. На естественно-географическом, на

историческом, которым как раз занимался Георгий Сергеевич, позже – на физико-математическом, еще позже – на факультете подготовки учителей начальных классов. И в 1998 году ректор А.Ф. Аменд издал приказ о создании музейного комплекса университета, первого среди вузов области.

– А нынешняя экспозиция появилась когда?

А. Школьникова:

– В 2012 году. Это была инициатива ректора В.В. Садырина. Прежняя экспозиция уже устарела и была в ужасном состоянии. А Георгий Сергеевич курировал работу нашего подразделения.

– Между «Комнатой боевой славы» и современной экспозицией больше трех десятилетий. Что происходило в эти годы?

Н. Вахрушева:

– В эти годы кроме музея истории вуза, как мы уже сказали, появились факультетские музеи. Комплектовались фонды музейного комплекса. Проводилась воспитательная работа. По инициативе Георгия Сергеевича мы много ездили по другим музеям, не только Челябинска, но и области, знакомились с их опытом работы. В Челябинске мы побывали в школах № 84, № 86, № 104 и других, ездили в Миасс, в Пласт, в Троицк. Георгий Сергеевич увлекался краеведением. Сам увлекался и увлекал других.

В свое время у нас была портретная галерея педагогов, известных выпускников университета, ученых и др. Ее создавали Александр Филиппович Аменд и Георгий Сергеевич Шкребень. Для многих из тех, чей портрет был помещен в галерее, это было важно. Позже Шкребень любил повторять их слова «Увидев свой портрет здесь, теперь и умереть не страшно: здесь меня помнят».

При Георгии Сергеевиче новый импульс получила издательская деятельность. Он придумал «Музейный

вестник», на очереди уже его сорок первый выпуск. А еще выходили книги по истории факультетов и университета. А еще была серия брошюр – «История и историки», «Известные выпускники» и другие. Упомяну и о другой энциклопедии – о заслуженных учителях РФ, она тоже вышла впервые в России. Мы ее делали также с Георгием Сергеевичем.

– Все-таки я хочу уточнить это: каково участие Шкребня в музейном деле? Это его епархия или несовсем?

Н. Вахрушева:

– Как куратор музейного комплекса он помогал решать разные проблемы, помогал в вопросах ремонта, контролировал нашу работу. Планирование, отчеты, всякие мероприятия. Мы обращались к нему за консультациями по истории вуза. Его очень интересовало это направление, он, на наш взгляд, был лучшим специалистом в этих вопросах. И мы часто этим пользовалась в своей работе.

Георгий Сергеевич использовал музей для просветительской работы, как он говорил, для образовательно-воспитательной функции. Мы часто приглашали его на «Музейные гостиные» – выступить перед студентами, и он никогда нам не отказывал. Более того, ему это нравилось. И каждый раз интересовался, когда будет следующая встреча.

У нас была такая акция – выпуск почтовых карточек по истории университета, посвященная 80-летию ЧГПУ. Когда карточка, посвященная какому-либо ученому, выходила, назначалась презентация. Первая презентация была посвящена профессору А.И. Лазареву. Это всегда проходило в музее, камерно, с приглашением коллег и родственников. И обязательно с выступлением Георгия Сергеевича.

А что касается его участия в создании музейных экспозиций, то он лично сделал две экспозиции по истории

В музейном комплексе

На заседании совета музейного комплекса университета

исторического факультета. Одна из них существует и в настоящее время в аудитории 266.

– Ясно. И что, мы обо всем сказали? Больше сказать нечего?

Н. Вахрушева:

– Вы, знаете, мы его любили.

– Простите меня, Нина Афанасьевна и Александра Анатольевна, но фраза «мы его любили»– емкая, однако состоит из «голых» слов. Я не хочу вас обидеть, но она мне ни о чем не говорит. Ее надо объяснить. Расшифровать. Если хотите, доказать. Как любили, почему любили, за что любили. Эти определения и характеристики требуют подтверждения примерами, эпизодами, фактами.

А. Школьникова:

– Но Георгий Сергеевич, действительно, всегда помогал. Правда, бывало всякое. Как-то я пришла к нему, а он отмахнулся: я не знаю, как это сделать, не до тебя, уходи. А через два дня поймал в коридоре: смотри, надо сделать так, так и вот так. То есть два дня он все-таки думал о моей просьбе и нашел ответ на мой вопрос.

Н. Вахрушева:

– Больше 15 лет в вузе существовала традиция, инициатором которой был Георгий Сергеевич, – ухаживать за могилами преподавателей и сотрудников. В каждый выезд надо было убрать минимум 25 могил. Мы выезжали в девять утра и возвращались в пять вечера. И, понимаете, везде он – сам. Рядом молодые парни, а он первый хватает грабли, сам подметает, сам красит.

Он был требовательным не только к другим, но в первую очередь к себе.

Таким он и был, Георгий Сергеевич, сложный и простой...

ОН ЖИЛ НЕ ПРАВИЛЬНО, А ПРАВЕДНО
Это была незаурядная личность, человек не рядовой, не серенький, не проходящий, не фоновый...

В.Г. Макаренко, доктор пед.наук,
профессор кафедры теории
и методики физкультуры и спорта

– Виктор Григорьевич, что скажете о Шкребне?

– Скажу, что Георгий Сергеевич, на мой взгляд, не случайный человек в педагогическом университете, поскольку его стиль взаимоотношений с людьми, технология профессиональной деятельности очень совпадают с классическим образом руководителя и организатора образовательного учреждения советского времени. Ключевое слово здесь – «советский». Он человек советской закалки. Советского воспитания. Он всегда придерживался государственных позиций, всегда был патриотом и нашего вуза, и нашей страны.

В оценке многих событий у нас было много общего. Иногда он публично говорил, что наши точки зрения совпадают. А совпадают, видимо, по той причине, что и он был членом КПСС, и я был членом КПСС, мы из одного времени и одной среды.

Наши взгляды совпадали и по поводу перспектив развития факультета. Я занимался студенческим спортом, и он был сторонником активного, здорового образа жизни молодежи, всегда приходил на спортивные соревнования, будь это спартакиада вузов, будь это общегородская

эстафета. И всегда горячо, иногда даже воинственно, отстаивал интересы вуза в конфликтных ситуациях. В этом смысле Георгий Сергеевич был максималистом. При оценке событий он избегал половинчатых высказываний.

– Хорошо бы пример привести.

– Например, запомнилось его крылатое выражение. Его надо объяснить. В то время он был инициатором разработки учебно-методических комплексов по предметам. К каждому предмету предъявлялись особые требования, целый список требований. Шкребень был главным рецензентом. Дело шло, все втянулись в работу. Программы публично рассматривались на методических советах, иногда на ректорате. Но ни одна программа не избегала критической оценки Георгия Сергеевича. Всегда он что-то находил: то литература старовата, то текстовое сопровождение не четко сформулировано, то планы аморфные, то что-то еще. Это уже вызывало у некоторых какое-то ворчание, у некоторых – улыбку. И когда однажды об этом было сказано публично, мол, мы все делаем, как вы требуете, но никак не угодим на вас, тогда он сказал свою фразу, ставшую крылатой: «Вот приедет проверяющий, еще хуже, чем я, тогда попляшете». И тем разрядил обстановку.

– Это что, черта характера или уровень его требований был так высок, что его трудно было достигнуть?

– Наверное, и одно, и другое. И черта характера – он был человек прямой...

– Придирчивый?

– Я, может быть, не сказал бы «придирчивый», но он высоко поднимал планку.

– И сам соответствовал той планке?

– Да, он не придирался, а старался, чтобы вуз выглядел хорошо, потому что, как я уже сказал, был патриотом

вуза. Это была серьезная, масштабная, очень работоспособная личность. На работе он, как говорится, пропадал.

– А как часты были ваши рабочие контакты?

– Я находился у него в подчинении, и контакты были частыми по многим направлениям. Фактически он исполнял обязанности первого проректора, и в вузе – один из главных действующих лиц. А отношения у нас были прекрасные. Он уважал спорт, спортсменов, многих знал лично.

– Любитель, а не спортсмен?

– Нет, спортсменом он не был. Но хорошо помогал студенческому спорту. Он занимал, я бы сказал, солидарную позицию, был хорошим нашим куратором.

– Виктор Григорьевич, есть такое выражение: делать жизнь с кого. Шкребень был человеком, с которого можно делать жизнь?

– Это вопрос сложный. Однозначно ответить на него я лично не берусь. Я начал разговор с того, что Георгий Сергеевич – это человек советского времени. Многие качества, которые были присущи человеку того времени, для нынешней молодежи не выглядят образцами для подражания.

– Например.

– Например, Георгий Сергеевич не умел делать деньги. Зарабатывать на услугах и тому подобном. Да, он всегда первым доставал деньги, чтобы отдать человеку, у которого случилось несчастье. Но теперь такой бескорыстный человек для многих, мягко говоря, старомоден.

– Простите, Шкребень должен был делать деньги, но этого не умел. О каких деньгах идет речь?

– Шкребень не был нацеленным на то, чтобы купить машину, приобрести квартиру, обустроить ее.

– То есть, не умел делать деньги для себя?

– Для себя, конечно.

– А я подумал, для вуза. Что он не умел добывать деньги для университета.

– Нет, для себя. Я и говорю: если что-то взять у Шкребня, то его трудолюбие. Его бескорыстие. Его преданность делу. Его открытость. Такие качества.

– Согласитесь с тем, что качества, которые вы перечислили, – хорошие.

– Хорошие.

– Тогда в чем же дело? Но они не соответствуют нашей действительности? На дворе другое время, которое не приемлет бескорыстие?

– Да, с бескорыстием сейчас мы встречаемся все реже. Бескорыстные люди не исчезли совсем, но они вызывают некоторое удивление – сейчас, на фоне того, что все хотят что-то получить, а «за так» ничего не делают. Конечно, уже прошло какое-то время, и мы стали понимать, что не все продается и покупается. И все же... Раньше были тимуровцы. Мы выходили на субботники. Соглашались на другие дела, заведомо бесплатные. Например, в студенческие годы мы много раз ездили на вузовскую агробиостанцию, наводили там порядок, помогали сажать картошку, и ни у кого не возникал вопрос, что за это надо заплатить. А после работы мы обычно костер разжигали, картошку жарили, чай пили, пели, хохотали – с удовольствием проводили время. Трудились на общее благо, а не для себя лично. Сейчас так – не положено. Каждый труд должен быть оплачен. Даже и преподаватели сейчас стремятся за всякую работу что-то получить. Какие-то бонусы.

– Виктор Григорьевич, и что, у вас была возможность на студентах заметить, что эти «советские» качества Шкребня не добавляли ему популярности или уважения? Что студенты его уважали бы больше, если бы он был, скажем так, современным человеком? Современным, а не из ушедшей эпохи?

– Нет, я не говорю, что они его не уважали. Вы поставили вопрос, с него ли лепить жизнь, быть ли таким, как он. И я засомневался. Потому что Георгий Сергеевич в жизни не выглядел каким-то Данко, который готов отдать людям свое сердце. И не выглядел он, допустим, героем, совершившим подвиг. Он был тружеником, порядочным человеком, одним из лидеров нашего университета. На него выходило много вопросов, связанных с обеспеченьем жизнедеятельности вуза. Он был цельной личностью, ориентированной на качественное исполнение своих функций, на служение своему делу. Он работал, а не имитировал работу.

– Виктор Григорьевич, этот вопрос я часто задаю своим собеседникам, задам и вам: правильно ли жил Георгий Сергеевич Шкребень или неправильно?

– Да, он жил, на мой взгляд, правильно. Правильно! Но, к сожалению, недолго. Не скажу, что он работал на износ, но с большой самоотдачей.

– Может создаться впечатление, что он работал больше всех в вузе.

– Больше многих.

– И это – правильно?

– Это зависит от позиции. Я могу сказать: это правильно. С другой стороны, и я правильно работаю, если четко исполняю должностную инструкцию.

– Спрошу вас иначе: правильно ли поступал Шкребень, работая много, больше, чем положено по инструкции?

– От человека зависит. Может быть, он работал много потому, что был одиноким человеком. Без семьи.

– И не возникала мысль, что, может быть, этому человеку надо чем-то помочь?

– Не возникала. Наоборот, он сам был готов кому-то подать руку, помочь, поддержать. Его всегдашняя уверен-

На встрече студентов спортфака с Лидией Скобликовой

На 60-летии спортфака

ность свидетельствовала о том, что у него много друзей, что рядом с ним надежные помощники, что у него все в порядке. Несколько раз он был у меня дома, по поводу круглых дат, и там он тем более был человеком душевным, веселым и общительным. А на работе сохранял строгость, официальность, был в хорошем смысле бюрократом.

– Виктор Григорьевич, простите, но я опять возвращаюсь к этому вопросу: правильно ли жил Шкребень? Правильно ли все отдать работе, служению, ничего не оставить себе, и прожить жизнь без личной жизни?

– Правильный ответ может дать только Господь Бог. Я боюсь быть судьей и давать оценку жизни Георгия Сергеевича.

– Но могли бы вы какому-то молодому человеку сказать, чтобы он прожил жизнь, как Шкребень?

– Мог бы.

– Вы ему скажите, что семья – это неважно, а важна только работа?

– Личная жизнь может быть раскрыта только с согласия самого человека. А мы такого согласия не имеем. И пытаемся строить какие-то гипотезы.

– Виктор Григорьевич, коснемся еще одного аспекта и на этом, наверное, закончим разговор. Вы говорите, что Шкребень был сугубо советским человеком. На его долю и на долю всех нас выпал тот коренной перелом, который случился на рубеже веков. Перелом, который, действительно, многих переломил. По крайней мере, вызвал очень глубокие, стрессовые переживания. А у Шкребня как?

– Дело в том, что я не видел его до этих событий. И не могу сказать, как он изменился. Но мне кажется, что он остался таким, каким был.

– Внешне на нем этот перелом не отразился?

– Да. Впрочем, может быть, диабет – как раз результат тех переживаний. Я могу сказать только то, что он все дела и поступки расценивал с той точки зрения, как они отразятся на жизни общества. Скажу откровенно, полностью снять его матрицу и взять ее в качестве модели, конечно, не получится. Не говоря о новом поколении молодежи, но и сам я не смог бы так жить. Если мне предложили стать на место Шкребня, я бы не согласился.

– И последнее. Спросим себя: когда человек по своей воле много работает? Наверное, тогда, когда надеется, что это, рано или поздно, будет оценено и каким-то образом вознаграждено. А как у Шкребня? Его захватила работа, которую не назовешь захватывающей. Она скорее скучная, чем увлекательная.

– Что у него служило мотивацией? Он занимался очень серьезными делами, от них зависела судьба самого вуза, а значит, сотен и тысяч людей. И он, возможно, чувствовал себя лидером в тех событиях. Это удовлетворяло его амбиции и самолюбие.

– Советских людей воспитывали в том смысле, что надо работать на общее благо. Что за это тебе воздастся памятью людей. И, я думаю, Шкребень как раз такую память получил. Люди помнят о нем именно потому, что он много работал. Главное в нем – это. Пусть мало тех, кто хотел бы его повторить, но они это оценили.

– Георгий Сергеевич был незаурядным человеком. Не рядовым, не серењким. Не проходящим. Не фоновым. Вокруг него была особая среда, он умел эту среду создавать, умел даже и управлять этой средой. Поэтому память о нем и сохранится. И дай тому Бог.

ОН БЫЛ ДРУГОМ НА ВСЕ СТО
И одна половина его жизни стала всей его жизнью

Р.Х. Мазитов, зам. директора Института дополнительных творческих пед. профессий

– Рафкат Хакимович, известно, что вы с Георгием Сергеевичем дружили.

– Да, дружили.

– Причем с юных лет.

– Нет, не с юных. Получилось так, что я поступил на первый курс, а он учился уже на пятом. Меня поселили в общежитие уже во втором полугодии, в феврале, в комнату, где жил Георгий вместе с другими старшекурсниками. Я был там самый молодой.

– Сколько вас там помещалось?

– Пять человек. Будущие выпускники и я среди них. Он меня взял как бы под свою опеку.

– Вам необходима была опека?

– Нет. Мы с Георгием учились на одном факультете, историко-педагогическом. Но я всегда тянулся к старшим, интересным людям, умным, грамотным. И они меня не отталкивали. Георгий окончил пятый курс, защитил диплом, и его оставили работать в институте заместителем секретаря комитета комсомола. Он поселился в комнате уже не со студентами, а с аспирантами и молодыми преподавателями, и я каждый вечер заходил к ним пообщаться. Аспиранты там были с разных факультетов, так что было о чем поговорить.

Затем Георгия избирают вторым секретарем Центрального райкома комсомола. Тогда райком находился в небольшом помещении за театром оперы и балета по улице Цвиллинга. Я учился уже на третьем курсе. И мы продолжали общаться. Часть наших ребят летом поехали на практику в Артек и Орленок, а я остался работать в педагогическом отряде «Луч», и не пожалел об этом. Отряд работал с детьми по месту жительства. В каждом ЖЭКе города было помещение – детский клуб, где работали различные кружки и секции. Я работал, как бы сейчас сказали, педагогом дополнительного образования, в клубе «Радуга» от треста «Уралнефтегазстрой» по ул. Худякова. Эту сферу деятельности от Центрального райкома комсомола курировал как раз Георгий. И тут мы еще больше сблизились.

К тому времени ему дали комнату в доме на улице Кирова. Я помогал ему переезжать, обустраивать это жилье. Когда я стал бойцом педагогического отряда, на одном из комсомольских собраний высказал мысль о том, что для отряда надо разработать какое-то положение. За эту инициативу мне и предложили разработать такое положение. Я – куда? К Георгию. Он мне: пиши, а я помогу. Я составлял, он редактировал, там же, у него в комнате. Он же помог выпустить эту брошюру «Положение о студенческих педагогических отрядах». Там так и отмечено: «ответственный за выпуск Шкребень Г.С.». Где-то в библиотеке эта брошюрка есть.

Райком комсомола проводил летом соревнования «Кожаный мяч», а также соревнования среди клубов по месту жительства по баскетболу, по настольному теннису и другим видам спорта. Фактически это была спартакиада в летний период для детей, которые не поехали отдыхать в загородные лагеря.

Осенью 1973 года в редакции газеты «Челябинский рабочий» состоялся «круглый стол» по работе с детьми

по месту жительства, куда он пригласил и меня. Затем в газете была опубликована статья с моей фотографией, фотографией Георгия, а также нашего преподавателя и организатора педотрядовского движения Александра Зельмановича Иоголевича, который впоследствии стал научным руководителем моей дипломной работы. В этот период мы с Георгием работали очень плотно. Случилось так, что на комсомольскую практику я был направлен в Центральный райком комсомола и работал три месяца инструктором под началом Георгия. И знаете, было так: дружба – дружбой, а работа – работой. И я его за это уважал. На поблажки не рассчитывал. У меня как-то не получилось съездить на отчетно-выборное собрание в один из научных институтов, и за это я получил «выволочку» по полной программе. И я не обиделся, потому что сознавал: сам прокололся. А он был прав.

Будучи студентом, Георгий выписывал много газет, тонких и толстых журналов, и для этого завел абонентский ящик в третьем почтовом отделении, чтобы ничто не пропадало.

Когда он переехал из общежития в свою комнату, то передал мне свой абонентский ящик, а себе взял ящик в другом почтовом отделении. Как и Георгий, я также стал выписывать журналы «Преподавание истории в школе», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», а также спортивные журналы, а получал их на почте в абонентском ящике.

– Рафкат Хакимович, скажите, пожалуйста, вам, студенту и выпускнику, которым хватало забот в вузе и на работе, у которых полно своих дел, интересовала работа в комсомоле? В чем интерес?

– В принципе, было очень интересно. Это была конкретная живая работа, в основном организаторская. Я был членом факультетского бюро комсомола – пред-

седателем спортивного совета факультета. Георгий – секретарем райкома. Надо сказать, что наш историко-педагогический факультет готовил не только учителей истории и обществоведения, но и методистов пионерской и комсомольской работы. И многие выпускники факультета шли работать в комсомольские, партийные и советские органы. Нас готовили к такой работе.

– Однако какой интерес работать в комсомоле у Шкребня, склонного к научной работе в исторической отрасли?

– Во-первых, это работа, к которой нас готовили. Во-вторых, в комсомоле всю жизнь не проработаешь, а его тянуло к преподавательской деятельности. Он, будучи студентом и позже, работал учителем истории в ШРМ № 25, в вечерней школе рабочей молодежи, которая находилась в здании нашего института, и работал с удовольствием. Кроме этого, он – организатор. Ему были присущи честность, порядочность, принципиальность и требовательность. И потом, уже преподавателем, он оставался строгим, требовательным и справедливым. Ни один студент не мог сказать, что он кого-то гнобил, не разобравшись, наказывал.

– Но, Рафкат Хакимович, я догадываюсь, что в эти годы у вас был и какой-то досуг, отдых...

– Это естественно. У меня досуг был разнообразный. Я очень общительный человек, и у меня были друзья на всех факультетах по линии спортивной, по линии художественной самодеятельности, я пел и танцевал, участвовал в соревнованиях. А в общежитии жили студенты разных факультетов. Было очень интересно. И мне, и ему.

– А что, однако, было интересно?

– Жизнь была интересной.

– Жизнь? Я слушаю вас и нахожу, что вы не выходили из стен вуза и других серьезных учреждений. Только работали. Но ведь было и кино, и танцы, и многое другое – молодое?..

– Ходили и в кино, и в театр, в ресторан ходили. А еще мы по ночам стояли в книжном магазине в очереди на подписные издания. Я научился играть на гитаре. Он пел, а я, так сказать, аккомпанировал ему, а также помогал в организации различных мероприятий.

– Ну, вот, вы опять о работе...

– Его, кстати, на факультете очень уважали однокурсники и преподаватели. За то, что учился хорошо, за честность и принципиальность. Это был друг, на которого можно положиться на сто процентов. А еще он был интересен в дискуссиях. Иногда вечерами старшекурсники собирались и спорили на политические темы. И он был в числе заводил. Их было несколько. Среди них я бы выделил историка Быкова, оппонента Георгия А. Арендаря.

– Знаю такого. Почти диссидент.

– Там такие баталии разворачивались... Я около них прислушивался, иногда реплики вставлял... Спорили горячо, но без оскорблений, на личности не переходили.

– Шкребень, я думаю, защищал официальную позицию?

– Да, так и было. Я только к пятому курсу стал задумываться о том, что не так было в нашем прошлом. Позже, уже в 80-х годах, стали приоткрываться темные страницы нашей истории... Первая книга, которая меня потрясла, это «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Георгий ее тоже читал. Потом – Солженицын. Правда, его «Архипелаг Гулаг» я не дочитал. Очень тяжелая книга. Далее – Рыбаков, Гранин, Платонов, рассказы Шаламова, воспоминания Жжёнова. И так дальше. При встречах мы много говорили об этом, спорили.

– И что, эти «темные страницы истории» сбили вас с колеи?

– Нет, не сбили. Работая в школе учителем истории, я всегда давал ученикам разные точки зрения: «Думайте, размышляйте, аргументируйте».

Старший лейтенант

– Известно, что Георгия Сергеевича дважды призывали на военную службу.

– Да, это так. Я помню, как вместе с работниками райкома комсомола мы провожали его в армию. Мы переписывались, он присылал фотографии. Старший сержант. Служил в Перми. После демобилизации, он стал работать уже в обкоме комсомола. А я – в Троицке, в школе. Часто приезжал, останавливался у него, на работе бывал. Пару раз вместе с отрядом «Дзержинец» мы ходили по вечерам в рейды по дворам и подвалам... А когда он надумал поступить в аспирантуру, допустил оплошность.

Признался, что поступает в аспирантуру. А из обкома комсомола его не отпускали. Он – за свое. И тогда придумали ему наказание: призвать в армию второй раз. Уже офицером, на два года, в Североморск. Мы опять переписывались, у меня хранится его «морская» фотография старшего лейтенанта. Так у него отняли от учебы два года. Но после службы он все-таки поступил в аспирантуру в Москве и переехал туда. Но об этом вам, наверное, уже рассказывали.

– Рафкат Хакимович, вы и Георгий Сергеевич – парни, почти ровесники, рассказываете о том, как жили в те годы... А девушек нет. Их, как говорится, нет в природе. Нет, любви, нет свиданий, нет свадеб?

– На тему о девушках мы с Георгием, естественно, говорили. О планах личной жизни – дважды. Один раз, когда он окончил вуз, а второй – когда ему было под сорок. Я понял так, что в студенчестве у него была любовь, но, видимо, безответная.

– Хорошо, закроем эту тему.

– Скажу о другом. К моему переезду из Троицка в Челябинск в 1996 году Георгий имел прямое отношение, как и мой однокурсник, проректор Владимир Рушанин. В это время в вузе на базе факультета общественных профессий был создан Институт дополнительных творческих педагогических профессий. Это они уговорили меня начать работать в педуниверситете в ИДТПП. Я переехал, месяц ждал, пока мне ремонтировали комнату в общежитии, две недели жил у Рушаниных, а потом – у Георгия. Меня поражала в нем готовность прийти на помощь. Что бы ни случилось у кого-либо, он тут. Особенно трепетно он относился к ветеранам. Решал их проблемы. Он же их и хоронил.

– А когда Георгий Сергеевич стал проректором? Что-то изменилось?

Под аккомпанимент на гитаре

– В принципе, я был его подчиненным. Правда, не напрямую. К нему можно было прийти за советом. Что-то предложить. Он или одобрял, или отвергал, или помогал. Если что не так, отчитывал. Он не только интересовался всеми делами нашего Института дополнительных творческих педагогических профессий, но и способствовал его становлению и развитию. Он много лет был председателем жюри университетского фестиваля «Весна студенческая», который мы проводили. Известно, что он хорошо пел. Хорошо разбирался в классической музыке, как и в литературе. Он собрал богатую фонотеку. Диски, пластинки. Любил слушать Лемешева, Козловского, Магомаева, Гуляева, Хиля, Макарова, Захарова, Ободзинского и др. Пел песни из их репертуара. Я ему аккомпанировал на гитаре.

Однажды в конце 90-х в городе состоялись концерты «Поют ученые» в сопровождении оркестра «Мала-

хит» Виктора Григорьевича Лебедева. От нашего вуза пели С.Н. Бабина и Георгий. Я с ним ходил на репетиции. Он исполнял песню «В лесу прифронтовом». У него был очень хороший слух, приятный баритон. Пел чисто, красиво.

– Но в годы его проректорства ваши отношения были уже не такие дружеские?

– Я бы не сказал. Иногда вечерком зайду к нему домой. Посидим, поговорим, поужинаем, поднимем по стопочке. Кстати, он прекрасно готовил. Понимаете, когда я жил в Троицке, то пару раз в месяц приезжал сюда. Отношения не прерывались. А здесь... Виделись-то постоянно, можно сказать, каждый день. На наших посиделках мы не только говорили о делах, но и могли сильно поспорить. Мы – два человека, которые имели разные позиции по многим вопросам внутренней и внешней политики, прошлого и настоящего. Спорили горячо, но никогда не переходили грань порядочности.

– А в чем была разница ваших взглядов?

– В чем была разница? Он до последних своих дней оставался коммунистом. Я бы сказал, был настоящим коммунистом.

– А вы?

– В партии я не был. Комсомольцем был активным. В 1986 году был избран директором школы. Единственный в городе директор беспартийный. Георгий мне сильно помог в становлении как руководителя.

– А почему вы не вступили в партию?

– Мне много чего не нравилось.

– А ему все нравилось? Наверное, и он видел то, что не нравилось вам.

– Он замечал, в разговорах со мной критиковал руководство, но оставался верным партии.

– Рафкат Хакимович, а теперь? Через четверть века, как вы думаете, кто из вас прав?

– Я, например, не жалею о том, что наша страна отошла от социализма. Я признаю, что в Советском Союзе мы имели работу, бесплатное образование, медицину, многие другие социальные достижения. Теперешняя Россия этого нам не даст. Это мы потеряли.

– А что нашли?

– Нашли свободу. Свободу личности, свободу выбора и так далее. Но...

– Рафкат Хакимович, что касается службы и служения Георгия Сергеевича, то у всех полное единодушие. Я со многими разговаривал, и все говорят об одном и том же. А вы, один из немногих, которые могли бы прояснить то, что остается загадкой для всех – вторая сторона его жизни, личная. Я не могу уйти от разговора об этом. И возвращаюсь к нему. Когда человек отказывается от личной жизни...

– Многим это непонятно... У каждого человека своя жизнь. Некоторым это непонятно, и от этого они начинают строить догадки. Георгий – умный человек, наделенный богатой внутренней жизнью, сочувствием и состраданием ко всем, независимо от пола и возраста. И он, видимо, сознавал, что из его жизни уходит очень важный слой, целый пласт. Он компенсировал делами, которые ему нравились. Ему никто не мешал. Он жил и работал.

– Вот именно. Человек много работал. Для других. Себе в ущерб. И что? Рассчитывать на благодарность? На то, что своим непосильным трудом сделаешь нечто такое, что сохранит твое имя в веках? То, чего без жертвы не достигнуть? Не знаю. Конечно, каждый решает сам.

– Меня всегда удивляла его непритязательность. У него была небольшая полуторка-хрущевка. И он был доволен. Ничего не просил. Его устраивало то, что его дом рядом с работой.

– С одной стороны, вызывает уважение то, что Георгий Сергеевич на все плюнул и жил, как хотел.

– Так и получается. Но... Не как хотел... Он жил с ощущением долга.

– Долга? Перед кем?

– Как, например, долга защищать Родину. У него был долг перед университетом. Он им жил, им болел. А еще он помогал людям. Помогал преподавателям-ветеранам, помогал мне, водителю Алексею, соседу, попавшему в трудную жизненную ситуацию, студенту и другим. В последние годы, после смерти брата, он много внимания уделял своему племяннику и его семье, помогал им. В отпускные дни летал к ним в Беларусь.

– Рафкат Хакимович, в ваших характерах было нечто, что вас сближало, и вы дружили. Хотя люди вы разные, не все у вас совпадало?

– Да, это точно.

– Вы – более рыночник, а он рынок не признавал?

– Я так не сказал бы. То, что он делал в вузе как проректор, это работа рыночника. Ведь в те годы вуз становился на коммерческие рельсы. И министерство все сильнее требовало зарабатывать деньги. И некоторые рыночные нововведения, которые приносили вузу деньги, придумывал как раз он, коммунист Шкребень.

– Что, в нем обнаружилась предпринимательская жилка?

– Нет. Он просто видел, что без этого нельзя.

– То есть он работал в предлагаемых условиях? Если рынок, значит, и работать надо по-рыночному?

– Конечно. Хотя он меня критиковал: вот она, твоя власть, твои друзья-демократы...

– А не кажется ли теперь, что, в конечном итоге, он был прав?

– Не знаю. Все не так просто. Но это другой разговор. Долгий и на другую тему.

А ПАМЯТЬ О НЕМ – СВЕТЛАЯ
Он много работал, но уважали его за другое – порядочность и справедливость

Л.Г. Попова (Жукова),
однокурсница Г.С. Шкребня

– Людмила Григорьевна, вы учились в одной группе с Георгием Сергеевичем. С тех пор прошли годы. Вы вспоминали о нем?

– Мы с ним общались все годы после института, теснее в 90-е годы, что было связано с работой.

Наш курс был дружным, и после окончания института мы не теряли друг друга из вида. Последние годы стали часто встречаться с сокурсниками по поводу юбилеев, памятных дат, стали вместе ходить в театр, на концерты.

Гера приехал учиться из Златоуста, он – в одной группе, я – в другой, но все жили в одном общежитии, а в общежитии была своя, особая атмосфера. У нас на курсе было всего двенадцать парней, девять из них жили в общежитии, поэтому общались не только в институте, но и в неформальной обстановке.

– А сколько было девушек?

– Девушек было сорок три. Среди всех парней и девушек Гера сразу выделялся. Деканат назначил его старостой группы, это поручение он выполнял ответственно. Стержень уже тогда в нем был.

– Стержень – это как?

– К учебе он относился очень серьезно. Мне, например, когда поступила, еще и семнадцати не исполнилось. Мы выбились из-под родительского крыла и почувство-

вали свободу. Могли позволить себе прогулять, отложить на потом подготовку к семинарам... А он занимался систематически. И уже с третьего курса преподавал в вечерней школе. Деньги зарабатывал.

Многие жили практически без всякой помощи со стороны. И Гера тоже.

– Бывало так, что вы в кино или погулять, а он – за учебниками?

– Дело не в том. Между сессиями мы давали себе поблажки, а потом, перед экзаменами сидели до умопомрачения за учебниками, потому что много пропустили. А у него знания системные.

– Учеба учебой, но ведь – молодость...

– Да, молодость, но и тогда он отличался серьезностью. Никакой ветрености в нем не было и в молодые годы. Другие парни могли гульнуть... Когда появлялись деньги, могли расслабиться, пива попить или что покрепче, занятия в институте пропустить. Я уже говорила, что жили мы материально очень скудно. Так, из пяти парней, моих одногруппников, живших в одной комнате, только двум хорошо помогали из дома. А остальные... Стипендия – 28 рублей, она за несколько дней куда-то исчезала. Иногда парни вагоны разгружали. А то и бесплатным хлебом в столовой и там же лапшой за четыре копейки приходилось довольствоваться. Конечно, те, кто жил недалеко от Челябинска, везли из дому картошку, какие-то соленья, но все это съедалось очень быстро. У нас был такой случай. Как-то раз парни наловили голубей и сварили суп. А вахтерша Андреевна, – наше поколение ее помнит за строгий нрав, – она и «заложила» парней. Речь шла вплоть до исключения из института.

– И что, их обсуждали на собрании, стыдили?

– Нет, вызвали декана в ректорат, а он был еще и наш куратор, и в результате заступничества Григорьева Б.В. в

институте их оставили, декан получил выговор, а троих парней лишили поездки в Артек, на полугодичную практику, а туда стремились все.

– Однако за что их наказали? Голубей было жалко?

– Да, за антигуманный поступок.

– А голодать – гуманно?

– Голодать надо было без экстремизма

– С этим ясно. Значит, Георгий Сергеевич был примерным студентом, образцом?

– Да, и честно говоря, иногда это раздражало. Но если что, к кому мы шли? К Гере.

– А что раздражало?

– Правильность, наверное.

– Слишком правильный?

– Да, правильность и прямота. Непримиримость. Это у него до самой смерти было.

– Правильных не любят, это верно. Но так он мог вообще отбиться от всех?

– Не могу утверждать твердо, но то, что у него не сложилась семья, отчасти объясняется и характером.

– Людмила Григорьевна, а что, Шкребень, как парень, вас не интересовал?

– Свои как-то не интересовали, не только он. Мы Геру воспринимали как друга.

– Но со временем все равно кто-то в кого-то влюблялся, возникали пары. За пять лет можно бы и приглядеться друг к другу.

– За пять лет среди сокурсников возникло только две пары. До пятого курса замуж не торопились. Только двое обзавелись семьями на младших курсах, но эти браки распались.

– И у Георгия Сергеевича девушки не было?

– Девушка у него была, уже после института. Имени ее не назову. Но у них как-то не сложилось. Я не знаю, по-

том выходила ли она замуж. Это их личная жизнь. К нему в душу с этими вопросами мы не лезли.

Гера же в молодости был красивым парнем, хоть и небольшого роста. Очень яркий. Как-то в колхозе он приложил к лицу два василька и кричит: «Девчонки, смотрите, похоже?». И действительно, глаза и васильки – одного цвета. И она была красивая девчонка. Очень яркая. Нам казалось, что у них был роман. Он не отрицал этого. А в институте... Я не замечала, чтобы у него была девушка, хотя одной нашей сокурснице он очень симпатизировал, даже набрался смелости и пришёл к ней домой без приглашения, но очень стеснялся.

– И другие не замечали. Так все и осталось под покровом тайны.

– Он на эту тему не распространялся. Только раз в узком кругу сокурсниц у него с горечью прорвалось: «Я все ваши семьи знаю, всех ваших мужей знаю, всех ваших детей. Сейчас я очень сожалею, что не создал свою семью»...

– Это когда было сказано?

– Лет пять назад. Мы собирались у своей сокурсницы, он так сказал, и прозвучало это очень горько...

Я знаю, что он очень многим помогал. Помогал не материально, а иначе. Кому-то в работе подсобит, кому-то поможет советом в трудной ситуации. И сокурсники обращались к нему за помощью.

– Значит, не имея своей семьи, он помогал тем, кто семью создал?

– Да. Гера был очень принципиальным человеком. Мог открыто, в лицо сказать что-то нелицеприятное. Конечно, не всем это нравилось. Он мог сказать грубо, но справедливо.

И еще одно хочу о нем сказать – он не хотел лечиться. Мы его в последнее время окружили со всех сторон

заботой. В театр идем – зовем его. Идем на концерт – зовем. Он уже ходил плохо. Уже ворчал: «Вы меня повсюду тащите, а я еле хожу». И в то же время был, конечно, доволен, что мы его не оставляем без внимания. Обычно я ему звоню и, прежде всего, спрашиваю: «Как ты себя чувствуешь?». И он мог пять минут во всех подробностях рассказывать, где его утром кольнуло. Но когда по-настоящему заболел, никому ничего не говорил.

– Я думаю, если бы с ним рядом была семья, он не нахватался бы своих хворей – вытолкали бы его к врачу. И тем более не умер бы он от аппендицита.

– Да. У меня такое ощущение, что он свое время упустил, а потом казалось, что уже поздно... Опять-таки характер такой.

– Я думаю, что «женский вопрос» давался ему очень трудно и занимал в его жизни много места, хотя «на поверхности» все выглядело совсем иначе.

– Нет, не сказать, что он на женщин не обращал внимания. Обращал, но не всегда удачно. У меня подруга была, тоже из нашей группы, и мы пришли к нему с каким-то делом, она переживала трудную полосу в жизни, но старалась не жаловаться, а он ей сразу: «Ты плохо выглядишь, что ты так запустила себя?»

– К сожалению, нас не приучили говорить женщинам комплименты. Только гораздо позднее мы замечали, как от пустого комплимента женщина расцветает, преображается.

– Еще одно, он не умел отдыхать. Я не раз с ним на эту тему заговаривала: «Гера, ты хорошо зарабатываешь. Почему ты никуда не едешь отдохнуть? Ни в санаторий, ни в дом отдыха... Или чужие страны посмотреть?». Нет, он все лето просидит в своем кабинете, работает.

– Отдыхать он не хотел и не умел.

– А в каких условиях жил? Я как-то пришла к нему, он варил варенье из яблок и решил похвастаться своим

творением, но к нему не пройти. Он один стоит в кухне у плиты, и больше там никто не поместится. Кухня крохотная, крохотный коридорчик. Жилище аскета. Единственное богатство – книги. В комнате все было заставлено стеллажами с книгами.

– Людмила Григорьевна, что скажете о судьбе Шкребня?

– Профессионально – очень успешен, а лично – абсолютно нет.

– И если обобщить, если учесть все?

– У нас о нем осталась светлая память.

– Светлая? А почему?

– Потому что он был порядочным человеком, честным и умным. Далеко не всем в тех передрягах удалось сохранить свою порядочность. Вся жизнь его была посвящена работе, в работе он находил удовлетворение и признание. Это было характерно для многих из нас.

– Вы много работали, и это не оценено?

– Нет, даже не оценка труда важна. Нас так воспитали.

– Так воспитали, но не всех.

– Большинство – так. Во всяком случае, наше поколение.

Когда в девяностые годы все рассыпалось, когда у многих совершенно поменялась жизнь, и тогда, приходя на новое место, мы начинали работать точно так же, как прежде. Я не знаю, как можно это оценить, но Георгий Сергеевич после сорока лет весь ушел в работу.

– Но, Людмила Григорьевна, согласитесь, что, с другой стороны, увлечение работой – счастье, а нелюбимая работа – беда. И не стоит ни о чем жалеть.

– Конечно. И Георгию Сергеевичу нравилось быть погруженным во все, что происходит в институте, глубоко вникать в работу и требовать такого же отношения к работе от других.

– Все, с кем я разговаривал, тоже говорили о том, что у них осталась светлая память о Шкребне. За то и уважали, что он много работал.

– Не только. Он и как человек был хороший. Он был ершистый, но справедливый. В компании – компанейский, к коллегам – уважительный. Да, он многое сам на себя взваливал. Вплоть до черновой работы. Надо – делал. И не только в вузе, но и в школе, везде.

– Людмила Григорьевна, мы заканчиваем разговор?

– Напоследок скажу, что он приглашал одну из наших однокурсниц уехать с ним в Белоруссию. Она отказалась, здесь семья сына, близкие люди. Сорваться с места в таком возрасте мало кто решится. Он к этому разговору больше не возвращался.

– А почему – в Белоруссию. Можно было бы остаться с ней здесь.

– А он почему-то звал ее в Белоруссию. Хвалил, как там хорошо. Мы ему говорили, что одно дело приехать туда в гости, когда твой приезд – праздник, тебе все рады, а другое дело – приехать навсегда.

– Значит, мысли о создании семьи преследовали его до самого конца. И это была последняя отчаянная попытка что-то изменить в личной жизни. Но было слишком поздно.

– Наверное.

Мы многих уже потеряли из нашего курса. Один наш сокурсник умер на Новый 2010-й год. Просто утром не

Отдыхать он не хотел и не умел...

проснулся. Мы сокурсники собрались его проводить, и Гера спонтанно провел похороны от начала до конца. А после похорон, кто-то сказал: «Гера, ты должен жить очень долго, чтобы достойно проводить и нас».

– Пока всех не похоронит...

– А сам умер нелепо. Мне кажется, его очень подкосило, когда закончилась его работа в качестве проректора.

Посадили его в кабинетик, приходила молодая преемница, давала ему задания... А прежде на нем держался весь вуз.

– Да это почти закономерность. Сам по себе переход на новый статус – стресс. К тому же ощущение конца, финиша. И потом – поручения, которые унижают достоинство...

– Мне кажется, тогда он потерял смысл жизни. Хотя он готовился к такой перемене. Мы об этом много раз разговаривали. Я допытывалась: чем ты будешь заниматься в Белоруссии? «Я буду писать книгу».

– Наверное, через какое-то время он нашел бы себе какое-то дело, потому что сидеть без дела не умел.

– Если бы он сразу уехал, может быть, было бы лучше. А здесь... Как он без института? Ходил бы туда, как и раньше. А там уже все без него... Чувствовал себя лишним.

– Спасибо. И извините, что я вас расстроил.

РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК НА УРАЛЕ
В моей жизни больше присутствовал дядя Гера, чем отец

Д.А. Шкребень,
племянник Г.С. Шкребня

– Дмитрий, в который раз вы приехали в Челябинск?

– Наверное, в четвертый.

– В четвертый. Это мало?

– Я считаю, мало. Расстояния большие. И некогда, работа такая.

– Но поводом приехать сюда всегда был Георгий Сергеевич?

– Конечно.

– А когда вы узнали, что на Урале проживает ваш родственник?

– Его брат – мой отец... Мы рано уехали отсюда, из Златоуста, когда мать и отец развелись. Мне тогда было полтора или два года. Георгий Сергеевич часто навещал нас. Всегда привозил мне книги. Всякие конструкторы.

– А в каком возрасте вы уже сознательно узнали о дяде?

– На какое-то время мы потеряли связь. Я учился в школе и не особенно понимал, что нужно поддерживать родственные отношения. А в университете, когда решил жениться, к свадьбе стал вспоминать родственников, которых надо пригласить. Мама адрес потеряла. В это время Георгий Сергеевич как раз переехал с одной квартиры на другую. На мою телеграмму никто не ответил. А через некоторое время он сам вышел на связь – сообщил, что умер мой отец. И с тех пор мы стали плотно общаться.

– Вы были, примерно, в каком возрасте?

– Мне было 33 года.

– А впервые вы увиделись...

– Впервые мы увиделись здесь, когда я приехал оформлять документы после смерти отца. Это был мой первый приезд сюда. И в ту же зиму Георгий Сергеевич встречал у нас Новый год. И потом приезжал к Новому году. Неделю, как минимум, гостил у нас.

– Он приезжал именно к вам?

– Да.

– Ваша мать живет не с вами?

– Да. Когда Георгий Сергеевич приезжал, я ее приглашал. Они общались, но не часто. Обычно я его принимал. К его приезду покупал билеты в театры, на выставки. Готовился.

– Значит, он приезжал к вам систематически?

– Да, конечно. Каждый Новый год он – у нас. А я приезжал сюда реже и на день-два.

– Он приезжал к вам и летом?

– Нет. Летом он всегда был занят в приемной комиссии. Приемная кампания была на нем, на его плечах.

– Дмитрий, скажите, пожалуйста, еще чуть-чуть о ваших встречах. На какое-то время вы потерялись. А потом... Как вы думаете, кто в ком больше нуждался – вы в нем или он в вас?

– Может быть, он нуждался больше. У меня уже семья, ребенок, мать, а он, после того, как похоронил брата, остался один. Из близких родственников только я. Чувствовалось, что он скучает по общению.

Он считал, что Шкребни – все родственники. Однофамильцев нет. В Свердловской области, в Верхней Салде, много Шкребней. В старые времена из села Стархорщина Черниговской области помещик часть крестьян продал на демидовские заводы. Так Шкребни попали на

В Белоруссии в кругу родственников

Урал. Один из них, по-моему, работает главным инженером Первоуральского трубного завода. С ним Георгий Сергеевич связывался, когда работал над своей родословной. Точнее, тот Шкребень, Алексей, как его звали, искал родословную, а Георгий Сергеевич подключился к нему и довел дело до конца. Потом этот Алексей из общения пропал.

– Дмитрий, у вас есть дети?

– Да, у меня есть сын.

– Георгий Сергеевич проявлял интерес и к нему?

– Конечно. Когда он приезжал, они могли закрыться в комнате, что-то долго обсуждать и даже спорить. А после его отъезда приходили бандероли с книгами. А обсуждали они политические темы, говорили о Марксе, о Ленине, о Сталине.

– Чем занят сын?

– Он студент, заканчивает лингвистический университет в Минске.

– Согласитесь, ваше общение могло прерваться и вообще заглохнуть.

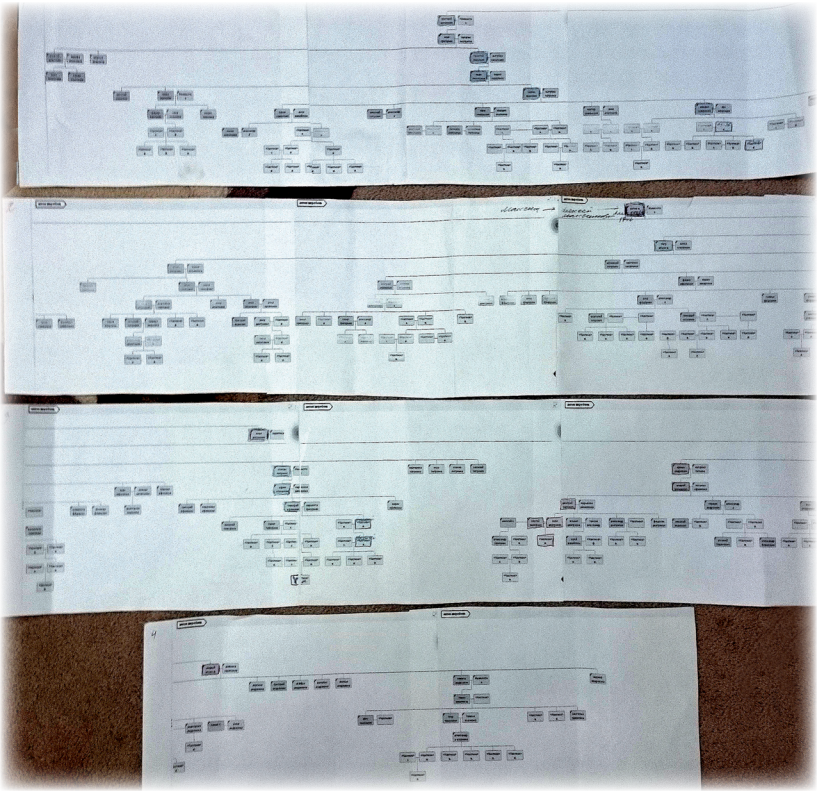
– Нет, мы были настроены на то, что не потеряемся. Нам это было необходимо.

– Необходимо? Зачем?

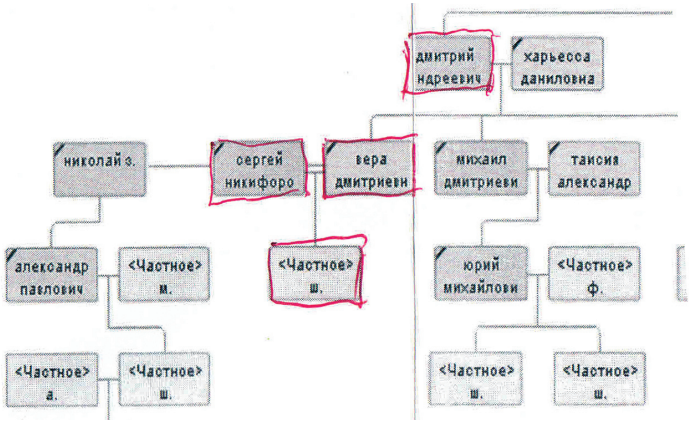
– Как зачем? Он для меня был ориентиром, авторитетом. Я по нему многое в жизни поверял. Когда мы опять стали общаться, то встречались не очень часто, но постоянно были на связи. Тем более что это теперь не сложно.

– Дмитрий, вот он приезжал, у вас, естественно, были беседы, вы выспрашивали друг о друге. Как он о себе рассказывал? Слышались ли в разговоре грустные нотки или он не давал повода для сочувствия?

– Он был оптимистом. Всегда говорил, что у него хватает энергии на то, чтобы не отставать от других. Наобо-



Родословное древо. Общий вид и фрагмент



рот, он опережал многих. Грусть не ощущалась. Он всегда выглядел человеком целеустремленным и успешным.

– Он мог бы вам сказать, допустим, так. На работе у меня все нормально и даже хорошо, работа нравится, меня коллеги уважают. Одно плохо – нет семьи, нет детей, нет наследников. В этом смысле не повезло. Он мог так сказать, но не сказал?

– Эту тему дядя особенно не поднимал. Говорил, что рад тому, что появились родные люди. Он любил к нам приезжать. Сдружился с моей тещей и тестем. И беседовал с ними, и песни пели, и ездили к другим родственникам. С ними он общался больше, чем с моей мамой. Они – люди простые, но это никак не мешало их дружбе. Дядя Гера глубоко влился в нашу семью. Человек активный, он не терялся в компании. На застольях был если не тамадой, то заводатором.

– Кем? Заводатором? Это по-белорусски?

– Да, он заводил компанию, как заводатор.

– А все-таки можно предположить, что если бы у него была семья, то ваши отношения не были бы такими интенсивными.

– Наверное. Семья его отвлекла бы от родственников.

– Скажем так, одиночество и притягивало его к вам.

– Да. Он у нас чувствовал себя как в полноценной семье. А в Челябинске... Работа – работой, а одиночество есть одиночество.

– А что, в самом деле у него были намерения переехать к вам?

– Да, он говорил: вот выйду на пенсию, поработаю еще немного, пока Владик учится, может быть, в чем ему помогу, а потом продам квартиру в Челябинске и купим в Минске. Он приезжал к нам, когда работал уже не проректором, а советником ректора, но выглядел другим, устав-

шим. Я ему предложил выйти на пенсию, но он к тому еще не был готов. Говорил: через год, через два приеду, и тогда будем решать конкретно, что и как. Я уже стал присматриваться к ценам на квартиры. Думали, как поступить с пенсией. Планы на переезд были вполне реальные.

– Вы так думаете? Но нельзя же сказать, что здесь у него ничего не осталось. По крайней мере, здесь остались могилы предков.

– Да, да. При должности он всегда ездил в Златоуст, посещал могилы матери и брата. Приводил их в порядок. Но в последний приезд он сильно сдал, плохо ходил, и если бы остался в Челябинске, я думаю, у него не хватило бы сил ухаживать за собой. Проще было бы ему переехать в Минск, а время от времени посещать Челябинск. А здесь ему было бы плохо.

– Дмитрий, вам никто не говорил, что вы похожи?

– Говорили. Мы с ним похожи на его маму, на бабушку Веру.

– Вы его называли дядя Гера?

– Да.

– Дмитрий, что вас привело в Челябинск в этот раз?

– Я приехал, чтобы посмотреть, в каком состоянии могила. В прошлом году я заказал памятник, весь комплекс на кладбище. Все работы были закончены через месяц после моего отъезда. Профессор Николай Борисович Виноградов присылал мне фотографии, я видел, что все сделано по проекту. Единственно, я боялся за то, что может быть усадка. Я приехал посмотреть, убедиться лично, что все в хорошем состоянии. Мне осталось только перекрасить оградку. Отсюда поеду в Златоуст, к могилам отца, бабушки. Привести их в порядок.

– Может быть, у вас уже не будет дороги на Урал?

– Нет, хотя бы раз в три года буду приезжать. А если будут приглашения, то и чаще. С Георгием Сергеевичем у

меня связано многое. Я многим ему обязан. Он меня поддерживал во всем. Я же фактически вырос без отца. И в моей жизни больше присутствовал дядя Гера, чем отец. Он всегда заботился о нас, заботился обо всем. Несмотря на занятость, все помнил. Мама могла забыть о чем-то, а он каждый раз звонил, выспрашивал, как мой сын одет, как подготовился к школе, чем нужно помочь. И готов был помочь, откликнуться на просьбу и без просьбы. Интересовался всем, до мелочей. Он полноценно жил нашими проблемами.

– Дмитрий, в нашем разговоре есть тема, тонкая и неоднозначная. Не отделаться от мысли, что человек, как бы он ни был увлечен работой, не может ограничить свою жизнь только ею. Не создав семью, Георгий Сергеевич, несомненно, обрекал себя на одиночество, и оно не могло его не угнетать, о чем можно только догадываться. Ему хватило характера, чтобы не показывать людям эту свою личную проблему.

– Я думаю, так оно и было, как вы говорите. Да. Я понимал, что это на него сильно давит. Тем более с годами, когда человеку особенно необходима семья. А он... Иногда даже и домой не уходил, ночевал на диване в кабинете. Видимо, не очень-то и хотелось возвращаться в те стены.

Вполне возможно, что именно сильный и в то же время эмоциональный характер, принципиальность во всем, в том числе и в личной жизни, могли стать причиной того, что он не завел семью. Может быть, достаточно было того, что его предала одна женщина, чтобы принять кардинальное решение и надолго отказаться от мысли о женитьбе. Если в юности и молодости не сложилась семья, то с годами создать ее все труднее. В каком-то возрасте могло создаться впечатление, что жизнь без семьи имеет свои преимущества. По крайней мере, она позволяет все время отдать любимой работе.

Потом, ближе к старости, придет сожаление, но уже ничего не изменить.

Да, он был очень принципиальным, даже и в мелочах, на которые, казалось бы, можно махнуть рукой. За неделю, максимум за десять дней, когда он у нас гостил, мы могли даже серьезно поспорить. Допустим, он мне подсказывает, как готовить блюдо, – не так, как я готовлю. Я его готовлю уже, может быть, в сотый раз, и хорошо знаю, как все делать. А он настаивает: нет, делай так, как я говорю. Или другой случай. Я всю жизнь связан с техникой, автомобили знаю, как свои пять пальцев. Он: у нас в вузе такая машина – и называет марку. Я: вы чуть-чуть перепутали, эта машина называется иначе. Нет, он будет со мной отчаянно спорить и не соглашаться. Потом вернется в Челябинск и звонит: ты был прав. Спорили мы часто. И он всегда до последнего доказывал свою правоту. Я ему привожу факты, а он: нет, ты не понимаешь. И его не сдвинешь с этого места.

– Видимо, и в личной жизни он поступил так же решительно и принципиально.

– Я общался с женщинами, с которыми он работал. Одна из них пошутила: если бы не была замужем, пошла бы за Георгия Сергеевича. Они его любили.

– Дмитрий, я прошу немного сказать о себе.

– Я окончил Белорусский аграрно-технический университет. По специальности инженер-механик. Немного работал по специальности. Но потом перешел в транспорт, в международные перевозки. Так в них и остался. Работал на разных должностях, водителем, механиком, диспетчером, сейчас работаю в Европейской компании водителем. Держит высокий заработок.

– Спасибо. И счастливого пути.

ВСПОМИНАЯ О НЕМ, Я УЛЫБАЮСЬ
Он оставил очень заметный след в вузе

Е.Г. Ульянова, директор
Института доп. творческих
пед. профессий ЮУрГГПУ

– Елена Галимовна, мне известно, что вы много лет сотрудничали со Шкребнем.

– А что вас интересует о Георгии Сергеевиче?

– Меня интересует все. В том и проблема, что надо узнать человека со всех сторон. Я ищу что-то такое, о чем никто еще не сказал. Надеюсь, что вы скажете. А пока, помните ли вы знакомство с Георгием Сергеевичем?

– Помню. На первых порах, кстати, он не произвел на меня сильного впечатления. Но дело не в этом. Я приехала из другого города, из Златоуста, мало что знала о вузе, а тем более об институте, директором которого была назначена. Работать начала с колес. И, конечно, нужен был человек, который подсказал бы, что и как тут все происходит. Ректор Александр Филиппович Аменд познакомил меня с проректорами. Виталия Викторовича Латюшина я знала, а Георгия Сергеевича не знала, увидела в первый раз. Он был в то время одним из главных советников Александра Филипповича именно по тем общеуниверситетским мероприятиям, которыми я начала заниматься. Он помогал нам с самых первых шагов.

Довольно быстро я узнала, что Георгий Сергеевич увлекается пением, поет с юных лет, поет хорошо, и мы стали его привлекать, надеясь на его помощь – помощь

человека творческого. Наш институт, кроме дополнительного образования студентов, занимался и занимается культурно-досуговой деятельностью в вузе, в том числе организацией и проведением университетского фестиваля студенческого творчества «Весна студенческая». Фестиваль мы проводим совместно с факультетами. Георгий Сергеевич очень заинтересованно относился к нашему сотрудничеству, понимал нас, наши проблемы, защищал, как мог. От кого защищал? От проблем жизни. Потому что у студентов бывают разные ситуации. Например, стал вопрос об отчислении студента Димы Крыжского. А он хотел петь в университетском ансамбле. И Георгий Сергеевич сделал все, чтобы оставить его в университете, не потерять талантливого студента. Мы его сохранили, и впоследствии он стал известным оперным певцом.

Георгий Сергеевич активно включился в деятельность нашего института, помогал советами, знакомил с людьми, которые увлекались искусством. А главное, он понимал нас. Люди творческие тонкокожие, они эмоционально реагируют на различные замечания. Важно было иметь такого друга-наставника, который мог успокоить и настроить на дальнейшую работу. Он нас понимал как человек, который имел отношение к искусству. К тому же, Георгий Сергеевич многие годы являлся председателем жюри нашего фестиваля. Мы знали, что он всерьез интересовался классикой, имел хорошую фонотеку оперного искусства и не только, ходил на все премьеры оперного театра. Да, покритиковать он тоже мог, но если поправлял, то очень деликатно.

Георгий Сергеевич здорово поддерживал нас, так сказать, в масштабах города. Городской фестиваль «Весна студенческая» – очень серьезный фестиваль. Он проводится больше двадцати лет. Организует его Управление по делам молодежи города, а там люди почти не

В жюри

менялись. И мы не сомневались в их профессионализме. Но с годами конкуренция между вузами обострялась. Мы хорошо знали своих конкурентов. Это, прежде всего, коллективы ЮУрГУ, которые существуют по 15–20 лет. И в ЧелГУ были такие коллективы. Они делали очень интересные работы. Например, мы всегда восхищались коллективом народного танца ЧелГУ. Сказывалось и то, что с коллективом работали участники ансамбля «Урал». Мы на них все время оглядывались, ждали их премьер. Учились у них. И каждый год встречались на фестивале.

Случилось так, что нас три года подряд «обижали» на городском фестивале. Засуживали. Жюри отдельных конкурсов вело себя как-то неадекватно. Накопилось большое количество несправедливостей и обид. Мы-то бились за первое место среди вузов. И десять лет подряд занимали это место. ЮУрГУ, естественно, тоже хотел побеждать, а мы ему не давали. Борьба обострилась. И в

2005 году возникла ситуация, когда на одном из конкурсов нашему коллективу дали первое место с 29 баллами. Но и коллективу ЮУрГУ дали тоже первое место, но в протоколе у них значились всего 20 баллов. Разница в девять баллов – явная несправедливость. Нас это возмутило. Мы пошли к ректору. Воскресный день. Георгий Сергеевич тоже был на месте. Думали: что делать? И В.В. Латюшин предложил: «Давайте выйдем из фестиваля». Так и решили. И чтобы нас правильно поняли, мы с утра созвали пресс-конференцию, чтобы объяснить свое решение.

Это имело огромный резонанс в городе. Нас пригласили в Министерство образования и науки области. Кто пойдет? Решили: пойду я, как зачинщица, и Георгий Сергеевич. Пошли. Там нам пытались внушить, что мы безобразники, что так себя не ведут, но Георгий Сергеевич очень спокойно, по-деловому и конструктивно привел очевидные факты. И тогда с нами согласились: мы возмущены не без оснований. Но при этом добавили, что зря пошли на такой демарш, надо было прийти в Управление и пожаловаться. Такой вспомнился случай.

– Елена Галимовна, однако Георгий Сергеевич не сразу вас очаровал?

– Георгий Сергеевич иногда выглядел не таким, каким он был на самом деле. Он производил впечатление человека и руководителя отстраненного, держащего подчиненных на расстояния, жесткого. Но в жизни всегда бывают ситуации, которые открывают в человеке настоящее. Когда человек не может притворяться, он такой, какой есть.

– Но ваши контакты в основном и были служебными?

– Конечно. У Георгия Сергеевича, собственно, других контактов и не было. Друзей не больше, чем пальцев на руке. Рафкат Хакимович Мазитов – один из тех, то мог

зайти к нему домой по-приятельски. Вся жизнь Георгия Сергеевича сосредоточилась на службе. Так он построил свою жизнь.

Еще одна потрясающая история – это работа над энциклопедией университета. Мы представления не имели, какой труд он взвалил на себя и на нас всех. Ведь в работу надо было вовлечь весь университет. Нашему институту, например, надо было написать около ста статей. И так – всем факультетам. При всей нашей занятости нам надо выделить время и на это. А сроки, как всегда, сжатые. Откровенно говоря, мы тогда ворчали и обижались на него. Но Георгий Сергеевич методично и педантично требовал от нас выполнения заданий. На каждой планерке он отчитывал тех, кто отставал от графика. Однако потом, когда энциклопедия была напечатана, и мы увидели результат совместной работы, отношение к этой затее изменилось. Мы сами носили энциклопедию, показывали ее в семьях, родным и близким, в этом фолианте мы находили справки по любым вопросам нашего вуза.

– Елена Галимовна, смерть обычно наталкивает на подведение итогов ушедшей жизни. Пока человек жив, пока предполагаются новые события в его жизни, подводить итоги рано. Смерть подводит черту и позволяет оценить судьбу человека.

– Я не возьму на себя смелость подводить итоги жизни Георгия Сергеевича, потому что плохо знаю его как преподавателя, как ученого и не имею полного представления о его личности. Мой взгляд очень субъективный.

Когда я в последние годы смотрела на Георгия Сергеевича, очень боялась его старости. Боялась, что он будет одиноким и немощным, а это никак не вязалось с его нравом. И когда он начал рассказывать о племяннике из Беларуси, я радовалась тому, что нашелся человек, в семью которого он может влиться. Лет пять он жил мыс-

лью о переезде в Белоруссию, а потом вдруг перестал об этом говорить. К тому же стал чаще болеть. А надо сказать, что он не умел любить себя. Да, он в какой-то мере заботился о своем здоровье, но только с той точки зрения, чтобы болезни не мешали работе, не отвлекали от нее. А отдыхать не умел. Мы его много раз приглашали в деревню под Златоустом, но он так и не выбрался. Человек не мог жить без службы.

– Однако одиночество – его выбор. Его сознательный выбор.

– Конечно. Но у меня остается ощущение, что он прожил счастливую жизнь.

– Счастливую?

– Да. Потому что, в самом деле, это был его выбор. То есть, он жил так, как хотел. Одиночество – его выбор. Кому служить, как служить – тоже его выбор. И оказалось, что его служба нужна вузу. Мне кажется, так жить, как прожил жизнь Георгий Сергеевич, – правильно. Если человек хочет так жить, надо так жить. В любом случае, мы не зря сюда пришли, на этот свет. С точки зрения нашего прихода на землю очень важно то, какой от нас остался след. Георгий Сергеевич оставил очень заметный след. Дай Бог всем.

– Не знаю, для того ли мы живем, чтобы след оставить.

– Но в том числе и для этого. След в людях, в добрых делах, в книгах.

Отказаться от личной жизни и все отдать работе?.. Но есть ли такая работа, которая стоит того? Даже такой пример, как работа Майи Плисецкой, не очень убеждает. Но у нее есть какое-то объяснение. Тем более что семья у нее была. И была личная жизнь. Была любовь. Хотя, я думаю, не обходилось и без минут сожаления. Великая Плисецкая – исключение. А правило – другое.

– Нельзя сравнивать высокое искусство с другими сферами жизни. Специфика высокого искусства в том, что по-другому оно невозможно. Оно требует полной самоотдачи, жертвы. А если говорить о людях в образовании... Насколько это оправдано?

– Я все эти годы работы в вузе, помимо всего прочего, занимаюсь проведением «увеселительных» мероприятий, от двадцати до сорока в год. Часть моей жизни тратится на то, чтобы со своими коллегами придумывать, как интересно, красиво, качественно провести в университете праздники. Да, я трачу свою жизнь на это. И что в итоге? Полтора часа действа на сцене. И все. Согласна. В этом случае надо взвешивать, сколько отдать сил организации праздников, чтобы не потерять все остальное.

– Да, конечно, надо взвешивать: что сколько весит и сколько стоит.

– Если вернуться к Георгию Сергеевичу и вузу, то скажу следующее. В вузе есть главные действующие лица, их всегда два-три человека, которые в полном объеме знают всю ситуацию в сфере образования, знают и понимают, насколько все сложно, не только внутри, но и вовне. Эти люди несут на своих плечах всю ответственность. Георгий Сергеевич как проректор был одним из этих людей. Если ты понимаешь, что за твоими плечами вуз, который имеет определенную миссию в Челябинской области, то важно этот вуз сохранять, развивать. Я хочу сказать, что должность ректора и проректора в нашем вузе никогда не была второстепенным делом. Иногда я их сравниваю с солдатами, которые держат оборону. И стоят насмерть. Понимаете? Да, и на карте собственная жизнь. Как печально не звучит это.

– И это нормально?

– Нет, конечно. В образовании так не должно быть. В искусстве – может быть, а в образовании – нет.

На сцене актового зала

– Елена Галимовна, мне нужна консультация. Все говорят, что Шкребень хорошо пел. Он выступал на концертах, ему аккомпанировали.

– Да, он выступал с оркестром «Малахит».

– Но, согласитесь, человек самостоятельно не может овладеть тем, что называется искусством вокала. Он должен где-то у кого-то брать уроки, кто-то с ним должен работать, эти уроки ему давать. Вы про это что-нибудь знаете?

– Георгий Сергеевич рассказывал о том, что у него был замечательный учитель пения. И еще прекрасный учитель начальных классов, Фаина Серафимовна Аблина, с которой я работала в одной школе. А в классе Аблиной много пели. Кроме того, в школе был очень интересный учитель пения. Он организовал хор, в котором пел Георгий Сергеевич. Потом, в вузе, у него не очень получилось с пением. В студенческие годы он серьезно вокалом не занимался, потому что занимался комсомольской работой. И учился серьезно. Но...

У одаренных людей есть особый слух. Первая комната, которую получил Георгий Сергеевич, – рядом с оперным театром. Он часто ходил на оперные премьеры. Он много слушал. Саморазвитием занимался. Есть такая практика. В первый раз художественный руководитель оркестра «Малахит» В.Г. Лебедев пригласил его, когда возникла идея провести концерты «Поют ученые». Тогда Георгий Сергеевич сильно волновался, и просил Лебедева высказаться о его пении, тот дал ему какие-то советы. Потом Лебедев приглашал его еще несколько раз, и уже ничего не корректировал в его пении, уверив певца, что у него все нормально.

Репертуар Георгия Сергеевича был не очень богатым. Хотя он знал много песен, но выступал только с некоторыми из них и с романсами.

После концерта с руководителем ансамбля «Малахит» В. Лебедевым

– Спасибо за консультацию. Наверное, мы завершаем?

– Если еще раз вернуться к выбору Георгия Сергеевича, то, я думаю, его выбор был все-таки правильным. Заметьте, жизнь отказала ему в одиночестве: он так скоропостижно умер. Повторюсь: я боялась его старости. С одной стороны, человек он был гордый и независимый, и не допустил бы какой-то помощи, а с другой стороны, не предпринимать ничего было бы неудобно и немыслимо.

В последние годы Георгий Сергеевич нами уже не занимался, но все равно раз в неделю заходил, мы обсуждали какие-то вопросы, посещал он и наши концерты. После концерта мог подойти и поблагодарить, но мог и мимо пройти – это тоже о чем-то говорило...

– А о чем это говорило?

– Значит, не все понравилось в концерте.

– И это давал понять тем, что проходил мимо?

– Да, проходил мимо. Как-то однажды я зашла к нему пригласить на праздник ко дню Святого Валентина. Я ему сказала, что завтра ждем его, а он: «Я не приду». «Почему?» Он: «Что за праздник придумали, какой Валентин? Он не имеет никакого отношения к университету». Я сначала дернулась: мало ли что он не принимает. Даже обиделась. Но виду не показала. А потом подумала, что Георгий Сергеевич в чем-то прав. Что-то пришло с модой, мы это подхватили. А воспитательного значения это не имело. И мы убрали этот праздник.

Очень жалко, что Георгий Сергеевич ушел. За два года горечь утраты, конечно, смягчилась, и теперь, когда о нем вспоминаю, мне хочется улыбаться. Мало людей, которые вызывают только добрые чувства. Он ушел рано, не случилось того, чего я боялась, – его старческой беспомощности. Но есть такое ощущение, что еще несколько лет жизни ему не хватило.

А ЦЕЛЬ ПРОСТАЯ – КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
Если кратко, этот человек долгие годы был честью и совестью университета

Т.А. Шульгина, начальник отдела управления реализацией образовательных программ

– Татьяна Александровна, человек жил и ушел от нас. Мы смотрим ему вслед и размышляем о нем. Принято говорить, что об ушедших – или хорошо, или никак. Но никак – тоже плохо, никак – значит забыть. Что вы скажете о Шкребне теперь, когда подведена черта под его жизнь?

– Вся его жизнь прошла в нашем вузе. И можно очень коротко охарактеризовать его след в университете: этот человек был честью и совестью университета. Долгие-долгие годы именно на нем держалась честь и совесть вуза. И еще я бы добавила: это был самый трудолюбивый администратор и преподаватель вуза. Люди, которые не способны были хотя бы приблизиться к его трудовому энтузиазму, очень быстро уходили, отсеивались. А те, кто с ним проработали долгие годы, – это люди, которые последовали его трудолюбию.

– Надо бы уточнить, о каком коллективе идет речь.

– Это – учебно-методическое управление. Оно образовалось именно с приходом Георгия Сергеевича на должность проректора по учебной работе. Оно включало несколько отделов. В том числе – учебный отдел. Я была начальником управления. Потом – несколько реорганизаций, последняя – уже без Шкребня, но теперь уже не столь важно то, что было после него.

В свое время он же, Георгий Сергеевич, стал инициатором переименования нашего управления в управление образовательной политики. Он считал, что раз мы занимаемся такими важными делами, как открытие новых специальностей, лицензирование новых направлений подготовки, аккредитация, набор и так далее, то его переименование оправданно.

– Я не очень хорошо знаю, чем вы занимались. Только предполагаю, что ваша работа находилась в тени, не на виду. Это так?

– Нет, это не так. То, чем мы занимались, в вузах называлось учебной частью. А учебная часть никогда не была в тени. Потому что она занималась учебным процессом. А учебный процесс – это учебные планы, учебно-методическое обеспечение, рабочие программы дисциплин, рабочие программы практик, расчет штатов, определение ставок на кафедрах, лицензирование специальностей... Нет, в тени мы не были.

– Надо полагать, это был большой коллектив.

– Да, большой. В нем было шесть отделов, от трех до шести человек в каждом.

– Простите мою непосвященность. Вы говорите «организовать учебный процесс». Для меня учебный процесс – что-то такое эфемерное, которое мало поддается организации. Вообще, когда заходит речь о гуманитарных дисциплинах, я невольно протестую против привнесения в них какого-то расчета. Ведь речь о том, чтобы сначала расчленить, а потом снова выстроить не что-то, а знание, накопленное человечеством. Ведь все споры в образовании к тому и сводятся – чему и как учить. Я уж не говорю об ответственности, которая падает на тех, кто отвечает на эти вопросы. И я не говорю о смелости тех, кто за это берется. Оказывается, ваше управление как раз этим и занято. И я

С коллективом учебно-методического управления

понимаю Георгия Сергеевича, когда он предложил назвать ваше управление управлением образовательной политики. Без политики, без идеологии здесь, в самом деле, не обойтись. Пожалуйста, просветите: как организовать учебный процесс?

– Допустим, мы лицензировали новую специальность. Но лицензия – только начало предстоящей работы. Надо подготовить ее учебное обеспечение. Прежде всего, учебный план. В соответствии с этим планом, идет распределение дисциплин по кафедрам, которые будут отвечать за проведение занятий, после того – расписание занятий по курсам. Дальше – практики. Это тоже определенные сроки, нормативные документы, приказы о выходе на практики и так далее. Это достаточно длительный процесс, который завершается государственной аттестацией, а для ее проведения, надо утвердить в министерстве председателей экзаменаци-

онных комиссий, не наших, а из других вузов. И опять – подготовить расписание, консультации студентов, обзорные лекции...

– Это очень объемная, очень кропотливая, очень детальная и, в то же время, очень системная работа. Я правильно понимаю?

– Да. Георгий Сергеевич как раз и был тем стратегом, который мог выстроить такие глобальные цели, детализировать их на всех этапах. Он сам это все прошел, работая преподавателем, заместителем декана, проректором по заочному обучению... Он прошел все стадии. Долгое время был ответственным секретарем приемной комиссии, а в этой работе главное лицо не ректор, а проректор по учебной работе.

– Это и есть главное, чем занимается проректор по учебной части?

– Да, конечно.

– Наверное, на чем-то он особенно настаивал, что-то настойчиво требовал от вас, чего-то направленно добивался?

– Для Шкребня важнее всего – качество преподавания. Все сводилось к нему. Он добивался того, чтобы у каждого преподавателя был свой, подробно прописанный учебно-методический комплекс дисциплины. Нельзя, чтобы преподаватель в своей лекции рассказывал о том, что знает, а не о том, что нужно знать студентам.

– Значит, на весь учебный процесс необходимо было наложить регламент?

– Да, наложить регламент. Поэтому Шкребень был инициатором разработки многих документов, которые регламентировали работу преподавателя. А нас он настраивал на то, чтобы контролировать все эти регламенты.

В то же время, Георгий Сергеевич всегда приветствовал, поощрял и стимулировал внедрение современных

технологий и методик. Он один из первых в свое время разработал полностью мультимедийный курс своих лекций. То есть все лекции у него были представлены в виде мультимедийных презентаций. Он это сделал первым у себя на факультете. И презентации были очень высокого качества. Он сам владел информационными технологиями и других поощрял в том.

– Подозреваю, что эта работа – бюрократическая?

– В некоторой степени – да. Но бюрократия – не всегда плохо. Когда у человека есть регламент, образец, он будет действовать в правильном направлении.

– Я согласен, что бюрократия – не всегда плохо, но я хочу спросить, когда она заканчивается, когда Шкребень говорил преподавателям: теперь – все, нормы – пройденный этап, теперь вы свободны, теперь – творите. Когда он им это позволял?

– Когда преподаватель овладевал необходимым минимумом, который требовался тем же государственным стандартом. Когда он «проходил» другие обязательные процедуры государственного надзора и контроля в образовании. Тогда – твори.

– Татьяна Александровна, наверное, существовала и процедура измерения и оценки вашей работы. В самом деле, как она оценивалась? Какими поощрениями, наградами, званиями?

– Георгий Сергеевич достаточно высоко оценивал нашу работу. Он всегда говорил, что учебно-методическое управление – это самое главное управление в вузе, что мы занимаемся самым главным делом. И это он неоднократно повторял на всех мероприятиях, со всех трибун. А что касается поощрений – они были. И материальные – тоже. По инициативе Георгия Сергеевича я была награждена знаком «Почетный работник высшего образования». У

меня были и грамоты Министерства образования и науки. И другие поощрения. Обычно они следовали, когда мы завершали какое-то большое дело.

– Значит, поощрял не только Шкребень, но и государство?

– Да, но, как всегда, инициатива исходила от руководителя. Но по поводу поощрения я приведу другой пример. Не секрет, что наше управление воспринималось как орган контрольный и надзорный, хотя оно не ограничивалось только этим. А контроль и надзор никто не любит. И когда пытались провести какие-то консультации и беседы, встречали негативную реакцию. В этих случаях Георгий Сергеевич всегда вставал на нашу сторону. И когда в ответ на наши надзорные функции следовали не совсем обоснованные претензии, Георгий Сергеевич говорил: не надо спорить, что-то доказывать, говорите, что так сказал Шкребень. Если на нас были жалобы ректору, а Георгий Сергеевич считал, что эти жалобы несправедливы, он тоже говорил: не обращайте внимания, я буду разбираться сам. В сложных случаях он всегда брал на себя всю ответственность. Конечно, бывали ситуации, когда мы допускали ошибки, в таких случаях он никогда не пытался их скрыть, но ему всегда доставало мудрости принять правильное решение: кого и как наказать в каждом отдельном случае.

– Судя по всему, он держал вас всегда в напряжении?

– Да. Не могу сказать, что работать с ним было легко и просто. Потому что высокий уровень требований, который он предъявлял себе, распространялся и на весь коллектив. Вообще он человек требовательный. Ко всем. Но когда нужно было получить какую-то личную поддержку, мы это всегда ощущали. Он мог ходатайствовать о том, чтобы сделали какую-то доплату, похлопотать о поощрении, о выделении в общежитии комнаты.

В рабочие будни

– Были любимые работники? И не очень?

– Наверное, да. А у него самого было любимое дело. Это – приемная кампания. И все, кто с ним работал в приемной комиссии, становились его любимыми работниками. Потому что он очень любил этот период, когда мы принимали новых студентов.

– А за что любил?

– За что любил? Наверное, за то, что новые люди дают вузу перспективу. Он глубоко знал требования и подводные камни этой сложной процедуры. Приемная кампания – очень сложная процедура.

– Наверное, ему было интересно отбирать людей в свой вуз.

– Да, я об этом и говорю. Это наше будущее на четыре-пять лет.

– Татьяна Александровна, прошло три года без Шкребня. И что? Что-то сохранилось в вашей работе от него? Или шкребневское потихоньку уходит?

– Нет, многое сохранилось. Сохранилась память о том, как ЭТО делал Георгий Сергеевич. Если что-то не получается, то: Георгий Сергеевич ЭТО делал так, давайте попробуем. Конечно, многое и меняется. Пришли руководители новой формации. Но остается главное – люди, которые с ним работали, и теперь работают ответственно, как прежде. И стараются сохранить прежнее качество работы. Сохранились некоторые традиции, которые ввел Георгий Сергеевич. Например, мы ежегодно проверяем готовность к новому учебному году. И делаем это во многом так же, как при Шкребне. Есть традиции, связанные, может быть, с праздниками. Мне кажется, он любил праздники. На них он часто был душой компании. То ли это празднование Нового года, то ли 8 Марта – он всегда с нами. Мы по-прежнему поем песни, которые он с нами пел. У него была милая традиция: всех женщин к

праздникам одаривал шоколадками. Ходил по отделам и подавал шоколадки, вытаскивая их из карманов. Без внимания не оставлял ни одного человека.

– Татьяна Александровна, главное в Шкребне – работа, это – постулат. Мы с вами поговорили о том, каким работником был Шкребень. И что? На этом мы можем закончить нашу беседу? Тема исчерпана?

– Не хочу ли я чего-то еще добавить? Хочу. Я не все сказала, что знаю. Много было моментов, которые вспоминаются, и это волнует... Какие-то вроде бы мелочи. Я уезжала в отпуск в Чехию. Первый раз – за границу. Он напутствует меня так: вы в Праге посмотрите то и это, и обязательно на Карловом мосту обнаружьте мои следы... И когда я вернулась, спросил-таки, видела ли я его следы. Я, конечно, заверила его, что видела. Еще – к нему можно было придти и, что называется, поплакаться в жилетку. Не ко всякому руководителю пойдешь пожаловаться.

– А вы приходили?

– Да. У меня была конфликтная ситуация с одним из заведующих кафедрой. Я не знала, как эту ситуацию разрулить, потому что каждое мое действие встречало противодействие. Все происходило на глазах моих сотрудников. И я пошла к Георгию Сергеевичу. Он выслушал меня и дал дельный совет: на какое-то время поручать взаимодействие с тем заведующим одному из своих сотрудников. Прошло какое-то время, и наши отношения потеряли остроту. Приятелями мы не стали, но конфликт был исчерпан, ушло то резкое неприятие, которое казалось непреодолимым.

Георгий Сергеевич был надежным руководителем. Его обычные слова: это я беру на себя. И в то же время, его было очень трудно развернуть, переубедить. Разговор в таких ситуациях заканчивался так: делайте так, как я сказал. И все.

– Это – от характера? Или от высокомерия? Не уступать?

– Думаю, от характера.

– Или он был на две головы выше вас?

– Нет, от характера. Когда он ошибался, в конце концов, признавал ошибку.

– Татьяна Александровна, из всего выходит, что Шкребень был ко всем вам внимателен. А вы все к нему?

– Наверное, он был к нам больше внимателен, чем мы к нему. В нашей среде всегда были люди, которые, когда нужно, напоминали о его дне рождения. И мы до сих пор помним день 29 апреля. А что касается его внимательности... Он нуждался во внимании уже тогда, когда ушел с должности проректора. К счастью, ему выделили кабинетик, который находился внутри кабинета нашего отдела. И он всегда был под нашим присмотром.

– А не возникала мысль в чем-то ему помочь?

– Во-первых, от помощи он обычно отказывался. А знаете, какую помощь он принимал? Он жил один, и сам для себя готовил. Много чего умел готовить. Делился с нами своими рецептами. И мы старались отвечать тем же. Скажем, 23 февраля, мы его поздравляем. Плюс к подарку – выпечен пирог. Такой, какой он не пек. Он пробует и потом долго-долго напоминает, что он освоил и этот рецепт. Как-то я привезла из Москвы рецепт сыра с грушей. И он каждый раз сообщал об этом: приготовил ваш сыр с грушей. При этом требовался козий сыр, в то время у нас очень редкий. Сыр я ему возила из Москвы.

Наконец, он очень любил цветы, и мы обязательно дарили ему цветы в горшках с запиской, как ухаживать. Цветы у него росли очень хорошо, они чувствовали, что он их любит.

А НА БЫТ, НА СЕБЯ ВРЕМЕНИ НЕ ОСТАВАЛОСЬ...
От всех он требовал одного: чтобы везде и во всем был порядок

А.А. Иванцов, водитель

– Алексей Анатольевич, начнем с того, как вы познакомились с Георгием Сергеевичем, какие шоферские дороги привели вас к нему.

– Пятнадцать лет назад я стал работать в университете, меня посадили на «Волгу», закрепили меня за ректоратом. С тех пор Георгий Сергеевич распоряжался машиной и, соответственно, мной тоже.

– И какой об был начальник? Удобный, неудобный? Строгий, нестрогий?

– Начальник был хороший. К тем, кто вел себя не совсем правильно, может быть, и строгим был, а со мной – нет. Относился, можно сказать, по-отцовски.

– Куда вам приходилось ездить?

– Ездили по области. С ним начинали ЕГЭ. Пробный ЕГЭ был на базе нашего университета, и мы ездили, внедряли его. Все было четко, по времени, по графику.

– А в Златоуст ездили?

– Ездили. На похороны старшего брата ездили. Потом стали ездить на могилы – матери, брата. Убирали могилы. Памятники заказывали и ставили. Часто не получалось, но раз в год ездили.

– Говорят, что он сильно переживал смерть брата.

– Ну, да. Получилось так, что Георгий Сергеевич после его смерти остался совсем один. Правда, у брата была семья – жена и сын. Они, после развода, уехали в Бело-

руссию. Видимо, они оттуда родом. Дима, племянник Георгия Сергеевича, приезжал на похороны отца, и с тех пор они, дядя и племянник, стали общаться теснее. После этого Георгий Сергеевич стал летать в Белоруссию – на Новый год, на другие праздники. И Дима приезжал сюда, к нему в гости. Тогда мы тоже ездили на кладбище.

– И какие у вас установились отношения?

– Я ему помогал по хозяйству, особенно в последнее время, возил его по магазинам за продуктами, помогал в квартире устанавливать евроокна. Он на работе был очень занят, поэтому на бытовые дела времени не оставалось. Иногда по его просьбе я сам закупал продукты. И, как обычно, воду «Люкс».

– Значит, вы довольно часто бывали у него дома?

– Бывал, да, заходил.

– Обстановка в квартире...

– Простенькая. Скромненькая. Он сам убирал, протирал, пылесосил. Сам готовил. Сам окна мыл.

– А настроение у него – то хорошее, то плохое?

– Не знаю. В отношении ко мне ничего плохого я не замечал. Всегда было нормальное.

– Но мог на работе расстроиться.

– Это да, бывало.

– Вы вместе работали довольно долго?

– Около четырнадцати лет.

– Георгий Сергеевич интересовался вашими семейными проблемами?

– Конечно. Он всегда помогал. Всегда детям моим подарки покупал. И на Новый год, и на 1 сентября. Много книжек нам дарил. Поэтому, я думаю, мои пацаны хорошо учились, много читали. Сейчас оканчивают ЮУрГУ. У меня сыновья-близнецы.

– Георгий Сергеевич заходил к вам домой?

– Заходил в гости. Не так часто, но заходил.

– Алексей Анатольевич, вы чувствовали, что ему не хватает семьи?

– Конечно, ему не хватало семейного, домашнего... Он всегда интересовался и моей мамой, и тестем с тещей. Тестя и тещу он тоже знал. У нас в университете есть агробиостанция, где студенты проходили практику. Тесть там работал трактористом, а теща – в столовой. Георгий Сергеевич туда приезжал. Праздновали день колхозника, день урожая. Песни пели. Весело было. И Георгий Сергеевич пел. Он знал много песен, старых и новых. Дома у него была большая фонотека. После смерти я ее перевез в вуз. Книги его перевезли в библиотеку, а диски я отдал в ДТП, в институт дополнительного образования.

– Георгий Сергеевич хотел переехать к своим родственникам в Белоруссию?

– Да, у Георгия Сергеевича было желание переехать туда. Тут, на пенсии, одному – скучно. А там племянник и внук, другие родственники. Мы с ним ездили, покупали подарки им. Георгий Сергеевич собирался переезжать, но потом засомневался. Говорил: смотри, что творится на Украине, а вдруг и в Белоруссии начнется такое... Не хотел попасть в такую ситуацию. Мы с ним по интернету смотрели стоимость квартир. Там они дешевле. Здесь была небольшая квартира, всего двадцать семь квадратов и кухонька. Он ее ценил только за то, что она близко от университета, в шаговой доступности.

– В пенсионном возрасте начинать заново на новом месте – это тоже непросто. Одно дело, когда приехал в гости с подарками, а другое – насовсем.

– Ему много раз советовали взять путевку, съездить в дом отдыха, отдохнуть там... Но он не любил, когда за ним ухаживают, обслуживают... И не нравилось ему выставлять свои болячки.

– Вы замечали, что с годами в нем происходят какие-то перемены?

– Он был болен. Сахарный диабет, высокое давление. Мать его умерла от аритмии, и он все время говорил, что умрет внезапно, раз и умер. Его сильно подкосил поясничный герпес. Врачи говорили, что причина – ослабленный организм, какой-то вирус. Полгода мучился он с этим герпесом. Вроде вылечил. И вроде стал приходить в себя. И вдруг – перитонит. Самое интересное, что за три месяца до смерти он прошел полную диспансеризацию в городской больнице. Прошел всех врачей, сдал все анализы. Оставалось только взять результат у терапевта. То есть взять заключение. И никто ничего не увидел?!

– А перитонит почему у него?

– Я не знаю... Врачи разговаривают только с родственниками.

– Если, допустим, аппендицит, то от него бывают несколько приступов, а потом боли исчезают. И тогда его можно сильно запустить. Поэтому он мог и не пожаловаться врачам.

– Не знаю. Я его только водил по кабинетам. До кабинета доведу и все.

– А в последний раз как это было?

– Он мне с утра позвонил, сказал, что плохо себя чувствует. Я ему предложил вызвать «скорую». Он был у себя дома, а я – у себя. Через какое-то время звоню ему: «скорую» вызвали? Он говорит: нет. Я поехал к нему, так как, чтобы вызвать, нужен полис, другие документы. Я приехал и вызвал «скорую». Бригада приехала – давай его смотреть. Так посмотрели, так посмотрели, ничего не поймут. Ну, укол поставили...

– Он не сетовал на что-то, а общее состояние было плохое?

– Да. Врач посмотрел-посмотрел, говорит: надо госпитализировать. Я собрал его вещи в сумку, до «скорой» проводил, посадил... Он: «Ну, все, помирать поехал». Я ему: «Что вы, Георгий Сергеевич, сейчас вас подлечат

и все будет хорошо». Его увезли. Через какое-то время мы начали звонить в больницу. Говорят: в операционной. Что случилось? Не говорят. Утром не смогли дозвониться. А к обеду из больницы позвонили и сказали, что умер.

– Алексей Анатольевич, можно предположить, что вас он воспринимал как сына.

– Наверное. Мы всегда находили общий язык. Все было по-доброму. Всегда он мне помогал, всегда ему помогал я.

– Это известно, что он много работал. Но как-то и отдыхал. Может быть, где-то с кем-то праздновал-пировал.

– Да, у него были друзья. Я возил его к Виноградову на день рождения. В Шершнях у него были друзья. Туда я его в пятницу вечером увезу, и он меня отпускал: обратно меня отправят.

– Но вместе с ними вы не оставались?

– Я же водитель, всегда за рулем... На каких-то праздниках бывал, но не выпивал. На его шестидесятилетии был, отмечали недалеко, в «Ребрышковой» на Сони Кривой.

Он пел песни. Любил пошутить. Так-то он был веселым. Мог повеселиться, пообщаться в своем кругу. Так посмотреть – на работе вроде человек серьезный, строгий, а веселье глубоко спрятано...

– Работа со Шкребнем – это памятный период в вашей жизни? И в чем-то он на вас повлиял?

– Конечно. Это от него: всегда должен быть порядок.

– Но мог и поругать?

– Не помню, чтобы он меня ругал. Поспорить – да, мы могли с ним поспорить.

– О чем?

– Он же был коммунист до мозга костей. И оставался им до последнего времени. Состоял в партии. Такой склад ума у человека. Немножко, можно сказать, застарелый. У него свои взгляды были.

– И не совпадали с вашими?

– Мои взгляды, может быть, немного современнее. И да, мы могли поспорить. Конечно, не до ругани, просто каждый высказывал свое мнение, в чем-то соглашались, в чем-то не соглашались.

– Когда вы начали работать, вам было сколько лет?

– Тридцать. А теперь уже сорок пять.

– Алексей Анатольевич, мы обо всем поговорили?

– Вроде обо всем... Он любил моих мальчишек. Они еще маленькие были.

– Их как зовут?

– Дима и Виталий. После первого класса мы в первый раз отправили их в пионерский лагерь «Уральская березка». Они у меня общительные, не скучают, сами себе компания. Но и вокруг себя собирали компании. Мы с Георгием Сергеевичем ездили туда попроведать их. И он всегда подарки привозил.

– Но разговоров на личные темы с вами он не заводил?

– Со мной – нет. От других я слышал, что он говорил, мол, в свое время не сложилось семья, а теперь уже и не надо. Как-то так. Я о нем вспоминаю всегда тепло и с благодарностью.

ОН ВСЕГДА НА ВИДУ, СРЕДИ ЛЮДЕЙ… Он многого достиг, и все – сам

Н.А. Соловьева,
зав. отделом учебных
и производственных практик

– Наталья Александровна, пожалуй, начнем с начала, с той точки, где вы пересеклись с Георгием Сергеевичем.

– Меня пригласили работать в Центральный райком комсомола. Я пришла туда из школы. Третий секретарь уходила в декрет, а я была вожатой, вроде бы неплохой, за мной приехали, посадили за стол и все. Я даже боялась к телефону подойти.

Ну, и меня стали знакомить с секретарями. Заходим в кабинет, и мне говорят: это второй секретарь Георгий Шкребень. Он встал, мы поздоровались. Мне сказали, что я буду заниматься школами. Учащейся молодежью. А Шкребень… Деловой костюм, рубашечка светлая. Симпатичный такой.

Вскоре Георгия забрали в обком комсомола. А я оказалась в новом, только что возникшем Калининском районе. С тех пор мы с ним не сталкивались. Я там проработала три с лишним года. Потом поступила в наш родной педвуз, а он тоже из комсомола ушел, в тот же вуз. И я его увидела уже в институте. Я училась на заочном, а он у нас преподавал. Я у него писала курсовую.

После учебы я осталась в институте. Написала диссертацию, защитилась. Александр Филиппович Аменд пригласил меня на должность руководителя практики, где я проработала двадцать лет. Вот так. Такая у меня судьба.

Я работала десять лет с Амендом и десять лет с Латюшиным. А проректором в это время был Георгий Сергеевич. Что в нем поражало? Да, когда я пришла в институт, мы с ним работали в партбюро историко-педагогического факультета. Дружили, тесно работали. Это один момент. И второй момент – когда он уже работал проректором.

Надо сказать, что Георгий Сергеевич был глубоко порядочным человеком. Человеком, для которого работа была главнее всего, как и для меня в то время. Это было какое-то служение. Он мог сутками работать, находясь в институте с утра до восьми вечера. К нам, своим подчиненным, он относился строго. И в то же время – защищал и не давал в обиду. Были такие моменты, когда нас надо было защищать.

Придя к нему в кабинет, один на один, я ему говорила все, что думала. Говорила правду. Вообще я человек правдивый, за что меня многие не любили. Я любила работу, требовала того и от других. Отдачи. А ему прямо говорила, что меня устраивает и что не устраивает. Он меня выслушивал... Конечно, за эти двадцать лет было все. Но он мне всегда помогал в работе.

Что еще? Он был нежадный. Кто-то у него деньги занимал, он никому не отказывал. Кроме того, он сам прекрасно готовил. К праздникам пек пироги.

А как он любил свой вуз, как его отстаивал? Было много разных проверок, из которых вуз всегда выходил достойно. Вместе с ним мы до ночи сидели, писали всякие справки... Я не знаю, кто еще так был предан работе, как Аменд и Шкребень. Они любили свой вуз и эту любовь передавали нам, коллегам.

Потом я ушла на пенсию. Я член КПРФ, у нас была партийная организация. Мы проводили собрания. Ходили на демонстрации...

Когда он заболел, мы все очень переживали. Настаивали на том, чтобы он обратился к врачу. И я предлагала

Всегда на виду...

отвести его в больницу, к знакомому врачу, но он отказывался. Отнекивался: это пройдет. И в самом деле, ему стало лучше. И вдруг... Он не любил жаловаться, просить. Иногда соберемся – у него диабет, у меня диабет, он: проживу на инсулине, сколько хватит.

Известно, что он собирался переезжать в Белоруссию, но что-то не получилось.

– Как лучше выразиться: вы хорошо знали Шкребня или не очень?

– Как вам сказать? Он у нас всегда был на виду. А как еще его знать? В свое время я приглашала его на свой юбилей. В кафе мы отмечали. Он там выступал, пел. Хорошие слова говорил, как всегда говорят юбилярам.

– А что скажете о его жизни, о его судьбе?

– Судьба... Она как сложится, так и сложится. У кого как. Как сложилась его судьба? Она сложилась в служении, в работе. Я считаю, что его судьба сложилась удачно. Он всего достиг сам.

– Он был счастлив?

– Я этого не знаю. Бывает, что человек имеет все, а не счастлив.

– Он имел все?

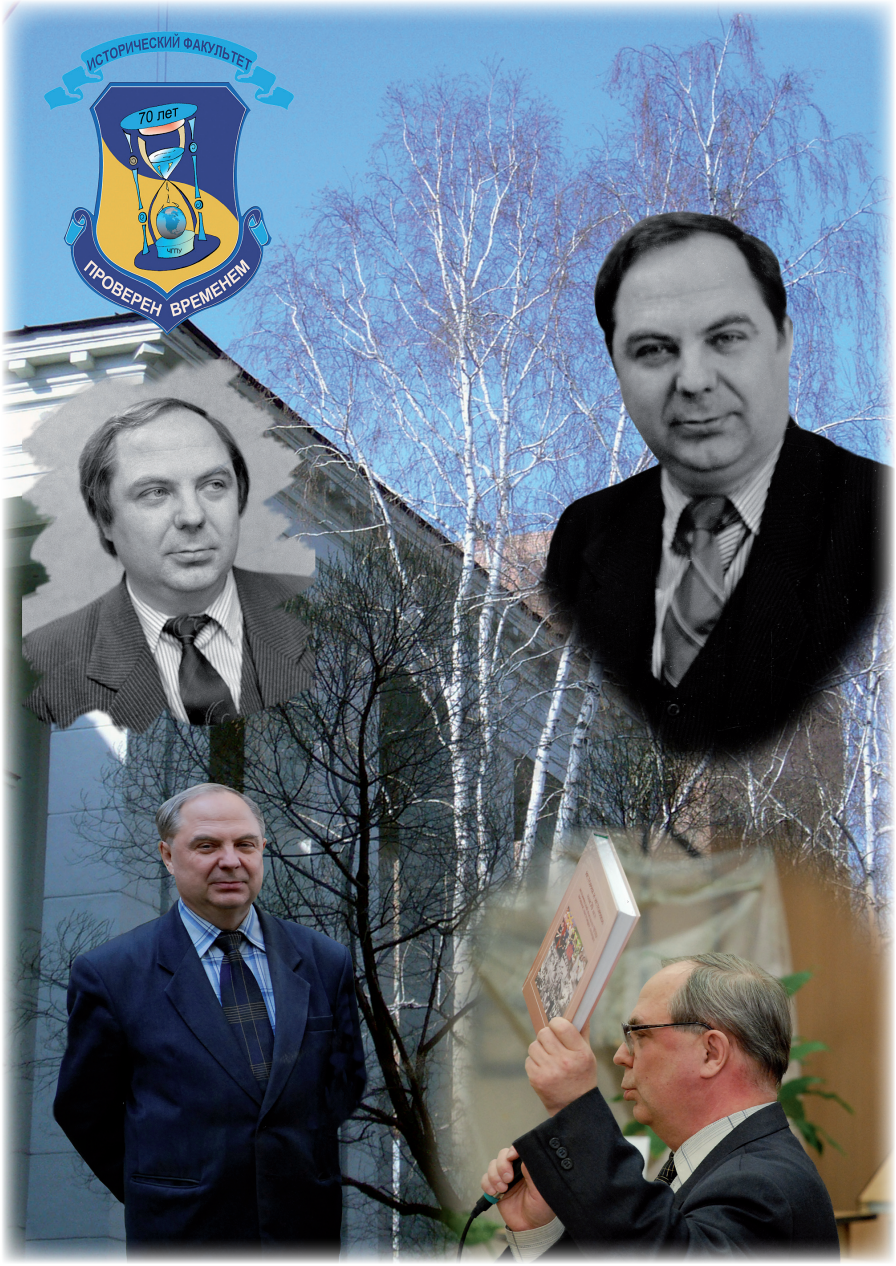
– А что он не имел? Вы имеете в виду, что не имел семью? По крайней мере, по нему мы не видели, что он несчастлив. У нас многие не имеют семей.

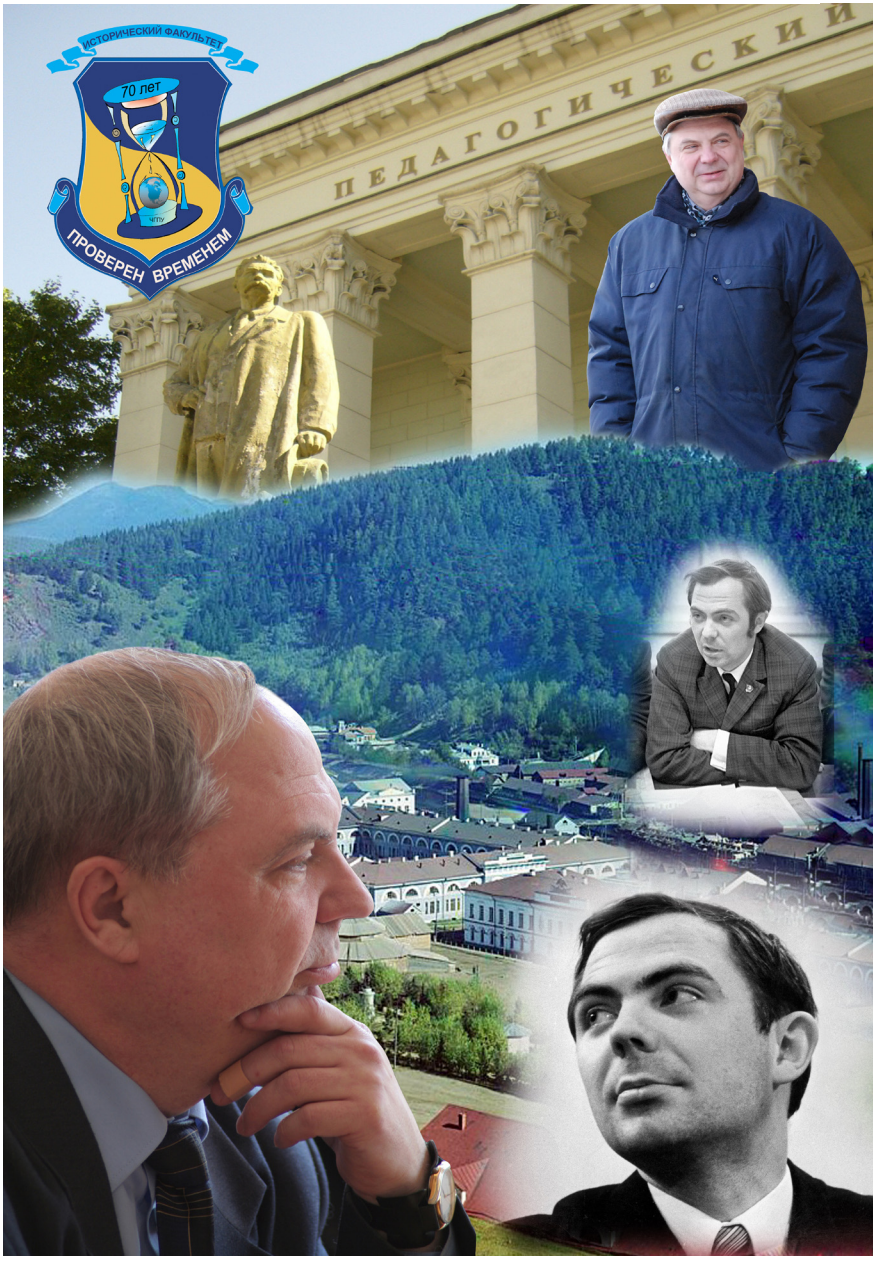
– Он был у всех на виду. Но, может быть, к нему подходит и такое слово, как «одиночество»?

– Не знаю... Он всегда был в окружении людей. С утра до вечера в вузе – какое одиночество? На этой работе люди не чувствуют одиночества. Педагоги постоянно с детьми, с молодежью.

– А вы не допускаете, что Шкребень мог быть счастлив?

– Я думаю, свое счастье он видел в работе. А все остальное... По-моему, это уже не имеет значения. У нас много людей, не создавших семью, но тем не менее успешных. Они писали книги, читали лекции. Это люди, которые в свое время об этом не думали. Тем более что мы из породы последних советских людей, которые были такими патриотами. Так и Шкребень, наверное. Он был счастлив в своей работе.


ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
70 лет
ЧГПУ
ПРОВЕРЕН ВРЕМЕНЕМ


ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
70 лет
ЧГПУ
ПРОВЕРЕН ВРЕМЕНЕМ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

ПРИМИТЕ НАШИ ДОБРЫЕ СЛОВА

ЕДИНСТВЕННЫЙ И НЕПОВТОРИМЫЙ
Речь на 65-летии Г.С. Шкребня

Казалось бы, надо прямо обратиться к «Энциклопедии ЧГПУ», где прослежен трудовой путь Шкребня, но личность Георгия Сергеевича заслуживает особого отношения.

Мальчик из простой рабочей семьи в поселке железнодорожников в Златоусте, с отличием окончивший среднюю школу, сумел сам состояться как личность. Вне зависимости от родителей и протекции благожелателей. В западной традиции таких людей называют “self-made”. Это так. Но в нашем случае должен подчеркнуть: жизненный успех Георгия Сергеевича в значительной степени стал возможен благодаря не только его личным качествам, но и социальному климату в стране тех лет.

Георгий Шкребень с разных сторон знакомился с жизнью: студент, комсомольский работник различных уровней, офицер Советской армии, аспирант одного из ведущих московских вузов, с 1976 года преподаватель кафедры истории СССР, а с 1994 года – работник ректората нашего вуза. Университет стал главным делом его жизни. Он поглотил юбиляра полностью. Он приходит сюда ранним утром и уходит лишь поздно вечером. Можно спорить, плохо это или хорошо. Но три ректора последовательно, на протяжении практически 20 лет поручали Георгию Сергеевичу организацию работы и планирование жизни университета в целом. Сам по себе

факт беспрецедентный. Всем известно пристрастие, с которым, например, Александр Филиппович Аменд отбирал претендентов на кресла в ректорате. Будучи сам убежденным трудоголиком, он увидел в Георгии Сергеевиче родственную натуру и не ошибся. Конечно, это доверие было основано на исключительных возможностях личности самого Георгия Сергеевича. Образец организованности, трудолюбия, с возможностями суперпамяти, он в течение полутора десятилетий не только упорно трудился на общее благо, но и сумел создать вокруг себя коллектив единомышленников. В ректорате он стал первым чиновником, лично освоившим компьютер.

Никто не будет отрицать очевидные факты ведущей роли Георгия Сергеевича в изменении статуса вуза с института на университет. Равно и его роль в многолетней борьбе за самостоятельность нашего ЧГПУ. Необходимость создания обширных пакетов документов, их актуализация, формирования новых моделей организации учебного процесса в условиях перманентных реформ высшего образования в стране, бесчисленные процессы лицензирования, аттестации и аккредитации, пройденные при активном участии Георгия Сергеевича успешно, закономерно вызывали у коллег не только положительные эмоции. Но посмотрим на промежуточный результат. Университет отстоял свое право на самостоятельное развитие.

Если бы мне предложили кратко охарактеризовать Георгия Сергеевича, то я остановился бы на словосочетании «человек со стержнем». Он остался верен своим юношеским идеалам. До сих пор живет в крошечной «однушке» рядом с университетом, куда много лет назад я помогал перевозить его любимые книги. Чиновник от Бога, Георгий Сергеевич не превратился в «сухаря», в механического клерка. Повидав жизнь с разных сторон, Георгий Сергеевич остался человеколюбивым, всегда го-

Чествование юбиляра на торжественном заседании ученого совета

Поздравление вокального ансамбля «Вита»

Концертный номер педотряда

товым прийти на помощь коллегам, оказавшимся в трудной ситуации, помочь и словом и делом. Всем известна его страсть к сольному пению. О многом говорит его обширная фонотека, к которой он регулярно обращается. Шкребень – непременный участник жюри разнообразных студенческих творческих конкурсов и состязаний. Он активно участвовал в издании уникального учебника по истории Челябинска, стал автором крайне престижного школьного учебника по истории Урала.

Не открою большого секрета, если скажу, что Георгий Сергеевич – «ходячая энциклопедия вуза», – способен часами рассказывать о различных персонах и легендах институтской истории. Он стал «мотором» не имеющего аналогов уникального издательского проекта «Энциклопедия ЧГПУ». Это издание на долгие годы обречено стать ценнейшим источником вдохновения для поколений будущих исследователей. Вспомните и энциклопедию «Заслуженные учителя Российской Федерации» – единственную в России, созданную также под руководством Георгия Сергеевича.

Музейный комплекс ЧГПУ – одно из любимых детищ юбиляра. Это не только система музеев внутри университета, это и часть учебного процесса, особый мир с целой серией «Музейных вестников ЧГПУ». Вестники, кстати, уже публикуют не только внутренние материалы, но и сюжеты из периферийных музеев области.

Один из видных краеведов Челябинска Александр Павлович Моисеев считал краеведение одной из знаковых характеристик ЧГПУ. И создание общества краеведов на базе ЧГПУ считал вполне закономерным. Закономерно, видимо, и живое внимание Георгия Сергеевича к краеведческому движению в области.

Н.Б. Виноградов,
доктор ист. наук, профессор

В ОДНОЙ КОМАНДЕ

Спокойный, внушающий доверие взгляд, приятный глубокий тембр голоса, четкое построение фраз... Георгий Сергеевич Шкребень с первой минуты знакомства производил неизгладимое впечатление. Чем чаще с ним общался, находился рядом с ним, тем больше притягивал он к себе, становился более близким, обогащал своими энциклопедическими знаниями, духовным богатством из разных сфер повседневной и научной жизни.

С Георгием Сергеевичем я познакомился, будучи студентом исторического факультета Челябинского государственного педагогического института, где слушал его лекции по отечественной истории. Посещать его лекции было очень интересно: кроме изложения фактического материала в соответствии с требованиями программы, он высказывал свое отношение к обсуждаемой проблеме, аргументированно доказывал правоту своего подхода, тем самым воспитывал у будущих учителей истории критический подход к восприятию и воспроизведению исторического знания. Такой подход к основам предмета свидетельствовал о твердой и принципиальной позиции Георгия Сергеевича. Тогда мы замечали его увлечение историческим краеведением, которое он сохранил до последних дней своей жизни. За творческий подход к обучению, за простоту и одновременно строгость по отношению к студентам, Георгий Сергеевич снискал у нас особое уважение.

Позже, я ближе познакомился с Георгием Сергеевичем будучи заместителем председателя профкома студентов и аспирантов нашего университета. Я был свидетелем того, каким заслуженным авторитетом он пользовался в коллективе преподавателей и студентов. Георгий Сергеевич работал тогда проректором, и его

глубокие знания в области организации учебного процесса, инновационных тенденций в высшем образовании, позволили нам совместно решить многие проблемы нашего университета.

Мое уважение к нему всегда было безграничным. Когда я вошел в команду ректората ЧГПУ, добрые советы и четкие рекомендации Георгия Сергеевича позволили мне избежать многих ошибок и понять, как функционирует живой и сложный организм многотысячного вуза. Мне посчастливилось работать с ним в одной команде, впитывая его высокий профессионализм. Георгий Сергеевич был удивительно прозорлив в оценке последствий любого управленческого решения. Я помню каждый его совет. Меня до сих пор не покинуло ощущение его присутствия, поддержки, товарищеской помощи. Порой я мысленно апеллирую к его авторитету и задаю себе вопрос: а как поступил бы в этой ситуации Георгий Сергеевич? И мысленно всегда получаю ответ...

Хочу особо отметить преданность Георгия Сергеевича родному вузу. Он очень много сил вложил в развитие истории университета и живо интересовался всеми аспектами его жизнедеятельности. Он никогда не отказывал в помощи своим коллегам и студентам, консультировал по актуальным и проблемным вопросам. До самых последних дней Георгий Сергеевич оставался на доверенном ему посту и работал на благо родного университета.

Интересным он был и на отдыхе. Любил песни и талантливо пел сам, активно участвовал во всех общественных мероприятиях коллектива. Георгий Сергеевич любил своих родственников и всегда очень поддерживал семью, он любил ездить к родным на новогодние праздники.

Георгий Сергеевич был не только талантливым управленцем, но и Человеком с большой буквы: общительным, душевным, честным, уважительным, правди-

2007 год. Ректорат на встрече с ветеранами вуза

вым, принципиальным и добрым. Разумный, спокойный, верный своему слову, степенный, гостеприимный, благожелательный, внимательный, высокоинтеллектуальный, он всегда располагал к себе коллег и друзей. Жесткость, принципиальность, мягкость и отходчивость уживались в нем одновременно. Он всегда добивался поставленных целей, разрабатывал стратегии и эффективно внедрял их в систему высшего образования.

Светлая память... Она живет не только во мне, но и в сотнях его учеников и коллег, которых он вывел на светлую дорогу – дорогу знаний, образцового общения, высокой управленческой культуры и истинной интеллигентности, достойной подражания. Светлая память об учителе, друге и наставнике Георгии Сергеевиче всегда жива в наших сердцах.

А.Н. Богачев, первый проректор –
проректор по науке, кандидат пед. наук

ЭРУДИЦИЯ, ТРУДОЛЮБИЕ, ДОБРОТА

Мой трудовой путь пересекся с Георгием Сергеевичем в тот же день что и со всем университетом – 1 ноября 2006 года. Человек, эрудиции которого можно только позавидовать, меня сразу расположил к себе. Всегда приятно общаться с живой энциклопедией. Добрым советом и товарищеской поддержкой он всегда подставлял плечо в трудную минуту. А ведь его советы и помощь ценились дороже золота для молодого проректора. Человек, обладающий такой работоспособностью, не может не быть полезным университету. Георгий Сергеевич оказал самое прямое содействие на выход ЧГПУ не только на региональный, но и на федеральный уровень по ряду показателей. Сотрудничая с несколькими вузами в регионе, я с уверенностью могу сказать, что уровень образования в ЧГПУ один из самых высоких. И это не без участия Георгия Сергеевича.

Георгий Сергеевич Шкребень обладал не только колоссальным опытом административной работы в проректорском корпусе, но и целым комплексом качеств, которые говорят о нем как о всесторонне развитом человеке. То количество песен и стихов, которые были известны ему, может свидетельствовать об этом. Вокальные же данные Георгия Сергеевича известны далеко за стенами университета. Его эрудированность сказывается и на высоком качестве лекционного материала, выдаваемого студентам исторического факультета.

П.Г. Рябчук, кандидат экономич. наук,
проректор по экономике

ОТЛИЧНИК, ПЕВЕЦ, ПРАВИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я знала Геру Шкребня более 40 лет. В сентябре 1967 года я пришла в группу на 2-й курс (первый курс я окончила в г. Южно-Сахалинске). Сначала я никого не знала, кроме Светы Турбановой, с которой познакомилась еще в августе. Когда Света мне показывала и говорила «кто есть кто», то о Гере она сказала, что «это наш отличник, а еще он поет очень хорошо». В том, что он отличник я убедилась на первых же семинарах, всегда готовый ответить на любой вопрос преподавателя, он выделялся не по годам серьезностью и основательностью.

Гера был правильным и этим отличался от многих студентов, но вместе с тем это был живой, интересный парень. Я помню, как он меня приятно удивил, когда я услышала, как он поет. Прекрасный голос, я думаю, что если б он занимался пением, то и в этом бы достиг больших успехов. Я помню, мы с Герой проходили практику в Артеке, в Лесной дружине у знаменитого Е.А. Васильева. Геру очень любили пионеры, и им было за что его любить – всегда веселый, с юмором, внимательный, заботливый. Его ребята часто получали призы.

После окончания института мы постоянно встречались с нашей студенческой группой, и Гера всегда был с нами.

Особенно мы ему благодарны за организацию встречи выпускников в год 30-летия окончания института.

Он работал уже в институте и помог нам договориться с зав. столовой института, где мы и провели встречу. А еще он провел экскурсию по институту. И как заинтересованно он рассказывал о том, каким стал институт через 30 лет. Я поразилась, насколько он знает и любит наш институт.

Я сказала своему мужу Владимиру Дугинцу, что пишу о Гере Шкребне, а он мне говорит, напиши и от меня, что я очень хорошо помню Геру как своего заместителя секретаря комитета комсомола института (1971). Его всегда отличала пунктуальность, организованность и очень серьезное отношение к делу, просто редкая надежность и порядочность в отношении к работе, к людям, с которыми делали одно дело.

Л. (Логошко) Дугинец,
канд. пед. наук рук. службы социально-психологич. поддержки студентов УАГС,

«ВЫБИРАЮ СУДЬБУ ПО СЕБЕ...»

Уже в студенческие годы удивительная ценность его натуры проявлялась в том, что я называю любовью к общественной стезе: он не мог заниматься комсомольскими делами по обязанности – только искренне, с глубоким осознанием важности и необходимости это делать, любое мероприятие не «исполнял», а проживал вместе с товарищами. Лидерские качества Георгия Сергеевича были сопряжены с трудолюбием, умением убеждать, кристальной честностью, прямотой, бескомпромиссностью. Такое сочетание особенностей характера и мировосприятия в молодости встречается только у очень цельных натур.

Г.С. Шкребень – человек редкостного трудолюбия, до последней своей клетки преданный делу, которому служил. Это не просто служение, а глубокая и деятельная

любовь. Он уже в зрелом возрасте наивно и трогательно полагал, что так работать и «чувствовать родной вуз в себе» должны все, кто в нем работает. А если вдруг видел, что это не так, огорчался, сердился, тяжело переживал, не мог понять, почему же так происходит... Меня, всегда умиляла эта его особенность: на все «сто», одинаково хорошо даже самый идеальный коллектив не работает. Но какова же «себестоимость» такого непреходящего желания «построить здание лучшим», если на протяжении всей своей жизни человек искренне верил, что такое достижимо, и работал, работал, шел вперед...

Георгий Сергеевич на протяжении многих лет трогательно заботился о своих постаревших преподавателях, ветеранах. Я не помню ни одного случая, чтобы он кого-то не проводил в последний путь, не выступив при этом и не оказав всю требующуюся помощь. Не склонный к демонстрации и саморекламе, он все делал продуманно, в полном объеме, как-то незаметно, но людям помогал всегда.

А.П. Чередниченко, кандидат фил. наук,
декан филологич. факультета

ЗАОЧНИКИ И ДРУГИЕ

Георгий Сергеевич Шкребень личность в ЧГПУ известная. Первого проректора знали все, однако он не всегда был организатором учебной работы в вузе. Все когда-то и с чего-то начинают, кем-то становятся, а вот кем и каким ты будешь во многом зависит от самого человека.

В 1976 году кафедра истории СССР (ныне кафедра Отечественной истории и МПИ) пригласила Г.С. Шкребня на должность ассистента. Тогда и началось наше знакомство. Приглашение не было случайным. Его знали со студенческих лет как человека трудолюбивого, имеющего отличную теоретическую подготовку и хорошие организаторские способности. Значительную часть своей учебной нагрузки на первых порах он выполнял на рабфаке, готовил слушателей подготовительного отделения к экзамену по истории СССР. Был куратором группы историков. Молодой, общительный преподаватель, умеющий найти общий язык с молодежью, быстро завоевал расположение и авторитет у рабфаковцев. Все они успешно выдержали экзамен и стали студентами историко-педагогического факультета. Это было в 1977 году. При формировании групп первокурсников перед деканатом встал вопрос, что делать с рабфаковцами, влившимися в ряды студентов: сохранить группу рабфака в полном составе или рассредоточить по разным группам. Георгий Сергеевич ратовал за сохранение группы, мотивируя свою позицию тем, что там уже сложился коллектив. После долгих сомнений и колебаний деканат принял решение оставить эту группу (человек 16–18), дополнив студентами, поступившими в вуз со школьной скамьи. Куратором группы был назначен Г.С. Шкребень.

Группа, доставшаяся Георгию Сергеевичу, была сложной, не однородной по составу. Она включала вчерашних школьников со своими интересами и приоритетами и взрослых рабфаковцев, отслуживших в рядах Советской Армии или заработавших производственный стаж, имеющих определенный жизненный опыт, сложившиеся взгляды на жизнь и стиль поведения. Предстояла большая работа по сплочению группы, созданию

единого студенческого коллектива. Требовалось уравновесить интересы вокруг общего дела, помочь адаптироваться на факультете и усвоить его традиции. Молодой куратор уделял много внимания и времени своим подопечным, вникал в их проблемы, помогал там, где это было необходимо, хорошо знал каждого. Между студентами и куратором сложились теплые, доверительные отношения. В те годы куратор закреплялся за студенческой группой на все пять лет обучения. Однако обстоятельства сложились так, что на втором курсе группа лишилась своего любимого куратора. Г.С. Шкребень был призван в ряды вооруженных сил. Когда он вернулся в институт, его студенты уже стали четверокурсниками. В декабре 1980 года он был назначен заместителем декана историко-педагогического факультета, но по-прежнему уделял много внимания своим питомцам. Теперь перед ним стояла задача подготовить их к предстоящему государственному распределению.

В 1980-х годах государственное распределение на места будущей работы было обязательным для всех студентов, оканчивающих вузы. Свободное трудоустройство получали единицы в силу особых причин, предусмотренных законом. Распределение было не только обязательным, но и Всесоюзным. Выпускники вузов направлялись туда, где они были нужны. В 1982 году потребовались учителя истории и организаторы воспитательной работы в Тувинской АССР. Предстояло убедить выпускников истпеда в необходимости работы в Туве. Эту сверхсложную задачу решил Георгий Сергеевич. Не знаю, каким образом, но он получил согласие нескольких девушек, в свое время прошедших через рабфак (их было 5 или 6 человек), поехать на работу за тридевять земель от родных мест в республику, расположенную на юге Сибири по гра-

нице с Монголией. Это была его первая большая победа на педагогическом поприще. И куратор, и его студенческая группа с честью выдержали свой главный экзамен. Плоды работы куратора со всей полнотой проявились именно на государственном распределении и при явке выпускников на работу. То и другое было как бы лакмусовой бумажкой, которая позволяла объективно оценить труд наставника.

После окончания службы в рядах Советской Армии началась новая страница в трудовой биографии Г.С. Шкребня. Он был назначен заместителем декана историко-педагогического факультета и находился в этой должности вплоть до отъезда в Москву, в очную аспирантуру МГПИ им. В.И. Ленина, ныне МПГУ (октябрь 1983). С этого момента и началось растянувшееся на многие годы, его продвижение по административной лестнице. Первый шаг был сделан. Выдвигая Георгия Сергеевича на эту должность, деканат и партийная организация факультета сумели по достоинству оценить деловые качества молодого перспективного работника. И не ошиблись. Не могу сказать, что он рвался на эту должность, однако и не отказывался, веря в свои силы и возможности. Думаю, что ему было интересно применить свои знания, опыт, накопленные к этому времени, в новом для него деле – в роли организатора учебного процесса. Началась наша совместная работа в деканате.

Георгий Сергеевич удивительно быстро освоился на новом месте. Отвечая за работу заочного отделения, в кратчайшие сроки прочувствовал специфику этой работы. Времени на раскачку у него не было. Он приступил к обязанностям заместителя декана в декабре, а 2 января начиналась зимняя учебно-экзаменационная сессия на ОЗО, когда в институт съезжались все студенты-

заочники (было много иногородних). На него сразу же навалилось множество дел, которые требовали незамедлительного решения. Предстояло в сжатые сроки не только разобраться с учебными планами ОЗО (заочное отделение одновременно работало по нескольким планам) и составить расписание занятий, зачетов и экзаменов, согласовав со всеми преподавателями, но и решить несколько специфических проблем. Одна из них – проблема аудиторного фонда: лекции и частично семинарские занятия проводились в здании института, зачеты и экзамены в помещениях, арендованных у школ. Надо было согласовать эти вопросы с диспетчером института и администрацией школ. Еще одна сложная проблема – обеспечение на время сессии жильем иногородних студентов, которая решалась при непосредственном участии заместителя декана.

Заочное отделение в те годы было большим, число студентов приближалось к числу обучающихся на дневном отделении, составляло примерно 350 человек. Контингент очень пестрый: здесь и учителя, в том числе истории, не имеющие высшего образования, и учителя других специальностей, получающие второе высшее образование, и преподаватели ПТУ, и воспитатели детских садов, и военнослужащие, стремившиеся получить гражданскую специальность. Студентов, не связанных с учительской или воспитательной деятельностью, практически не было. Все они взрослые работающие люди, нередко обремененные семьями и житейскими проблемами. Надо было найти с ними общий язык, так выстроить отношения, чтобы поддержать каждого и помочь дойти до диплома. Георгию Сергеевичу это удалось. Будучи человеком общительным, обаятельным, он быстро установил контакт между студентами-заочниками и работниками

Деканы истфака. Старшее поколение и молодая смена

ОЗО института. Осваивал новое для себя дело с интересом, работал неформально, с огоньком, можно сказать, с азартом, умело находил нужные решения в сложных ситуациях, возникающих на ОЗО. К своим обязанностям относился ответственно, с полной самоотдачей. Действовал самостоятельно. Я как декан в дела заочного отделения практически не вмешивалась, потому что была полная уверенность в том, что оно в надежных руках.

Однако Георгий Сергеевич не был бы Георгием Сергеевичем, если бы, заняв пост заместителя декана, ограничил сферу своей ответственности только заоч-

ным отделением. Он сразу же взвалил на себя все хозяйственные хлопоты: оформление аудиторий, создание студенческого стройотряда для участия в ремонте института и т.д., включился в воспитательный процесс на дневном отделении. В силу свой активной жизненной позиции он не мог стоять в стороне от факультетских дел, поэтому оказался в центре общественной жизни истпеда. Не ждал, когда его о чем-то попросят, сам подключался к любому делу: будь то организация выезда преподавателей и студентов на уборку картофеля в Калуго-Соловьевку или подготовка к массовому факультетскому мероприятию, расчистка снежных заносов у здания института или проведение демонстрации в майские и ноябрьские праздники и пр. Всем, кто работал и учился в начале 80-х годов, памятны песни и романсы в исполнении Георгия Сергеевича.

Г.С. Шкребень вступил на путь управленческой деятельности в перестроечное время. Его появление в деканате внесло свежую струю в работу, дало новый импульс в развитии истпеда. Пришел человек, не обремененный консервативными взглядами на организацию учебно-воспитательного процесса, чуждый всяческих штампов, легко откликавшийся на перемены. Сегодня я бы сказала, он стал носителем прогрессивных идей на факультете, хотя время, когда он станет неформальным лидером, еще не пришло. Отъезд в аспирантуру в октябре 1983 года прервет его административную деятельность. К работе в деканате он вернется только через пять лет, в разгар перестройки.

Л.К. Матюхина, канд. ист. наук,
декан ист.-пед. факультета
в 1979–1984 гг.

А ПО СУТИ – ДОБРЫЙ И ОТЗЫВЧИВЫЙ...

Георгий Сергеевич Шкребень – человек-легенда. Он вспоминается мне молодым, энергичным преподавателем, который никогда не оставался равнодушным к студентам: их учебе, жизни в общежитии, работе в пионерском лагере и даже к тому, о чем они общаются на переменах. Часто можно было встретить Георгия Сергеевича, стоявшего в толпе студентов возле расписания и бурно беседовавшего с ними. В те далекие годы я работала в библиотеке, а он был частым гостем нашего первого абонемента и главного читального зала. Он всегда интересовался, достаточно ли книг по его дисциплине и все ли студенты обеспечены нужной литературой. А как он пел на студенческих вечерах и, будучи заместителем декана исторического факультета, всегда присутствовал на всех мероприятиях. Мне лично не посчастливилось быть его студенткой, но, по рассказам сокурсниц, в него была влюблена большая часть женской половины факультета.

Георгий Сергеевич на первый взгляд кажется очень требовательным, но по сути своей он очень отзывчив, порядочен, честен с собой и с другими. Когда узнаешь его поближе, понимаешь, что нет на свете человека добрее: он помнит даты рождения своих друзей и родственников, сердечно относится к ветеранам, всегда спасает студентов из сложных ситуаций, душой болеет за дело вуза, никогда не ссылается, на то, что он устал или ему некогда.

Проработав в университете много лет, я видела, как за это время изменялся Георгий Сергеевич, как рос профессионально: преподаватель кафедры отечественной истории, заместитель декана, проректор по заочному обучению, проректор по учебной работе. Мне повезло: по роду деятельности с Георгием Сергеевичем мне при-

ходилось контактировать очень часто. Работать с ним – сплошное удовольствие. Проверит и подскажет, что не так в документации, объяснит, что не понимаешь – подскажет, поддержит в любой ситуации, а главное – никогда не забывает сказать «спасибо» за работу, и это очень ценно в человеке.

Мы любили Георгия Сергеевича за тепло, которого хватало на нас всех, за ту уверенность в себе, которую он в нас развивал. Мы любили его не как педагога и руководителя, а как человека, которого уважали, у которого учились жить. Мы просто ценили Георгия Сергеевича, и никогда его не забудем!

Р.Ф. Ковтун, кандидат пед. наук, вед. специалист отдела УРОП

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Как у большого ценителя книги издательская деятельность всегда вызывала у Георгия Сергеевича уважение и неподдельный интерес. Казалось, административный пост мог позволить ему ограничиться приказом, не вникая в тонкости редакционно-издательского процесса и полиграфического производства, но как максималиста и талантливого руководителя его отличал системный подход – стремление во всем дойти до сути вещей для пользы общего дела. Такое отношение всегда располагает, и Георгий Сергеевич сразу завоевал уважение среди моих коллег.

Для меня он один из самых плодовитых авторов, наделенных уникальной эрудицией и неимоверным

трудолюбием, аккуратностью и внимательностью до скрупулезности.

Как организатора его отличало тонкое интуитивное умение быстро и безошибочно уловить потенциальные возможности каждого, грамотно распределить роли, создать команду и доверить максимальную ответственность и творческую свободу в порученном деле, лишь при необходимости направляя мудрым советом или вовремя сказанным словом. Такое доверие вызывает не просто стремление его оправдать, но и способствует приобретению личного опыта, воспитывает в университете собственные необходимые опытные кадры руководителей и специалистов. Георгий Сергеевич умел зажечь своим энтузиазмом, невероятной работоспособностью и основательным подходом к делу, поэтому к чему бы он ни стремился – результат был очевиден.

Несомненно, все это позволило справиться вузу со сложнейшими ситуациями и ответственными задачами, что касается близкой мне профессиональной сферы, например, выпустить книги: «Челябинский государственный педагогический университет», два издания; «История и историки: нам – 70 лет! Исторический факультет: прошлое настоящее, будущее»; «Кафедра истории Отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет», «ЛГПИ в годы войны. Кыштымский период», «Челябинск. История моего города», книги серии «Имя в истории ЧГПУ», «Ведущие ученые», «История и историки», «Известные выпускники», почти 40 выпусков «Музейного вестника» и 20 – краеведческого и др. Благодаря Георгию Сергеевичу вышли в свет две вузовские энциклопедии «Челябинский государственный педагогический университет» и «Заслуженные учителя школы РСФСР и РФ по Челябинской области», обе они и сейчас не имеют аналогов в том плане, что выпуще-

С только что выпущенной энциклопедией

ны собственными силами вуза, не прибегая к помощи городских издателей, и в этом тоже его заслуга. Наш университет оказался первым в России, выпустившим собственную энциклопедию!

С Георгием Сергеевичем было приятно и интересно работать. Помню его доверие, благодарность, уважение к труду над книгой, умение слушать, мгновенно принимать единственно точное и так необходимое решение, способность блестяще выстроить не только текущую издательскую работу, но и обеспечить то, что касалось дальнейшего полиграфического исполнения. Его интересовала и терминология издательского дела, и технология тиражирования, поэтому с ним было легко общаться по любым профессиональным вопросам.

Много книг выполнено вместе, за двадцать лет моей работы мы понимали друг друга с полуслова. Помню, когда начали делать энциклопедию, как искренно радовался он ее первым страницам, как приветливо встречал меня с каждым новым алфавитным разделом от «А» до «Я» в любое рабочее, а часто и внерабочее время, казалось, мы жили в вузе! Георгий Сергеевич всегда готов был выслушать и ответить на любой вопрос, касающийся фактического содержания, словно живая энциклопедия воплощалась на бумаге, все авторские статьи унифицировались, «приводились к общему знаменателю». Над созданием макета издания мы работали день за днем, около десяти месяцев, хотелось выпустить книгу к 75-летнему юбилею вуза, отслеживали даже на стадии полиграфического исполнения в ПО «Книга».

Интересно, что еще до знакомства с Георгием Сергеевичем судьба уготовила мне почти пятнадцатилетнюю службу в Южно-Уральском книжном издательстве с его земляками и добрыми друзьями – Владимиром Алексеевичем Черноземцевым и Александром Павло-

2009 год. На презентации «Энциклопедии ЧГПУ»

вичем Моисеевым. Очевидно, всё в мире не случайно. Я с сердечным уважением могу вспомнить, сколько общего было в этих удивительных людях: огромные эрудиция, мудрость, трудолюбие, целеустремленость, доброжелательность, организаторский и наставнический талант. Всем троим мы обязаны появлением одной за другой городской, областной и вузовской энциклопедий в Челябинске. Нашему университету посчастливилось, что в нём трудился один из них, посвятил ему много славных дел, в том числе и создание такой книги.

Презентация энциклопедии состоялась в сентябре 2009 года, это был настоящий праздник, достойно предваряющий череду юбилейных мероприятий. В актовом зале собрались ветераны, преподаватели, сотрудники, студенты, выпускники и гости вуза. До мельчайших деталей нами была изложена вся история создания книги, а ключевые моменты продемонстрированы на экране.

Первыми энциклопедию вручили тем, кто непосредственно причастен к ее выпуску в свет, ветеранам и почетным гостям, но какой шквал аплодисментов был сорван, когда в итоге увесистая книга была вручена всем присутствующим на празднике! Ни один человек не ушёл без энциклопедии, благо двухтысячный тираж вполне позволил сделать такой широкий праздничный жест: зал, рассчитанный на 400 мест, был полон. Каждый получил в подарок так бережно и кропотливо сообща собранную по крупицам в единый том всю историю родного университета.

В заключение Георгию Сергеевичу торжественно была вручена Серебряная медаль В. Даля и диплом Российской академии Энциклопедических наук.

О.Э. Карпенко,
редактор издательства,
чл. СЖ России

ПРОРЕКТОР, РЕАЛЬНЫЙ И ВИРТУАЛЬНЫЙ

«Шкребень» – значит «Георгий Сергеевич», а «Георгий Сергеевич» – значит «Челябинский государственный педагогический университет». Такой ассоциативный ряд – результат клика по ключевому слову в популярной поисковой системе yandex.ru. Здесь имя Георгия Сергеевича – фаворит top-двадцатке: работы его и о нем, а пресс-портрет (результат упоминаний в средствах массовой информации Челябинской области за последние 8 лет) проректора по учебной работе ЧГПУ – единственный на этом сайте.

Кандидат исторических наук, доцент, Георгий Сергеевич Шкребень – один из первых в университете, кто мобильно вписался в информационное общество. От изучения прошлого человечества Георгий Сергеевич перешел к созданию педагогической реальности и виртуальности. Педагоги-психологи, педагоги профессионального обучения (экономисты, информатики, дизайнеры), социальные работники, менеджеры, учителя начальных классов: вчерашние школьники не стали бы студентами Миасского филиала ЧГПУ, а города горнозаводской зоны не обрели бы конкурентоспособных специалистов, если бы не помощь Г.С. Шкребня при подготовке к лицензированию образовательных программ.

Заглянуть в окно виртуального мира университета оказалось возможным в 1999 году, когда было зарегистрировано доменное имя – запущен официальный сайт ЧГПУ. «Умеряю, сдерживаю»: сетевое общество расширило полномочия второго лица Челябинского педагогического. Георгий Сергеевич Шкребень стал модератором (от лат. *moderor* – умеряю, сдерживаю) новостей

интернет-страницы ЧГПУ. «Источник: ректорат», – фотография Г.С. Шкребня стала настоящим брэндом высшего руководства университета: главные новости на сайте опубликованы от имени первого проректора. Кроме того, у студентов педагогического университета появилась уникальная возможность получить ответ из «первых рук». Для мгновенно летящего виртуального письма 120 реальных километров (отделяющих г. Миасс от областного центра) – не расстояние: не выезжая из родного города, будущие педагоги, обучающиеся в филиале ЧГПУ, обращались к ПРО(фессионалу)ректору. Сейчас уже для многих интернет-пользователей не секрет, что за банером «Задать вопрос ректорату» скрыт проректор по учебной работе. А некоторые продвинутые птенцы alma mater даже обращались к модератору напрямую: «Уважаемый Георгий Сергеевич!..». Они уже вписались в е-цивилизацию, они хотят быть услышанными и им нужен «мощный усилитель».

Диалог студентов и Г.С. Шкребня на www.cspu.ru:

– Будет ли в стране дефолт?

– Задайте вопрос В.В. Путину. Он спец в этих вопросах.

– А когда нас будут бесплатно кормить в столовой?

– При коммунизме.

– Почему в 22 часа выгоняют из холла общежития? Особенно грустно молодым парам, которые пообщаться могут только вечером.

– Чем больше препятствий, тем сильнее любовь!

Ф.Х. Хабибуллин, кандидат пед. наук,
директор филиала в г. Миассе,
О.Э. Иванова, доктор филос. наук,
зав. кафедрой общегуманит.
соц.-экономич. дисциплин

ПИСЬМА

Эти три письма Г.С. Шкребня сохранила Наталья Семеновна Гуськова. Нет в них какой-то неизвестной информации или особых откровений. Но эти письма, в клеточку, пожелтевшие от времени листки, – документы, которые исходят непосредственно от Георгия Сергеевича. Они, как говорят в таких случаях, хранят тепло его рук. В них он узнаваем во всех подробностях, вплоть до хлопот о стекле для кабинета, до почерка, до орфографии и пунктуации.

*Комментарии к письмам – Н.С. Гуськовой.

Письмо первое

«Я думаю, вы ценная
находка для кафедры»...

Здравствуйте, Наталья Семеновна!

Спасибо за поздравление с праздником. Только сейчас стало немного посвободнее. Сдал экзамен (на 4). Прошел практику (на 5). Сейчас вплотную занимаюсь своей темой.

Я тут краем уха услышал о переменах в Вашей работе. Должен сказать, что хотя наши расчеты были в недалеком будущем перевести Вас на нашу кафедру, но, как видите, Лисовский оказался, как всегда, дальновиднее. Тем не менее, несмотря на неисполнение наших надежд, я рад за Вас и поздравляю.

Если не трудно и есть время, обрисуйте Ваши задачи и ближайшие перспективы (что не сумели и что выйдет реально). Теперь надо всеми силами Вас пристегивать работать на факультете. В общем, поздравляю Вас. Теперь я надеюсь, что это твердо и навсегда. Кого вместо себя оставляете или кого подыскали на свое место?

Для кафедры истории КПСС, я думаю, Вы ценная находка. Лисовский, наверное, не раздумывая, остановится на Вашей кандидатуре. Еще раз поздравляю и желаю творческих успехов в работе, науке и во все остальном.

До свидания. Г. Шкребень

Письмо второе

«Мы бы весь факультет преобразили»...

Здравствуйте, Наталья Семеновна!

Весьма благодарен за Ваше письмо. Горжусь Вашими успехами в деле учебно-методического обеспечения учебного процесса. Жалею, что не вовремя уехал. Мы бы весь факультет преобразили. Все бы поставили на свои места. Сожалею, что кроме меня заинтересованных в этом лиц нет. Мое твердое убеждение, что без всего этого обеспечения наши преподаватели, как бы они не хотели этого, простые ремесленники. Потому что в наше время уже не достаточно только устной речи. Нужны средства, обогащающие ее, разнообразящие. К сожалению, сила привычки сохраняется так же естественно в наше время, как и у первобытных людей. Это, конечно, юмор. Правда, горький.

Закрыли оформление в кабинете стеклом? По-моему, Вы мне писали, что Аменд выделил стекло для кабинета. Сделал ли что-нибудь Меньшенин в лаборантской в 222 ауд. Или все так же там по-старому. Кстати, эти рейки, которые там лежали, живы еще. Боюсь, как бы Аменд до них руки не дотянул.

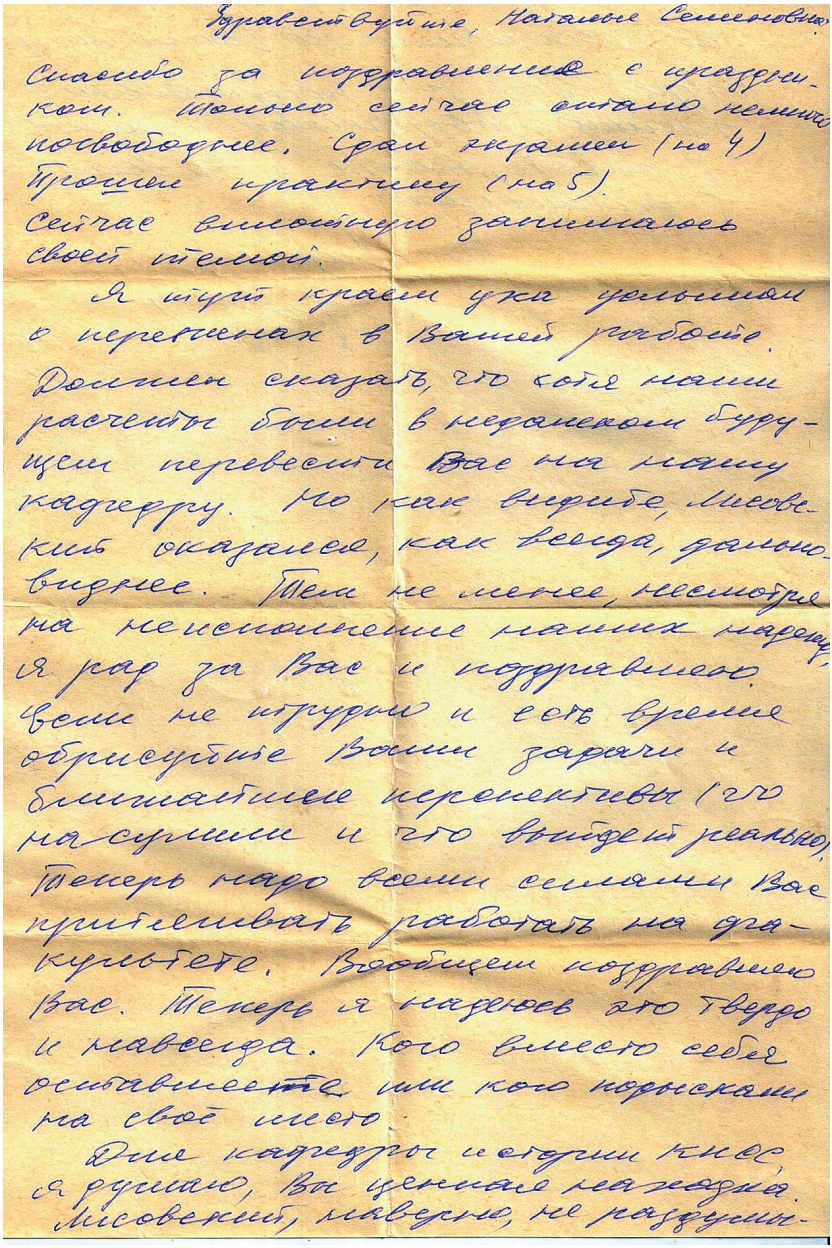
В общем, как видите, я чрезвычайно любопытен. Это немного отвлекает от учебы, от суеты, от пыльных книг и както разнообразит аспирантскую жизнь.

С кабинетом археологии жаль, конечно. Но здесь, мне кажется, все-таки запевалой должен стать Виноградов. Может, защитится, так к этому проявит более активный интерес.

Еще раз спасибо за письмо, что не забываете.

До свидания.

Г. Шкребень

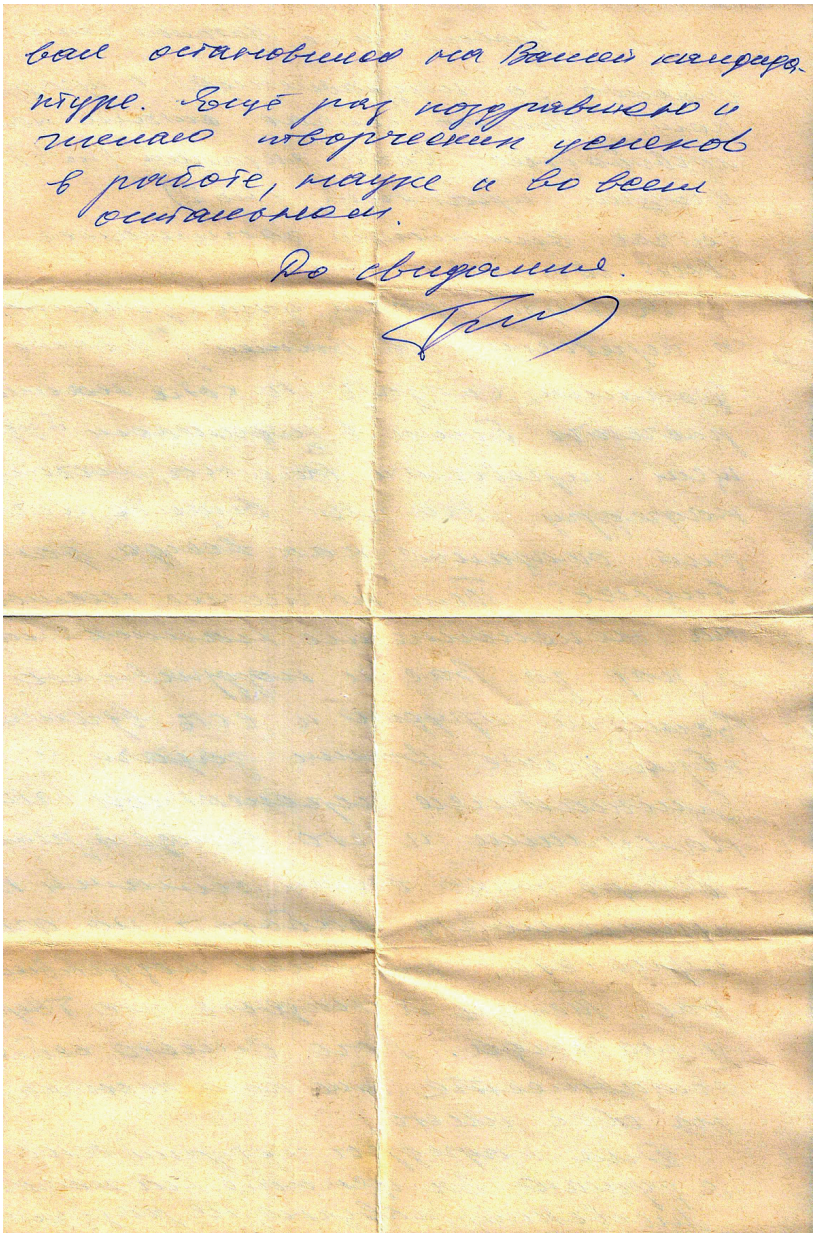


Здравствуйте, Наталья Семеновна.

Спасибо за поздравление с праздником. Только сейчас стало немного посвободнее. Сдал экзамен (на 4) Прошел практику (на 5).
Сейчас вплотную занимаюсь своей темой.

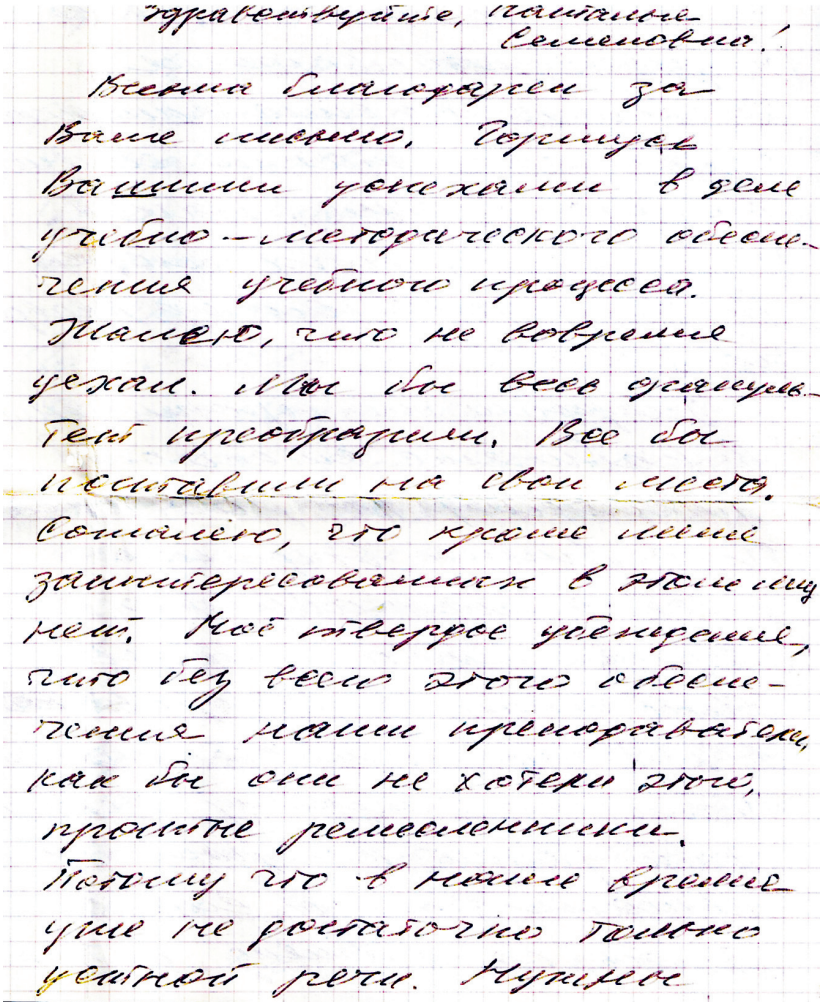
Я тут краем уха услышал о переменах в Вашей работе. Должен сказать, что хотя наши расчеты были в недалеком будущем перевести Вас на нашу кафедру. Но как видите, Лисовский оказался, как всегда, дальновиднее. Тем не менее, несмотря на неисполнение наших надежд, я рад за Вас и поздравляю. Если не трудно и есть время обрисуйте Ваши задачи и ближайшие перспективы (что насулили и что выйдет реально). Теперь надо всеми силами Вас притягивать работать на факультете. Вообщем поздравляю Вас. Теперь я надеюсь это твердо и навсегда. Кого вместо себя оставляете или кого подыскали на своё место.

Для кафедры истории КПСС, я думаю, Вы ценная находка. Лисовский, наверно, не раздумы-



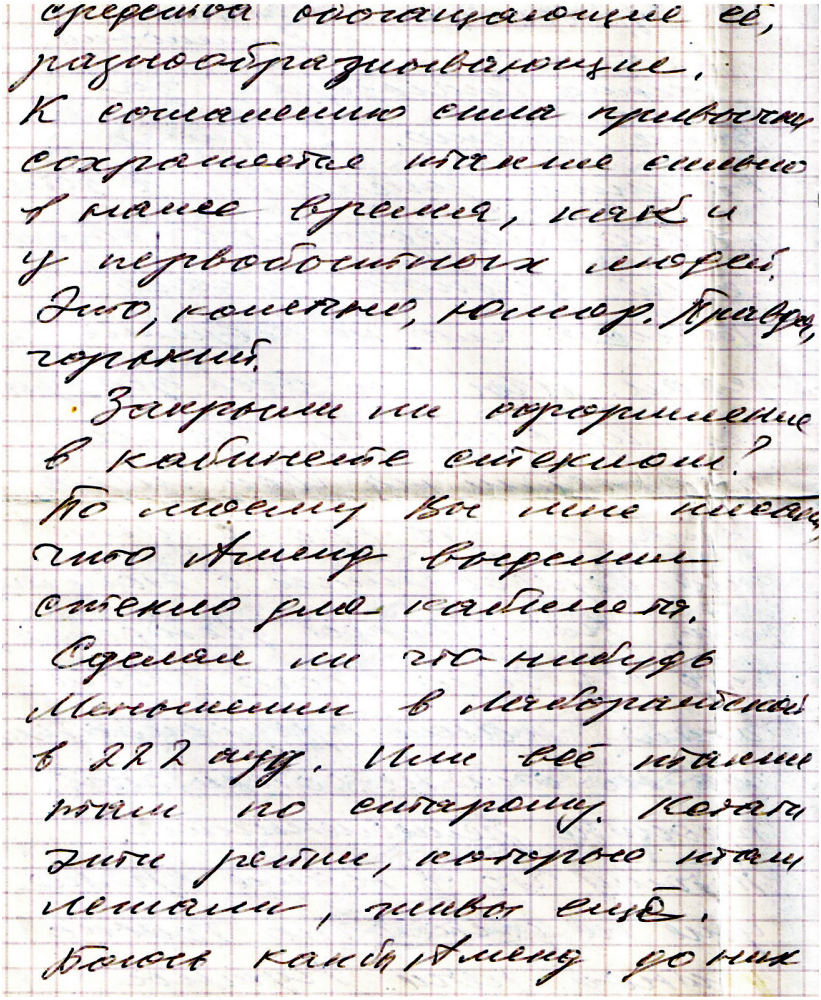
вал остановился на Вашей кандида-
ктуре. Ещё раз поздравляю и
желаю творческих успехов
в работе, науке и во всем
остальном.

До свидания.

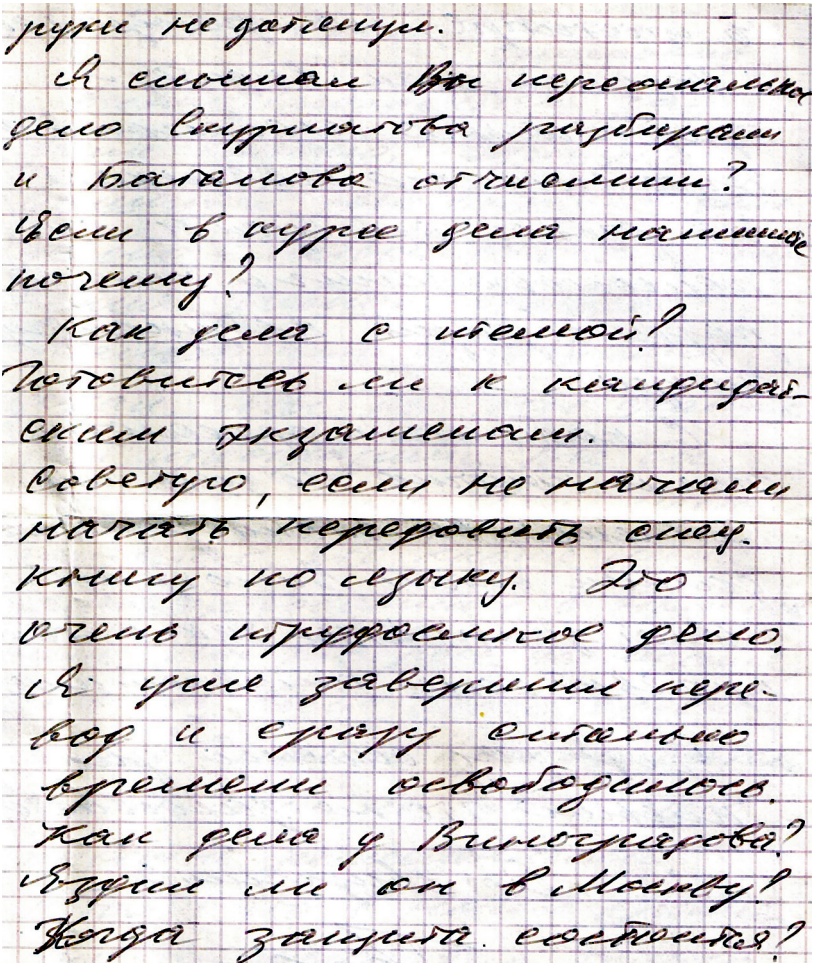


Здравствуйте, Наталья Семеновна!

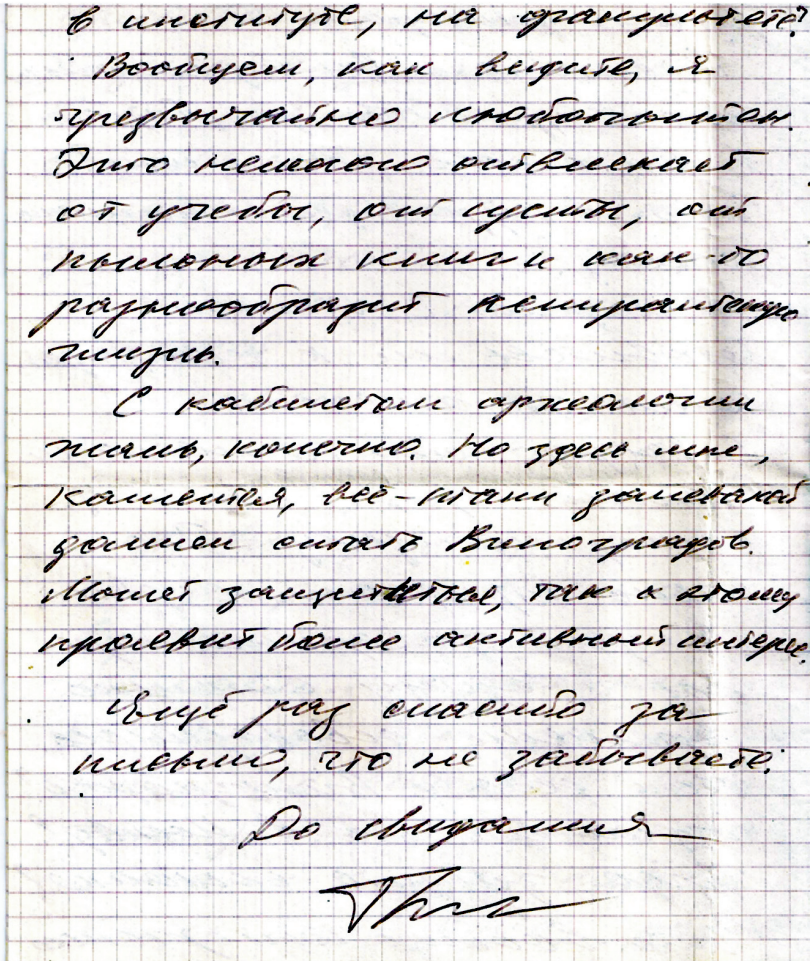
Весьма благодарен за Ваше письмо. Горжусь Вашими успехами в деле учебно-методического обеспечения учебного процесса. Жалею, что не вовремя уехал. Мы бы весь факультет преобразили. Все бы поставили на свои места. Сожалею, что кроме меня заинтересованных в этом лицу нет. Моё твердое убеждение, что без всего этого обеспечения наши преподаватели, как бы они не хотели этого, простые ремесленники. Потому что в наше время уже не достаточно только устной речи. Нужны



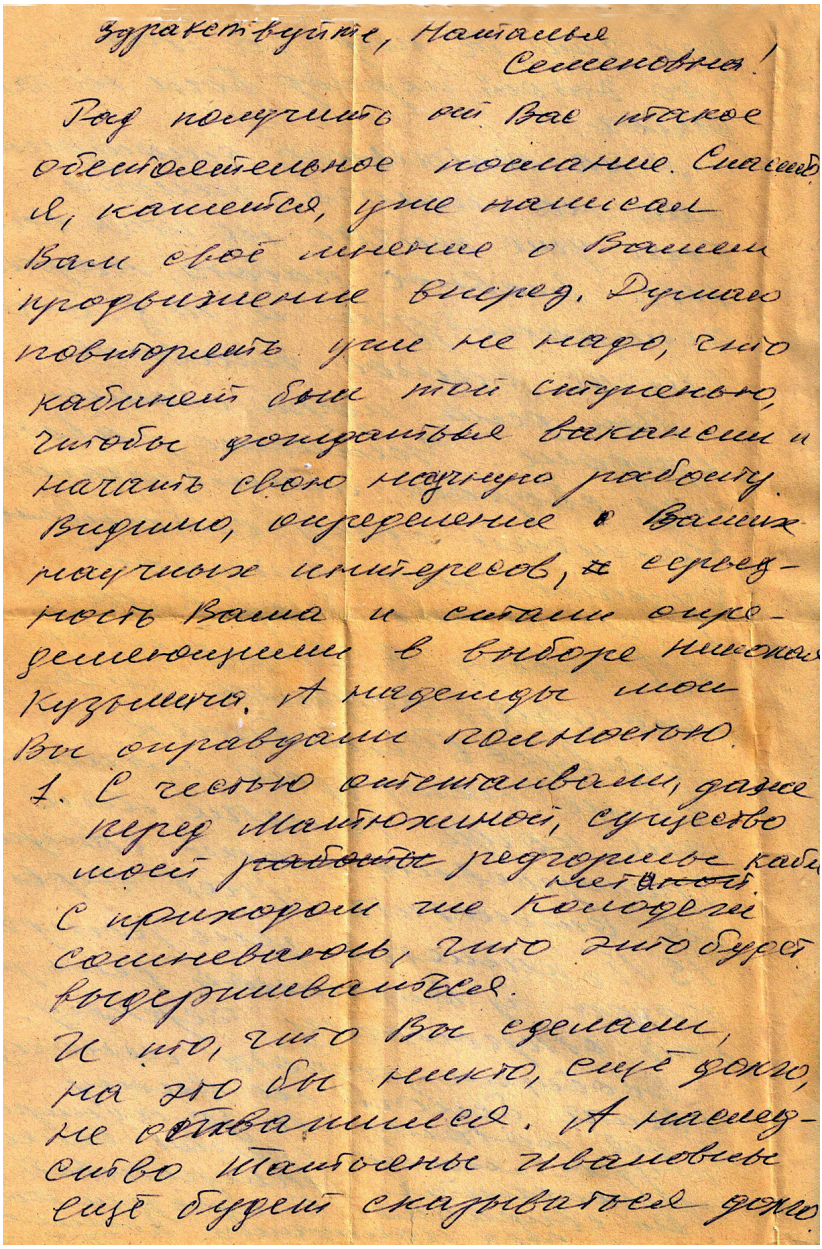
средства обогащающие её,
разнообразнывающие.
К сожалению сила привычки
сохраняется также сильно
в наше время, как и
у первобытных людей.
Это, конечно, юмор. Правда,
горький.
Закрыли ли оформление
в кабинете стеклом?
По моему Вы мне писали,
что Аменд выделил
стекло для кабинета.
Сделал ли что-нибудь
Меньшенин в Лаборатской
в 222 ауд. Или всё также
там по старому. Кстати
эти рейки, которые там
лежали, живы ещё.
Боюсь как бы Аменд до них



руки не дотянул.
Я слышал Вы персональное
дело Скурлатова разбирали
и Баталова отчислили?
Если в курсе дела напишите
почему?
Как дела с темой?
Готовитесь ли к кандидат-
ским экзаменам.
Советую, если не начали
начать передовить спец.
книгу по языку. Это
очень трудоемкое дело.
Я уже завершил пере-
вод и сразу столько
времени освободилось.
Как дела у Виноградова?
Ездил ли он в Москву?
Когда защита состоится?



в институте, на факультете?
Вообще, как видите, я чрезвычайно любопытен. Это немного отвлекает от учебы, от сусты, от пыльных книг и как-то разнообразит аспирантскую жизнь.
С кабинетом археологии жаль, конечно. Но здесь мне, кажется, всё-таки запевалой должен стать Виноградов. Может защититься, так к этому проявит более активный интерес.
Ещё раз спасибо за письмо, что не забываете.
До свидания

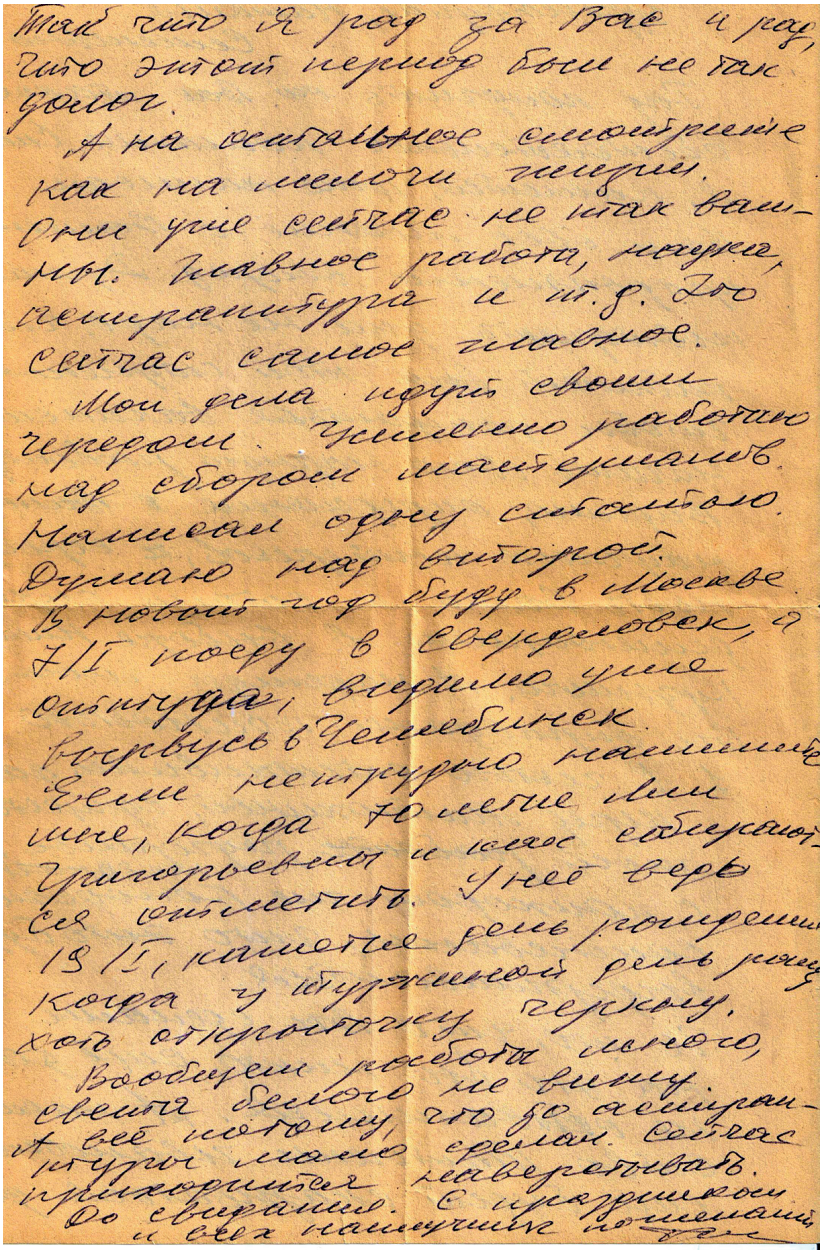


Здравствуйте, Наталья
Семеновна!

Рад получить от Вас такое обстоятельное послание. Спасибо. Я, кажется, уже написал Вам своё мнение о Вашем продвижении вперед. Думаю повторять уже не надо, что кабинет был той ступенью, чтобы дождаться вакансии и начать свою научную работу. Видимо, определение Ваших научных интересов, серьезность Вашей и стали определяющими в выборе Николая Кузьмича. А надежды мои Вы оправдали полностью.

1. С честью отстаивали, даже перед Матюхиной, существо моей ~~работы~~ реформы кабинета. С приходом же Колодеги сомневаюсь, что это будет выдерживаться.

И то, что Вы сделали, на это бы никто, ещё долго, не отважился. А наследство Татьяны Ивановны ещё будет сказываться долго



Так что я рад за Вас и рад,
что этот период был не так
долог.
А на остальное смотрите
как на мелочи жизни.
Они уже сейчас не так важ-
ны. Главное работа, наука,
аспирантура и т.д. Это
сейчас самое главное.
Мои дела идут своим
чередом. Усиленно работаю
над сбором материалов.
Написал одну статью.
Думаю над второй.
В новый год буду в Москве.
7/I поеду в Свердловск, а
оттуда, видимо уже
вырвусь в Челябинск.
Если нетрудно напишите
мне, когда 70 летие Ани
Григорьевны и как собирают-
ся отметить. У неё ведь
19/I, кажется день рождения
когда у Туржиной день рожд.
хоть открыточку черкну.
Вообщем работы много,
света белого не вижу.
А всё потому, что до аспиран-
туры мало сделал. Сейчас
приходится наверстывать.
До свидания. С праздником
и всех наилучших пожеланий

Письмо третье

«Главное – работа, наука, аспирантура»...

Здравствуйте, Наталья Семеновна!

Рад получить от Вас такое обстоятельное послание. Спасибо. Я, кажется, уже написал Вам свое мнение о Вашем продвижении вперед. Думаю, повторять уже не надо, что кабинет был той ступенью, чтобы дождаться вакансии и начать свою научную работу. Видимо, определение Ваших научных интересов, серьезность Ваша и стали определяющими в выборе Николая Кузьмича. А надежды мои Вы оправдали полностью.

1. С честью отстаивали, даже перед Матюхиной, существо моей реформы кабинета. С приходом же Колодеж сомневаюсь, что это будет выдерживаться. И то, что Вы сделали, на это бы никто еще долго не отважится. А наследство Татьяны Ивановны еще будет сказываться долго. Так что я рад за Вас. И рад, что этот период был не так долог. А на остальное смотрите, как на мелочи жизни. Они уже сейчас не так важны. Главное – работа, наука, аспирантура и т.д. Это сейчас самое главное.

Мои дела идут своим чередом. Усиленно работаю над сбором материалов. Написал одну статью. Думаю над второй. В Новый год буду в Москве. 7 января поеду в Свердловск, а оттуда, видимо, уже вырвусь в Челябинск. Если не трудно, напишите мне, когда 70-летие Лии Григорьевны и как собираются отметить? У нее ведь 19 января, кажется, день рождения. Когда у Туржинской день рождения, хоть открыточку черкну.

В общем, работы много, свету белого не вижу. А все потому, что для аспирантуры мало сделал. Сейчас приходится наверстывать.

До свидания. С праздником и всеми наилучшими пожеланиями.

Г. Шкребень

ГЕОРГИЙ-СТРОИТЕЛЬ

«Времена не выбирают, но время выбрало меня», – так о себе мог бы сказать Георгий Сергеевич Шкребень. Время нашего сотрудничества – 1978–1984 годы, которые позднее были признаны застоем и стагнацией.

Первое впечатление о Георгии Сергеевиче связано с тем, что в последнем семестре пятого курса, где я училась, он вел курс «История государства и права». Молодой, подтянутый, стройный, слегка смущенный под пристальным взглядом выпускниц. Он стремился произвести впечатление строгого, серьезного преподавателя, чтобы мы могли овладеть читаемой дисциплиной. На пятом курсе, когда все мысли о дипломе и распределении, лекции писали немногие. Но с началом семинарских занятий наступила катастрофа: хороших учебников не хватало, в других – поверхностная информация, а преподаватель – любитель закреплять изученное с помощью задач. Так в течение практического занятия стоял вопрос: «Есть состав преступления или нет?», надо было скрупулёзно обосновывать свою версию. В такой ситуации за Г.С. Шкребнем и закрепился псевдоним «Есть состав преступления?»

После окончания института мне, как и многим сотрудникам, преподавателем, приходилось ездить на сельхозработы. Георгий Сергеевич был в первых рядах. По дороге в автобусе он не позволял себе сидеть, даже если было свободное место. Он стремился поднять настроение песней, которую запевал сам, а остальные – подхватывали. Голос у него был действительно хороший, что позволяло исполнять ему не только песни, но и романсы.

Он действительно был требователен и к себе, и к студентам. Работая на рабфаке, он помнил поставленные оценки в журнале. Когда возник прецедент случайных оценок, поставленных в журнале, он сумел выяснить все до конца.

И все же в этот период его можно назвать Георгием-строителем. Он был одержим обустройством факультета. По его проекту был создан кабинет «Ленинская комната», ставшая местом собраний, конференций, исторических чтений, где выступали ведущие ученые уральских вузов. Вся атмосфера этого кабинета в период занятий нацеливала на учебу. Здесь размещались фотографии отличников историко-педагогического факультета – ленинских стипендиатов.

Решающую роль на формирование Георгия-строителя оказали монографии начала 80-х годов «Школьный кабинет истории и обществознания» и «Методика преподавания общественных наук в высшей школе». Проректор по учебно-воспитательной работе Александр Филиппович Аменд загорелся желанием приблизить вуз к школе, создавая кабинеты школьного типа. В институте был кабинет общественных наук, в котором работал стабильный коллектив. При поддержке кафедр у этого кабинета сложились традиции, имелась хорошая материальная база. Преподаватели и студенты историко-педагогического факультета предпочитали работать здесь, а не в кабинете истории факультета.

Именно в этом кабинете мне предложили работать старшим лаборантом в декабре 1982 года. Сначала я согласилась, потом сожалела, хотелось бросить всё потому, что я предположить не могла ни проблем, ни объема работы. Из кабинета исчезла большая часть дарственной библиотеки Буртовой с ценнейшими книгами по искусству, их потеря ощутима для факультета и по сей день. Одряхлевшие карты, устаревшие книги, отсутствие новых изданий и разрушающиеся шкафы, сколоченные громадными гвоздями и обклеенные текстурной бумагой, порождали негативное отношение не только преподавателей, но и студентов.

При поддержке заместителя декана факультета Георгия Сергеевича началась работа по подготовке проекта и

макета кабинета. Всю физическую работу по наведению порядка помогли сделать студенты-рабфаковцы.

Сложнее всего было найти рабочих и строительные материалы: ДВП, древесину, стекло. Георгий Сергеевич обеспечил кабинет материалами через своих заочников, работающих в разных учреждениях. После обсуждения с А.Ф. Амендом было утверждено оформление и выделены штукатуры и плотники. Необходимые иллюстрации были скорректированы художниками.

Все строительно-штукатурные работы производились летом, в период летней сессии заочного отделение, студенты которого пользовались и хрестоматиями, и монографиями, поэтому кабинет работал.

Георгий Сергеевич лично контролировал весь процесс. К началу учебного 1983/84 года строительные работы завершились, но окна, двери и шкафы пришлось красить самим. Были и курьезные случаи. Когда в субботний день мы решили покрыть шкафы лаком, принесенным из дома, один из преподавателей решил провести здесь занятия. Его раздражали запахи, поэтому разразился такой скандал, который сумел разрешить только Г.С. Шкребень.

Георгий Сергеевич любил комнатные цветы, в том числе редкие или необычно высаженные. Мы решили озеленить кабинет и собрать целую коллекцию фиалок. Идея понравилась. Когда фиалковая клумба на окне расцвела, один цветок исчез. Оказалось, его унес один преподаватель. Георгий Сергеевич не сдержался и сделал замечание.

Осенью 1983 года в институте состоялась паспортизация кабинетов, среди лучших был признан и кабинет истории. Было видно, что Шкребень гордился итогом своей работы.

Через некоторое время Георгий Сергеевич был зачислен в аспирантуру в Москве. Коллеги провожа-

ли его в ленинской комнате, желая успехов в научной работе.

В ноябре 1983 года он написал в письме: *«Жалею, что не вовремя уехал. Мы бы весь факультет преобразили. Все поставили бы на свои места. Сожалею, что, кроме меня, заинтересованных в этом лиц нет. Мое твердое убеждение, что без всего этого обеспечения наши преподаватели, как бы они не хотели этого, простые ремесленники. Потому что в наше время уже недостаточно только устной речи, нужны средства, обогащающие её...»*

И все же мыслями он был на факультете. Его интересовало всё: наличие стекла в кабинете, оборудование лаборантской аудитории для кинопоказа, сохранность и использование добытых стройматериалов, создание кабинета археологии.

Свою строительную деятельность он называл в письме реформой и, видимо, скучал, потому что в каждом из писем спрашивал о делах на факультете, уточнял дни рождения дорогих ему учителей: Л.Г. Майзель и Л.Г. Туркиной. Ссылаясь на собственный опыт, давал советы в подготовке кандидатских экзаменов, диссертаций. Он даже принес свою книгу на немецком языке, чтобы я готовила перевод для экзамена.

Свой интерес и любопытство он объяснял так: *«Это немножко отвлекает от учебы, от пустоты, от пыльных книг и как-то разнообразит аспирантскую жизнь»*.

Георгий Сергеевич был сдержанным человеком и не всегда открыто высказывал свое мнение, каждый раз обдумывал его. Так, оценку своей работы я получила уже в письме весной 1985 года в связи с тем, что в конце предыдущего года меня пригласил заведующий кафедрой истории КПСС профессор Н.К. Лисовский в качестве ассистента и предложил тему диссертационного исследования. Так я стала соискателем. Второй лаборант кабинета Николай Михайлович Меньшенин, увлеченный ар-

хеолог, перешел на работу в областное общество охраны памятников истории и культуры, где проявил себя как талантливый специалист, сохранив бесценные памятники Челябинска.

Шкребень прекрасно понимал, что работа лаборантов в кабинете – это лишь временная остановка в ожидании вакансии. Им требовалось немного терпения, сил, чтобы за короткий срок реализовать его строительную реформу в условиях сложившегося равнодушия.

Смена времени и технологий, появление компьютеров не оставили его равнодушным. После аспирантуры у него было много планов и идей по оборудованию факультета. Но, к сожалению, времена были непростые, возможно, не нашлось единомышленников, а также перемены в деканате не позволили ему реализовать идеи. Может, поэтому, став проректором университета, Георгий Сергеевич вложил всю энергию в создание энциклопедий, сохраняющих память о «золотом фонде» организаторов, преподавателей, выпускников и учительских династий нашего педагогического вуза за 80 лет.

Университет для него был как родной дом, а студенты как дети, к которым относился по-отечески.

Вместе с тем при внешнем спокойствии и уверенности, Георгий Сергеевич был легко ранимый, эмоциональный человек. В год его 65-летия коллеги исторического факультета первыми поздравили его в ректорате. Здесь же пропели написанное мною поздравление:

Гори, гори, наша звезда,
Звезда любви приветная.
Ведь вы у нас
Одна заветная,
Иной не будет никогда.
Уж 40 лет несете службу вузу,
Дважды отслужив Советскому Союзу.

Победоносец, свет Георгий,
На факультете вы – герой.
Ещё не пробил час: «Отбой!»,
Всегда в строю, всегда подтянут,
И ум натянут, как струна,
На факультете, словно воин.
Не всё вы сделали пока,
Вам рано жить воспоминаньями,
Переведите свой от ректората дух,
Возьмите глубже радостным дыханьем.
А мы сегодня пожелаем вслух,
Чтоб мысли ваши не иссякли,
Талант раскрылся до конца,
Запомните, что это – счастье,
Когда вокруг коллеги и друзья.
А если вдруг взгрустнется,
Что много пройдено дорог
И много сделано ошибок,
Запомните и этот свой урок,
Не заморачивайтесь этой мыслью:
Все в прошлом, а пока
Спешите наслаждаться жизнью.
Чего не сделали – сделайте,
Чего не спели – спойте,
Чего не прочли – прочтите,
Кого не простили – простите.
За каждый день судьбу благодарите
И жизнь, как в первый день, любите.
Пускай горит звезда надежды,
Да жизни не иссякнет свет.
Вы как молитву повторяйте трижды:
«Я – личность, педагог и человек!»
Мы любим вас,
Мы ценим ваш талант,
Гордимся, что в одном строю,

По праздникам нередко говорили:
«Я вам еще спою».
Так пойте жизнь свою на бис,
Пусть не останется кулис,
Мечты лелейте не напрасно,
И знайте: жизнь прекрасна.

После этих слов его глаза заблестели, закапали слёзы. Справившись с волнением, Георгий Сергеевич тепло всех поблагодарил.

Нет прежних кабинетов, о которых я написала. Теперь иные времена. Вместо кабинета археологии, о создании которого беспокоился Георгий Сергеевич (*«Запевалой должен стать Виноградов. Может, защитится, так появится более активный интерес»*) – теперь целая археологическая лаборатория. На факультете есть музей и кабинет истории Урала. Значит, идеи Георгия-строителя продолжают жить, сохраняя традиции, память, вдохновляя студентов на освоение профессии учителя.

P.S.: Письма, на которые сделана ссылка, присланы мне Шкребнем Г.С. в 1984–1985 гг., когда он учился в аспирантуре в г. Москве.

Н.С. Гуськова, кандидат ист. наук,
ст. преподаватель кафедры
истории, социологии и права

КОЛЛЕГА, КОТОРОГО ПОМНЮ

Когда в свое время открывали факультет дошкольного образования, а меня назначали деканом, то одним из первых слов, сказанных Георгием Сергеевичем Шкребнем, были следующие: «Мы принимаем вас в наш университет. Вы не думайте, что это обычный вуз. Это орденоносный, очень нами любимый и почитаемый университет. Все, кто в нем работает, гордятся этим».

Я поняла, что в этих словах таится большая сила любви и уважения не только к месту, где Георгий Сергеевич проработал всю свою жизнь, но и к той созидательной деятельности, которую совершал он лично и весь коллектив университета в течение многих лет.

Георгий Сергеевич относится к той редкой категории людей, для которых труд и деятельная активность является их природой. Это отличительная черта Георгия Сергеевича. Его неутомимая деятельность поддерживала нас в период становления факультета. Зная, как трудно стоять у истоков, он давал понять, что только кропотливым и целенаправленным трудом можно добиться желаемых результатов. Он помогал всем: делом, советом, тем, что вникал в каждую проблему и открывал самые верные способы ее решения.

О посещении рабочего кабинета Георгия Сергеевича можно сказать, перефразируя известное в народе изречение: «Заходишь тихо, уходишь быстро, но всегда с решенным вопросом». Его рабочий кабинет – это особое место. Здесь Георгий Сергеевич предстает не только как руководитель, готовый заниматься без устали любым производственным вопросом, но и как человек со своими особенностями. А особенности эти очень интересные. По небольшим элементам интерьера понима-

ешь, что природа, животные, искусство – вот, что приносит радость Георгию Сергеевичу в минуты отдыха, а заодно релаксирует посетителей, если их вопрос не решается положительно. Работа есть работа. Проректору по учебной работе, приходится производственные интересы ставить выше личных. Я никогда не бывала в обиде на Георгия Сергеевича, потому что своим юмором, иронией, шуткой он всегда может снять напряжение и тревогу, показать свое личное расположение, участливость.

Я убедилась в особых личностных качествах Георгия Сергеевича, когда он был на одном из праздников дошкольного факультета и смотрел выступление детей детского сада. Большего сопереживания выступающим маленьким детям, восхищения их артистическими непосредственными способностями я не видела никогда. И он открылся с другой, потаенной стороны своей сложной, субъективной натуры. Я почувствовала его особое тонкое и богатое восприятие окружающего, способность к пониманию красоты и человеческих ценностей, а понимая это, я уже не испытывала сложности в общении с ним, уверенно шла и решала насущные для факультета проблемы.

За шесть лет существования нашего факультета, мы наблюдали большую работу Георгия Сергеевича по преобразованию всех основных направлений педагогического процесса вуза и понимали, что он внес огромный вклад в дело развития университета.

Л.К. Пикулева, кандидат
пед. наук, декан факультета
дошк. образования

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ

Если кратко охарактеризовать Георгия Сергеевича, я бы сказала так: хранитель традиций и знаток нормативных документов. Вообще, только сейчас начинаешь в полной мере осознавать, какая это была глыба.

Он очень любил свой вуз, очень им гордился, всегда был ему верен, всегда отстаивал его самостоятельность. При каком бы ректоре не накатывала очередная волна поглощения (слияния), он, как коршун, бросался на защиту самостоятельности вуза. Целыми днями в своём кабинете проректора он изучал нормативные документы, созванивался с другими вузами, искал аргументы для отстаивания своей позиции. Я помню его горячность на заседаниях ректората и ученых советов. Он любого мог заткнуть за пояс своим знанием документов. Начнет перечислять все инструкции, приказы, сноски и дополнения – и любой под этим нажимом отступает.

В отстаивании своей позиции он был неутомим. Переспорить его было невозможно, он не отступал, если верил в свою правоту. Ну и, конечно, нельзя не вспомнить его феноменальную горячность. Заводился он с пол-оборота. Мы часто обижались на него за это, много лишних слов ему говорили, с возмущением отказывались с ним общаться после заседания. Но никогда в жизни он никого не оскорблял, не унижал, не издевался. Разговоры шли вокруг предмета спора, но на личности он никогда не переходил.

Человек он был на редкость чуткий. Однажды во время написания кандидатской диссертации у меня сдали нервы, я расплакалась прямо в коридоре. Много людей проходили мимо, наверно, им казалось неловко приставать с расспросами, а Георгий Сергеевич остановился, стал расспрашивать. Мне вроде неловко стало, я начала отнекиваться. Мол, все хорошо, а он, прямо как

кот-баюн, начал говорить о чем-то сначала отвлеченном, потом о себе и вытянул из меня всю историю. Он не менторствовал, не осуждал, он прямо ворожил, утешал, заговаривал, и, в конце концов, я успокоилась, перестала плакать, даже вроде, улыбаться начала. И он пошел дальше по своим делам. А мне стало намного легче, будто он часть моей ноши взял на себя и унес.

Кстати, Георгия Сергеевича очень любили студенты. Будучи заместителем декана исторического факультета, он много времени уделял их проблемам. Был в вузе с утра до вечера, и они приходили с вопросами в любое время, ему действительно было не все равно, как складывается у них жизнь.

Еще я преклоняюсь перед ним за его искреннее желание сохранить память о замечательных педагогах и ученых нашего вуза. Поскольку он историк по образованию, его, конечно, хорошо научили и архивному, и музейному делу. Но это была его личная миссия – задокументировать биографии выдающихся ученых, выдающихся педагогов, истории факультетов и кафедр. Он с упоением собирал материал, вовлекал в орбиту много людей, заставлял их работать по графику, составлял словники и помечал, кто что сделал, кто не сделал. Ему это было очень важно. И нет пока другого такого человека, который подхватил бы его эстафету.

Георгий Сергеевич никогда об этом не объявлял вслух, но потом я узнала, что каждой весной он ехал на могилы наших преподавателей (участников войны и просто одиноких людей), убирал их, красил ограду, ухаживал за могилами. Ему это было важно и нужно, и это много говорит о личности человека неравнодушного.

А как он пел, выступая на институтских концертах! Мне всегда нравились романсы в его исполнении. Но однажды мы были поражены тем, как с хором он исполнил «День Победы» Д. Тухманова. Мы, библиотекари, при-

На мероприятиях в научной библиотеке им. А.Ф. Аменда

шли к единому мнению, что он спел лучше Л. Лещенко! Это было потрясающее исполнение, от самого сердца!

Раньше мы часто выезжали на сельхозработы, и если в нашей компании Георгий Сергеевич – это здорово: он и споёт, и поработает с энтузиазмом, и, если потребуется, права наши отстоит.

А как он любил и ценил книги! Сначала часто укорял нас в том, что в библиотеке нет то одного нужного источника, то другого. Действительно, не всё можно было купить в магазинах, и в бибколлекторе нам не удавалось получить всю нужную литературу. Затем он начал передавать нам книги, приобретенные им лично. Много сделал для того, чтобы роскошные библиотеки наших преподавателей были переданы именно в библиотеку. Так, в наших фондах появились книги из библиотеки Антропова, Туркиной, Самсонова и других ученых. Свою личную библиотеку он тоже завещал нам, благодаря чему фонды пополнились целыми коллекциями ценных исторических книг. Мы часто делаем просмотры и выставки из его книг. Все это помогает в учебном процессе. Студенты искренне радуются возможности использования таких книг. На них значится печать: «Передано из личной библиотеки Георгия Сергеевича Шкребня».

Жаль, что он ушел так рано... Очень жаль. Но осознание того, что мы с ним работали, греет душу, вызывает очень приятные воспоминания о нашей совместной работе, и, главное, о нем, замечательном труженике и верном человеке.

Е.А. Краснова, кандидат пед наук,
директор науч. библиотеки
им. А.Ф. Аменда

ОТКУДА ЕСТЬ И ПОШЕЛ ШКРЕБЕНЬ. СЛОВО О ЗЕМЛЯКЕ, СЛОВО О ТОВАРИЩЕ

Откуда есть и пошел Шкребень? Из Златоуста. Потому он такой. Святитель церкви Иоанн обрел столь благозвучное звание Златоуст за дивное благозвучие своих речей. И Шкребню, как истинному златоустовцу, великий грех быть косноязычным. Не его ли предугадывал Александр Сергеевич, адресуя Царевне-Лебедь трагическую похвалу: «Сладки речи говорит, словно реченька журчит».

Шкребень – златоустовец, поэтому поэт и в слове, и в жизни. Как же иначе, если в гербе Златоуста, единственный в стране, а может, и в мире, взлетел крылатый конь Пегас – символ поэзии, творчества. Скакал и пришпоривал на Пегасе Шкребень, и если не встретишь его фамилию в поэтической рубрике, так скромность, как известно, украшает бойца. Вспомним, как умолял заливаемый поэтическими помоями мудрец: «Если можешь, не пиши!» Шкребень мог. С младых ногтей прислушивается он к не менее значимому призыву русского классика: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». И Шкребень – государственник, стоял на твердых гражданских позициях.

Да, Шкребень по жизни молодежный вожак, действительно был им. Видели бы вы фото его служивых лет. На груди волнится тельник, на бескозырке: «Северный флот». Бравый военный моряк, красавец с ударением по-шукшински. Теперь можно сказать, – большой секрет вчера еще, – служил земляк на морских северах там, куда записывали после просмотра анкеты с максимальными требованиями. Шкребень подошел по всем статьям, отслужил свой воинский долг безупречно.

Сказать, что Шкребень из Златоуста, еще не все и далеко не все. Он из златоустовского, кузюцкого изнача-

лья. Ну, не из самого города, как испокон здесь называли самое-самое изначалье при заводе, но идти-то пару шагов, горку переплюнуть, поэтому и Закаменка – одна из самых старых деревень. Будете в Златоусте, конечно, залюбуетесь Косотуром, что, по сути, и предопределил основание города. Уреньга выбрасывает здесь свою северную конечную пятерню острогов, один и упирается в Косотур.

Поселок Закаменка дал пединституту, – извините за былое название, мне оно ближе, – моего земляка Шкребня. В лоб камень никак не взять, но обойти его – минутное дело. Однако упертые закаменские кузюки отбрасывали туристскую мудрость: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», и брали-таки Камень в лоб, сколотив на обрыв лестницу. Шкребню лучше знать, если захватил, конечно, давно это было. Брал ли он Камень в лоб с городской стороны – лишь догадки, а вот Закаменский, более пологий склон, использовал. Да простятся мне отступления от биографии героя, но ведь краевед пишет про краеведа.

Был бы Гера постарше, то вначале бы ходил в конце улицы, начальная школа № 11 стояла на самом носу Камня. В пятый бы Гере идти уже в нашу школу № 8 «Осьмуху». Сюда ходили пацаны с окрестных поселков, закаменские тоже, Черноземцев, к примеру. Был бы постарше, уже после отмены раздельного обучения, ходил бы в бывшую женскую № 22 – «Двадцать-двойку». Тогда был бы он одношкольником со Скобликовой. Да, вот именно с Лидией Скобликовой, той самой Уральской молнией, чемпионкой мира, олимпиад и прочее, и прочее. Она, если не из Закаменной, то из соседнего поселка. Пример в спорте Шкребню было с кого брать. Не знаю, на какую ступень и по какому поводу он поднимался после соревнований, но спортивной выправкой не был обделен.

Но он родился, когда родился, и был записан в восемнадцатую школу, что поставили для разгрузки нашей «Ось-

мухи» совсем неподалеку от Закаменки, за мостом через Ай. Потом Шкребень всей душой выбрал гуманитарию делом жизни, поступил на истфил. Выбор смелый, потому что был факультет тогда едва ли не самый девчачий. Правда, отдал предпочтение истории. А учителем был тот самый Черноземцев, который ходил в нашу «Осьмуху», где мы с ним после уроков занимались пробой пера, организовав тайное литературное общество «Оазис».

В.А. Черноземцев правил сочинения юного Геры Шкребня, правил он его и уже зрелого мужа, кандидата наук, проректора по заочному обучению и первого проректора...

Итак, Георгий Сергеевич Шкребень – проректор ЧГПУ. В самом начале – проректор по заочному обучению, затем – первый проректор, если уточнить, то заместитель ректора «с правом подписи» документов и приказов, если до них не доходит рука ректора. В начале века Георгий Сергеевич – заместитель председателя совета общества краеведов, краеведческий проректор. Притом что пост проректора вуза – многотрудный и хлопотливый. Особенно в педагогическом, в женском коллективе.

По натуре Шкребень краевед, поисковик и просветитель. К тому же хорошую школу прошел в студенчестве и преподавательстве. Его учителя и коллеги – такие корифеи челябинского краеведения, как В.Е. Четин, Н.П. Шмакова, Н.Б. Виноградов, Г.А. Турбин, А.И. Лазарев, А.П. Абрамовский. Общеизвестно, что во все свои века пединститут был центром и локомотивом челябинского краеведения. Не сразу краеведение стало обязательным учебным предметом, а Георгий Сергеевич лет двадцать преподавал историческое краеведение в школе – сверх своей вузовской нагрузки.

В Шкребне хорошо сохранилась мужицкая натура – ровно, внапряг, изо дня в день тянуть служебные грузы и

В Златоустовском краеведческом музее

нагрузки. На пользу ему и хохляцкое (или белорусское?) упрямство, хотя и потомственный горожанин, и уралец, более того – златоустовец, мне – земляк. Напоминание о корнях – фамилия. Крепким и настырным, видно, был пращур, коль заслужил такое прозвание.

Про нас злословят: «Златоустовские кузюки захватили штаб краеведения и энциклопедии». Не совсем верно, кузюки – коренные златоустовцы, а наших родителей добровольно-принудительно забросил в Златоуст уже советский бурелом. А в энциклопедиях из златоустовцев мы в своем трио не одни, но у наших, видно, особая краеведческая жилка.

Не секрет, что «век энциклопедий» на Южном Урале начался именно популярной златоустовской энциклопедией. В 90-е годы мы в «Рифее» освоили выпуск энциклопедий районов области. А в последний год века, уже под эгидой педуниверситета, вышел в том же жанре «Челябинск. История моего города. Книга для чтения». В выходных данных помечено и наше златоустовское трио: В.А.Черноземцев, я, а запевалой – Шкребень, руководитель проекта. В 2001 году пробил час «классической» энциклопедии «Челябинск». В выходных данных снова наше златоустовское трио – члены редколлегии, авторы, у каждого десятки статей. В той же роли мы и в семитомье энциклопедии «Челябинская область». Георгий Сергеевич вел в ней экономический блок, я – географический, Черноземцев – главный редактор.

Из нашего торио Шкребень оказался самым энциклопедичным. Когда вышла «Челябинская область», мы с Черноземцевым осушили энциклопедические перья. Шкребень же выдал энциклопедию «Челябинский государственный педагогический университет», уже без нас. Он – заместитель председателя редакционно-издательского совета, главный редактор-составитель

и автор. Но и эта энциклопедия у него не последняя, а очередная. Как ни зайду, он все за компьютером, а на экране – книги. Но и свои служебные обязанности он исполнял неукоснительно и безупречно. Служака, мы, златоустовцы, все такие. Что домой уходит позже всех, так это его право, где и как свободное время проводить. Вручает он мне педагогическую энциклопедию, а сам еще и компьютерной распечаткой машет – словник новой энциклопедии о заслуженных учителях области, кстати, о выпускниках не только педвуза.

Забегаю как-то к нему, в университетском вестибюле, среди прочих объявление по «Весне студенческой», такое: «На сцене Георгий Шкребень, баритон». Так я же тоже вроде баритон и петь любитель. Правда, до сцены не дорос. На мое признание Шкребень не возражал, но уточнил: у него, оказывается, баритон лирический, а у меня драматический. Ничего такого про себя я и не знал.

С самого начала «весны нашего краеведения» кабинет Шкребня – его штаб. Вначале тесноватый – кабинет проректора по заочному образованию. Ну, а как стал Георгий Сергеевич первым проректором, и кабинет другой, стола заседаний хватало всем.

В кабинете Шкребня шкаф в длинную стену ломится от вузовских и краеведческих изданий, которые хозяин курирует. Новинки теснят друг друга, но шкаф не переполняют. Хозяин кабинета их по ходу пополнения прореживает, часть книг препровождая в университетскую библиотеку, там целый шкребневский фонд. А напротив – сплошное окно, на нем еще одна наша с земляком общность – цветы. Только набор разный. Я тяготею к простушкам-гераням, колеус еще не избегаю. У него цветник с «феноменологическим» уклоном, редкость на редкости. Зная о его цветофильстве, коллектив дарил ему не что-то, а «эксклюзивы». Но и здесь, как и в

шкафу, у хозяина кабинета без перебора. Налюбуется на цветы-подарки, и отправляет «на Бажова» – естественно-технологический факультет, там у них целая оранжерея.

А.П. Моисеев, краевед,
журналист, писатель

ЕГО ПЕВУЧИЕ МЕЛОДИИ

Мое первое знакомство с Георгием Сергеевичем Шкребнем состоялось в середине девяностых годов, когда он был проректором по заочной работе Челябинского пединститута. Я в то время работала заместителем декана по ОЗО факультета подготовки учителей начальных классов.

У Георгия Сергеевича был необыкновенный талант организатора. Он любил много и плодотворно трудиться, любил людей, которые хорошо работают. Георгий Сергеевич был авторитетным и достойным лидером, умел слушать и соглашаться, если предлагали что-то интересное.

Но особенно часто я вспоминаю Георгия Сергеевича в связи с теми совместными праздниками, которые проводились по его инициативе всеми организаторами заочного обучения в нашем университете. И каждый праздник сопровождался его пением. Мне, пианистке по образованию, всегда отводилась роль его концертмейстера. Слушая его вполне профессиональное пение, я понимала, что музыка занимала особое место в жизни Георгия Сергеевича, что в душе руководителя и преподавателя-историка постоянно звучала пронзительно певучая мелодия.

Е.Ю. Волчегорская, доктор
пед. наук, профессор

СТРОГИИ, ВНИМАТЕЛЬНЫИ, СПРАВЕДЛИВЫЙ...

Георгий Сергеевич был талантливым организатором и руководителем, человеком удивительно работоспособным. Он одним из первых появлялся в университете и покидал его тогда, когда рабочий день давно окончен.

К Георгию Сергеевичу всегда можно было обратиться с проблемами, важными вопросами – никогда не отказывал в помощи. Он вникал во все тонкости дела, которым приходилось заниматься по долгу службы. Знал все до мельчайших деталей и подробностей.

Строгий и требовательный, прежде всего, к самому себе, он не терпел разгильдяйства и неорганизованности, но вместе с тем справедлив, внимателен. Всегда замечал успех другого, похвалит, подскажет, посочувствует.

Ему присуща перспективность мышления, творческий подход к делу, целеустремленность.

Н.В. Забродина,
ветеран ЧГПУ

ПРОЩАЛЬНОЕ

Светлой памяти
Георгия Сергеевича Шкребня
посвящается

Как нелегко, когда без отдыха:
Все дни, без перебоя, напролёт,
Работал человек без отпуска —
И в вуз он больше не войдёт.

Он не пожмёт руки при встрече,
Не улыбнётся, не пошутит, не споёт,
Но голос, льющийся в романсе, вечен,
И в книгах, и в делах душа живёт.

Он не подарит новые идеи,
Но жив «Педагогический дебют»
И не окончен век энциклопедий:
Их города и вузы издают.

Он не увидит свежевыпавшего снега,
Метель заносит навсегда маршрут,
Ждут на Преображенском тишина и нега,
В ЧГПУ звонок прощальный подают.

Почти полвека жил он этими звонками,
Любил историю, студенчество, весну,
Он жив в делах, он в памяти, он с нами —
Он навсегда в родном ЧГПУ.

10 ноября 2015 г.
О. Карпенко

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

Мы хотим знать, каким был и каким остался в нашей памяти Георгий Сергеевич Шкребень? Что ж, вот – коллективный портрет Г.С. Шкребня, фраза к фразе, собранный, сложенный, сотканный людьми, которые его знали.

Он был чиновник Божьей милостью.

Этот человек был на своем месте.

Георгий Сергеевич – хранитель традиций и знаток нормативных документов. Он любого мог заткнуть за пояс своим знанием документов. Начнет перечислять все инструкции, приказы, сноски и дополнения – и любой под этим нажимом отступает.

В работе он был педантом, бюрократом. И все понимали: это человек, который все знает, все объяснит и разложит по полочкам.

Он не терпел разгильдяйства и неорганизованности.

Он читал курс по истории России новейшего периода, курс очень сложный, дискуссионный, с разными подходами к объяснению событий, неоднозначными оценками.

Он не терпел, когда те или иные документы вовремя не сдавались.

Огромный трудоголик. Жить – значит, работать.

Однокурсники его называли Геродотом.

Мы спасали многих талантливых студентов, у которых не было денег для обучения. Он не нарушал законы, но знал в них все лазейки.

Любое дело, за которое он брался, выполнял на пять с плюсом.

Это благо, когда первый руководитель имеет такого заместителя, который все берет на себя и на которого можно положиться.

Вся его жизнь сосредоточилась в вузе.

Он наивно и трогательно полагал, что «чувствовать родной вуз в себе» должны все, кто в нем работает.

Он был общительным, душевным, честным, уважительным, правдивым, принципиальным и добрым.

Жесткость и принципиальность, мягкость и отходчивость уживались в нем одновременно.

Ему присуща целеустремленность.

Работать с ним – сплошное удовольствие.

Мы любили Георгия Сергеевича за теплоту, которой хватало на всех.

Переспорить его было невозможно.

Он не ждал, когда его о чем-то попросят, сам подключался к любому делу: будь то организация выезда преподавателей и студентов на уборку картошки в Калуго-Соловьевку или подготовка к массовому факультетскому мероприятию, расчистка снежных заносов у здания института или проведение демонстрации в майские праздники.

О посещении кабинета Георгия Сергеевича можно сказать так: заходишь тихо, уходишь быстро, но всегда с решенным вопросом.

Шкребень – государственник, стоял на твердых гражданских позициях.

Георгий Сергеевич обладал не только колоссальным опытом административной работы, но и целым комплексом качеств, которые говорили о нем, как о всесторонне развитом человеке. То количество песен и стихов, которые были ему известны, может свидетельствовать об этом.

Это был человек, скажу вам, со стержнем.

В жизни Шкребня слово «память» стояло на особом месте.

Он был востребован в жизни. Он был нужен нам.

За что ни возьмись, вспоминаешь его.

Когда в Москве, при сдаче экзамена в аспирантуру он запел немецкие песни, – комиссия лежала.

Мне нравилось работать в его команде, и, если он приглашал, охотно шла к нему, потому что знала: у него будет результат.

Да, да, у него все всегда было в порядке. Он был педантом.

Георгий Сергеевич не умел мстить.

Он отстаивал право историков изучать Южный Урал. Что это – не местечковая история.

Он, единственный в университете, владел всеми учебными планами.

Шкребень – тот начальник, который сам много работал.

Это не просто служение, а глубокая и деятельная любовь.

Георгий Сергеевич трогательно заботился о своих постаревших преподавателях, ветеранах.

Он много сделал, чтобы роскошные библиотеки наших преподавателей были переданы в библиотеку университета.

И еще он взял на себя такую добровольную миссию – мы стали посещать могилы наших коллег.

Георгий Сергеевич был в университете главным похоронщиком.

Только благодаря Шкребню возник институтский музей.

Разумный, спокойный, верный своему слову, степенный, гостеприимный, благожелательный, внимательный, высокоинтеллектуальный, он всегда располагал к себе коллег и друзей.

Он мог сделать карьеру в управленческих структурах, мог профессионально принадлежать сфере культуры, но предпочел педагогическое поприще.

Им подготовлена не одна тысяча учителей истории, работающих в области и за ее пределами.

Во время приема в университет Шкребень не допускал никаких «по знакомству», тем более «за деньги». Это, между прочим, нравилось не всем.

В его натуре – переживать за других.

Близкими друзьями мы не были, но когда нужна была поддержка, он всегда оказывался под рукой, готовый помочь.

Такой был человек: если выбрал, то навсегда.

Лидерские качества Георгия Сергеевича были сопряжены с трудолюбием, умением убеждать, кристальной честностью, прямотой, бескомпромиссностью.

Шкребень стал инициатором создания АСУ «Абитуриент», а с 2004 года – главным редактором университетского Web-сайта.

В Артеке ребятишки в нем души не чаяли, они буквально висели на нем. Он запевал, и монгольские дети на ломаном русском языке пели вместе с ним.

Он был убежденным сторонником коммунистических идей. Его трудно было сподвигнуть на какое-то инакомыслие. Он был необыкновенно надежным человеком.

Он нашел себя в работе.

Да, жизнь удалась. Одна ее часть, служебная.

В человеческом плане он был обделен. Однако о нем не скажешь, что выглядел обделенным и несчастным.

Он часто приезжал к нам на дачу. Ему, наверное, не хватало домашнего тепла, чего-то семейного, и он приезжал к нам.

Георгий Сергеевич рассказывал, как печет пироги.

Он никогда не был ущербным человеком, никогда.

Грустным человеком он не был.

У него был костюм. Потом купил второй. В них и ходил.

Университет заменил ему семью.

Нет, сказать, что все его любили, нельзя.

Были и недовольные. Кто не выполнял все, как надо, те и недовольны.

Любили его не все, но при этом не скажу, что у него были враги.

Он один из самых плодовитых авторов, наделенных уникальной эрудицией и неимоверным трудолюбием, аккуратностью и внимательностью до скрупулезности.

Благодаря именно ему наш университет оказался первым в России, выпустившим собственную энциклопедию.

Георгий Сергеевич не боялся никаких разговоров о себе: говорите, что хотите.

Он пришел на последний звонок пятого курса, чтобы поздравить, а в конце: «Вот вам мой подарок». И запел романс.

Однажды мы были поражены тем, как он с хором исполнил «День Победы» Тухманова. Мы пришли к единому мнению, что спел он лучше Лещенко.

В душе руководителя и преподавателя-историка постоянно звучала пронзительно певучая мелодия.

Для нашего университета Шкребень – эпоха. Он очень много оставил нам в наследство.

Я думаю, он считал себя счастливым человеком.

Мысли вдогонку

Эта книга – память о человеке по фамилии Шкребень. Такой человек жил на этой земле и уже не живет. Его уже нет, но он оставил воспоминания о себе.

На первый взгляд, жизнь человека по имени Шкребень проще простого и сводится к одному: прекрасный проректор. Сказано и вроде бы исчерпана суть. Но – не исчерпана. Взят лишь один ее бок. А второй – умолчен. Труд – взят, а любовь – нет. Так получилось.

Георгий Сергеевич Шкребень был очень серьезным человеком. Очень. Едва ли не воплощение серьезности. И еще: он был серьезен не только «от головы», но и «от сердца». Не только умом, но и чувством. Поэтому слово «серьезный» можно заменить другим – «добросовестный». Добрая совесть – вот как.

Проректор педагогического университета в своем вузе, и не только в нем, был известен тем, что много работал. Много работать, когда принуждает сила или нужда, такая работа – в тягость. Много работать, когда никто не заставляет, не требует и не просит, такая работа – в радость. В такой радости прожил свои годы Георгий Сергеевич. Его не всем понять. Иные скажут: не от большого ума. Иным кажется, что радость – когда ничего не надо делать. Но ничего не делать – не жить. На том свете мы целую вечность будем «ничего не делать». Теперь там ничего не делает и Георгий Сергеевич.

Можно допустить, что Шкребень был очень серьезным человеком не только в труде, но и в любви. Может быть, и в любви он понял больше нашего. Не дала радости первая любовь и – разочаровала. А потом... Посмо-

трел он, посмотрел, как люди любят, и отказался от такой любви...

Попросить бы прощения у Георгия Сергеевича. За то извиниться, что копаемся в его жизни. Мы-то ему теперь не нужны. Он нужен нам. Он нужен нам и теперь, когда его нет, как еще один завершенный человеческий опыт. На его примере мы еще и еще раз норовим понять, как надо жить. Как? Как он? Не так? А как?

Вечный вопрос. Ответа нет, но мы его задаем, задаем, задаем... Никто из 7486589916 человек-землян не знает, как надо жить. Никто не может сказать: живи, как я. Но каждый из нас, каждый из 7486589916 человек, живет так, как может.

Георгий Сергеевич Шкребень прожил свою жизнь, как хотел. Согласно своему предназначению. Добросовестно.

Автор-составитель

ЦИТАТЫ ИЗ ЛЕКЦИЙ «История России» от Георгия Шкребня

• «И если советская историография настойчиво внушала читателю что Октябрь 1917 года – это главное (разумеется, со знаком плюс) событие XX века, то нынешняя постсоветская историография, наоборот, склонна видеть в нем уже не революцию, а некий «ночной переворот», величайшее несчастье России за всю ее многовековую историю, народную трагедию и т.д.».

• «Подвергая сегодня сомнению любые, казалось бы, самые аксиоматичные положения советской историографии, мы в то же время не должны упрощать и схематизировать наше прошлое. 1917 год был и навсегда останется крупнейшей вехой истории России. И было бы, наверное, опрометчиво считать, что люди сеяли тогда только семена зла, вражды и ненависти и что от октябрьских событий 1917 года шла только одна дорога – дорога к тоталитаризму. Часто говорят, что 1917 год – это год великих и светлых, но вдребезги разбитых затем иллюзий. С этим можно в какой-то мере согласиться, но напомним, что в 1789 году иллюзий было едва ли меньше, чем в 1917 году, и многие из них тоже оказались разбитыми. И не иллюзиями ли, надеждами и чаяниями движется вперед человечество вообще?»

• «Одним из коренных вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции является, как известно, вопрос о ее закономерности. Буржуазная историография объявила Октябрьскую революцию случайным явлением. Концепция «случайности» Октября остается преобладающей и в современной буржуазной советоло-

гии. По мнению большинства из них, революция победила в результате исключительно редкого и совершенно случайного стечения обстоятельств. Этой точки зрения придерживаются американские историки Р. Дэниэлс, Ф. Шуман, А. Улам, английский советолог М. Дьюхерст, западногерманский историк Г. Раупах, француз Ш. Карбонель и другие».

• «Причины поражения белого движения:
Отсутствие конструктивной программы,
Реставрация законов Российской империи,
Имперская национальная политика,
Отказ от сотрудничества с социалистическими партиями,
Отсутствие единого лидера,
Сотрудничество с интервентами,
Моральное разложение белой армии».

• «Декретом «О спекуляции» 22 июня 1918 года Совнарком потребовал от местных органов власти объявить самую решительную войну нарушителям государственных монополий, а также тем частникам, которые не соблюдали твердых цен, спекулировали нормированными товарами.

Уже к осени 1918 года более чем в половине губерний, не захваченных белогвардейцами, оптовая частная торговля была ликвидирована полностью, а в остальных сохранилась лишь частично. Розничная частная торговля также была свернута более чем в трети губерний.

К началу 1919 года национализация стационарной частной торговли была в основном завершена. Сохранились лишь мелкие предприятия (базарная, торговля с рук, с лотка), в которых не использовался (юридически) наемный труд».

• «Таким образом, натурализация, уравнительность в распределении продуктов – те принципы, на которых

в основном строилась деятельность государственного сектора хозяйства. Эти методы не соответствовали основным закономерностям социалистического хозяйства, но они диктовались усиливающейся разрухой хозяйства, милитаризацией экономики в условиях гражданской войны. «...Гражданская война была так трудна, что тут единственным правилом было: все для победы на фронте гражданской войны – и только». (В.И. Ленин, т. 43, с.10)».

• «Ленин рассматривал экономическую политику, проводившуюся до весны 1921 года, как политику «штурмовым» способом, то есть самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. «Мы должны были, в силу войны и нищеты, испытать путь наиреволюционной, с минимумом торговли, разверстка, наигосударственное распределение: иначе бы мы не осилили войны и не «сорвали» бы бойкота и «провокации» буржуазии».

• «Оглядываясь в 1921 году на пройденный советским государством путь, В.И. Ленин говорил, что в начале революции коммунисты представляли себе «развитие» в более простой, более прямой форме, чем оно получилось.

Получалось так, что попав на неподготовленную материальную и культурную почву, социалистическая идея претерпела жесткое перерождение: вместо обобществления пришло огусарствление, вместо свободного развития каждого – трудовая повинность, вместо демократии – жесткая диктатура, вместо справедливости – уравнительность.

Однако, несмотря на отдельные ошибки и преувеличения, экономическая политика Советского государства периода гражданской войны себя оправдала. «...В тех условиях войны, в которые мы были поставлены, в основе эта

политика была правильна», – констатировал В.И. Ленин на X съезде партии в 1921 году».

• «Страна фактически была отброшена к петровским временам. Общий ущерб, причиненный народному хозяйству страны военной интервенцией, исчисляется в 50 миллиардов рублей золотом. Общая продукция сельского хозяйства страны в 1920 году составляла лишь около половины довоенной. Продукция крупной промышленности была почти в 7 раз меньше довоенной. Основные фонды крупной промышленности за годы войны почти не обновлялись. Некоторые отрасли промышленности совершенно замерли. Особенно сильному разрушению подверглись важнейшие, решающие отрасли промышленности – топливная, металлургическая, машиностроительная и др. Разруха в сельском хозяйстве и промышленности усугублялась разрушением транспорта».

• «Как и следовало ожидать, реализовать сверхвысокие наметки не удалось. Требования ежегодно наращивать производство на 32, затем на 45–47 процентов не привели к ломке всей налаженной системы управления, планирования, снабжения. В 1931–1933 годах темпы развития индустрии быстро упали – с 23,7% в 1928–29 годах до 5% в 1933-м. «Подхлестывание» фактически сбивало с курса индустриализации».

• «Методы «подхлестывания» – лишь одно из проявлений политики «великого перелома», а по сути –отхода от ленинских идей о путях и формах социалистического строительства. Эту политику мы, думается, вправе рассматривать как сталинскую «альтернативу» ленинскому курсу. Она нашла выражение не только в его субъективном стремлении в обход партии и государственных органов пересмотреть коренным образом утвержденный план

первой пятилетки, но и свертывания нэпа, хотя, на наш взгляд, всех своих возможностей он к тому времени не исчерпал. Сталинское руководство встало на путь закрытия ряда банков, сокращения до минимума кредитной системы. Была предпринята научно не обоснованная попытка «организации планового продуктообмена между городом и деревней». Шла речь об отмирании денег, о переходе от торговли к прямому безденежному распределению продуктов».

• «К концу 1918 года на территории Советской России насчитывалось 1579 коммун и артелей. Однако В.И. Ленин уже осенью 1918 года отмечал, что «...пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью», что эта задача должна решаться «...терпеливо, рядом постепенных переходов, пробуждая сознание крестьянства и идя вперед в меру пробуждения этого сознания». Перегибы в колхозном строительстве были решительно осуждены VIII съездом РКП(б) (марта 1919 г.). «Действовать здесь насилием, – говорил на съезде В.И. Ленин, – значит, погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания».

• «Поначалу коллективизация шла трудно, но к концу 30-х годов прошлого века стало ясно, что своих целей она достигла: товарность сельского хозяйства резко возросла, валовой сбор зерна в СССР вырос на 42,6 % (с 40,8 млн т в 1927 году до 59,6 млн т в 1940 г.), коров у крестьян стало на 54,5% больше (в 1927 г. было 29,9 млн голов, а в 1940 г. – 54,8 млн голов)».

• «Хрестоматийным стал пример с пуском тракторного завода в Сталинграде. Основные корпуса здесь построили очень быстро, а вот освоение производства за-

няло полтора-два года. По началу с конвейера за смену выпускали всего несколько машин вместо 144 по плану. То же самое было в первые годы и на машиностроительных заводах, в шахтах, на металлургических комбинатах химических предприятиях. Не нужно забывать что начальное (четырехклассное) образование было введено как обязательное лишь в 1930 году. Даже в 1939 году каждый пятый человек старше 10 лет еще не умел читать и писать. Специалистов с высшим образованием насчитывалось в народном хозяйстве примерно миллион человек».

• «Колхозы оставались эффективными сельскохозяйственными предприятиями вплоть до уничтожения СССР: в конце 80-х годов прошлого века в СССР жило 5,5% населения мира, из них только 155 было занято в сельском хозяйстве. И при этом страна давала 11% мирового производства зерна, 15% хлопка, 27% картофеля, 36% сахарной свеклы».

• «Если сравнить коллективизацию, проведенную в конце 20-х –30-х годах XX века, с осуществлявшейся двумя десятилетиями ранее столыпинской аграрной реформой, можно обнаружить, что второе по времени преобразование деревни в известном смысле явилось завершением первого, несмотря на внешне принципиальные различия в их проведении. Как известно, П.А.Столыпин стремился создать на селе средний класс «крепких и сильных» единоличных собственников – фермеров-хуторян и отрубников. Во втором случае речь шла тоже о создании на земле крупных сельскохозяйственных предприятий, только осуществлялось оно уже после национализации помещичьей земли путем ликвидации кулацких и обобществления бедняцких и середняцких хозяйств. В конечном итоге и в первом и во втором случаях дело сводилось к созданию на земле очагов

крупного сельскохозяйственного производства. Однако в первом случае оно базировалось на разрушении общины и ее традиций, а во втором – на сохранении использовании общинных (коллективистских) традиций. Большевикам, в отличии от Столыпина и несмотря на все жестокое варварство раскулачивания и других форм принуждения и насилия над крестьянами, задачу создания крупных земледельческих хозяйств в целом решить удалось».

• «Почему же хозяйственная реформа 1965 года не привела к существенным сдвигам? Это можно объяснить рядом причин. Реформа не была всеобъемлющей и глубокой, не носила радикального характера, не ломала старый механизм, ориентируясь на поиск промежуточных решений. Почти не были затронуты реформой строительство, торговля, финансы. Не было существенных изменений в инвестиционной, научно-технической политике. Проводилась экономическая реформа непоследовательно, в урезанном виде. Повлияло на осуществление реформы и тяжкое бремя консервативных традиций. Проблески новых подходов просто блокировались руководством. Было очевидно несовпадение взглядов Брежнева и Косыгина по вопросу о путях дальнейшего развития экономики».

• «Руководство страны максимально использовало естественное преимущество СССР перед другими странами – колоссальные природные богатства. Однако экстенсивное развитие экономики сдерживало развитие наукоемких отраслей, которые определяли научно-технический прогресс – электроники, кибернетики, робототехники, биотехнологий. Расширение продажи нефти и газа в страны Запада давало валюту, на которую закупалось недостающее зерно, высокотехнологичное оборудование».

• «Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на все противоречия экономического развития на этом этапе экономический потенциал, созданный за восьмую и девятую пятилетки (1966–1975), оказался равен потенциалу, на создание которого в стране ушли предыдущие полвека. Если в 1922 году доля СССР в мировом промышленном производстве составляла 1%, то в 1975 году она выросла до 12,6%».

• «Замедление темпов роста экономики отражалось на социальных программах и уровне благосостояния советских людей. При росте в 60–70-е годы национального дохода в 3,2 раза реальные доходы населения выросли лишь в 2,3 раза. Постоянно увеличивавшийся с начала 70-х годов разрыв между объемом и товарным покрытием денежной массы привел к товарному голоду, который поначалу распространялся на особо престижные товары и предметы длительного пользования, а с годами затронул практически всю сферу товаров и услуг».

• «Неравномерно в экономическом плане развивались республики и различия их вклада в развитие страны. По официальной статистике, Российская Федерация в 1975 году могла оставить себе 42,3% собранного на ее территории налога с оборота, Украина – 43,3, Латвия – 45,6, Молдавия – 50, Эстония – 59,7, Белоруссия – 68,2, Азербайджан – 69,1, Грузия – 88,5, Армения – 89,9, Таджикистан – 99,1, Киргизия – 99,2, Литва – 99,7, Узбекистан – 99,8, Казахстан и Туркмения – 100%.Темпы капитальных вложений в экономику союзных республик в 2–4 раза превышали аналогичные показатели для России. Что же касается общего промышленного производства, то с 1970 по 1988 годы оно выросло в СССР в 2,38 раз, в Японии –в 2 раза, в США –1,68 раз, во Франции – в 1,48 раз, в ФРГ – 1,33 раза, в Англии – в 1,32 раза».

• «Национальное богатство России в 1970–1980 годы прирастало в среднем на 7,5% в год против 10,5% ежегодного прироста в 60-е годы. В целом брежневский, андроповский и черненковский периоды (1964–1985) характеризуются ежегодным приумножением национального богатства на 6,5%, и лишь в горбачевский период этот показатель снизился до 4,2% в год».

• «Неудачная попытка путча 19 августа 1991 года была попыткой выйти из создавшейся экономической ситуации путем возвращения к чрезвычайным методам управления, неудача путча привела к распаду СССР и окончательному распаду единого экономического пространства».

• «В 1992 году в России было 23776 промышленных предприятий, 25600 совхозов и колхозов, 5000 дорожно-транспортных предприятий и 170000 розничных торговых предприятий. Выработкой принципов и составлением конкретной программы приватизации занимался Государственный комитет по управлению государственным имуществом (ГКИ) под председательством А.Чубайса. Она была проведена посредством приватизационных чеков – ваучеров (как в Чехии)».

• «Либерализация экономики, проведенная по предписаниям МВФ, нанесла чудовищный ущерб хозяйству. ВВП за несколько лет сократился более чем наполовину (в Великой Отечественной войне падение производства произошло на 30%). Все новые государства отброшены в своем развитии на многие десятки лет назад».

• «Согласно официальным данным. Во время событий 3–4 октября погибло около 150 человек. Политический результат событий сентября-октября 1993 года за-

ключался в ликвидации советской формы организации власти в стране. Серией указов Президент закрепил свою победу и повсеместно прекратил деятельность органов советской власти».

• «Либерализация цен стала первым, психологически наиболее тяжелым и по своим последствиям наиболее болезненным для населения шагом в осуществлении рыночной реформы. Наиболее заметным положительным ее результатом стало исчезновение дефицита и наполнение товарного рынка. Структура цен приблизилась к западным стандартам, а уровень цен в ряде случаев оказался даже выше западного».

• «А 26 октября 1993 года был подписан президентский указ «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации», который прекращал на всей территории страны деятельность местных советов и передавал их функции до выборов новых местных органов назначаемой Президентом администрации. Таким образом, была ликвидирована вторая – после КПСС – политическая основа советского социалистического строя – власть Советов».

• «В целом в 2000–2014 годах в Росси укрепилась буржуазно-демократическая система власти: буржуазно-демократическое государство с сильной президентской властью, буржуазные законодательные парламентские структуры власти, буржуазная система судебной власти и буржуазная правовая система, направленные на укрепление складывающегося в России буржуазного строя».

• «Необходимость введения краеведческого компонента в историческое образование школьников именно в пятом классе кажется вполне оправданной. Во-первых,

с точки зрения лучших возможностей пробуждения личностного интереса к истории в целом и истории родного края в частности. Во-вторых, предлагаемая программа – один из реальных путей противодействия формированию у юных южноуральцев искаженных представлений о вкладе древних и средневековых народов Южного Урала в развитие цивилизации».

• «Случилось так, что юные южноуральцы более сведущи в истории далеких стран и не знают истории своего родного края. Между тем, она простирается на 300 тысяч лет от наших дней. Древние южноуральцы, наши далекие земляки, стали полноправными участниками целой серии открытий, которые привели человечество к его современному состоянию. Около семи тысяч лет назад здесь началась история животноводства. Ученые включают южноуральские степи в район, где впервые на планете была одомашнена лошадь. Южноуральские колесницы бронзового века, запряженные двумя конями, – древнейшие в мире. За тысячу лет до нашей эры на южноуральскую землю упали первые зерна пшеницы. Четыре тысячи лет назад у гор Южного Урала в своеобразных «городах» за оборонительными стенами мастера-металлурги, кузнецы, литейщики уже ковали и лили славу нашим местам. В этом смысле знаменитому Никите Демидову придется уступить первенство предшественникам из бронзового века, как, впрочем, и приоритет начала активного сведения на нет уральской природы».

• «Что ты знаешь о своем селе, городе? В каких местах Челябинской области тебе пришлось бывать? Совершим воздушное «путешествие» над Южным Уралом. Наш край – сердце Евразии. Поговорим о природе и климате Южного Зауралья. Как они влияли и влияют на жизнь наших земля-

ков? Посмотрим на карту области. Как ты думаешь, почему так необычны ее границы?»

• «Критерии оценивания знаний студентов 4-го курса исторического факультета на экзамене по «Истории России с 1917 года по настоящее время».

Оценка «отлично» ставится при выполнении следующих требований:

- студент обнаруживает всестороннее, систематическое и глубокое знание материала Программы курса истории России с 1917 года по настоящее время, аргументированно излагает ответ на вопросы экзаменационного билета, дополнительные вопросы по изучаемому курсу, проявляя творческие способности в понимании, изложении и использовании учебно-программного материала,
- дает развернутый, логически выстроенный ответ,
- использует полные научные определения понятий,
- студент ориентируется в историческом пространстве и времени, видит явление в историческом развитии, дает полный анализ исторического документа (там, где это необходимо),
- студент умело иллюстрирует фактами узловые вопросы проблемы,
- студент проявляет самостоятельность в оценке концепций, идей, точек зрения, подходов научных школ».

Библиография

Александр Филиппович Аменд. Полвека в образовании / сост. Н. А. Вахрушева, Т.П. Скребцова. – Челябинск: Изд-во Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. – 432 с. – (Серия: Имя в истории ЧГПУ). [В составе авт. колл.].

Аменд, А.Ф. Практические аспекты управления качеством подготовки будущего учителя в Челябинском государственном педагогическом университете / А.Ф. Аменд, В.В. Латюшин, **Г.С. Шкребень** // Вестник института развития образования и воспитания подрастающего поколения. Сер. 3: Управление качеством профессионального образования. –Челябинск, 2001. – № 6. – С. 115–128.

Заслуженные учителя школы РСФСР (1949–1991). Заслуженные учителя школы РФ (1992–1995). Заслуженные учителя РФ (1996–2010): энциклопедия / ред.-сост. **Г.С. Шкребень**. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. – 696 с.

И помнит мир спасенный... Преподаватели и сотрудники ЧГПИ–ЧГПУ – участники Великой Отечественной войны. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. – 297 с. [В составе авт. колл.].

История и историки: нам 70 лет: истор. ф-т ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее. – Челябинск: ЧГПУ, 2006. – 275 с. [В составе авт. колл.].

Кафедра истории Отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / Л.Г. Майзель, Л.К. Матюхина, Г.К. Павленко, **Г. С. Шкребень**, Н.П. Шмакова; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск: ЧГПУ, 2008. – 216 с.

Краеведение. Челябинская область: 7 кл.: учеб. для осн. шк. / Н.Б. Виноградов, В.В. Дерягин, С.Г. Захаров, Е.В. Конышева, И. А. Новиков, **Г. С. Шкребень**; под ред. **Г.С. Шкребня**. – Челябинск: Абрис, 2009. – 143 с.

Краеведение. Челябинская область: 7 кл.: учебник для осн. шк. / Н.Б. Виноградов, В.В. Дерягин, С.Г. Захаров, И.А. Новиков, **Г.С. Шкребень**. – 2-е изд. – Челябинск: Абрис, 2011. – 144 с.: ил. – (Серия: Познай свой край).

Латюшин, В.В. Челябинский государственный педагогический университет и его роль в подготовке высококвалифицированных педагогических кадров / В.В. Латюшин, **Г.С. Шребень** // Образование и наука – Южному Уралу: материалы науч.-практ. конф., 21 янв. 2004 г., г. Челябинск. –Челябинск, 2004. – С. 34–38.

Лия Григорьевна Майзель / сост. Н.А. Вахрушева, А.А. Готина, Э.Р. Зайцева, **Г.С. Шкребень**. – Челябинск: ЧГПУ, 2002. – 104 с. – (Серия: Известные выпускники ЧГПУ).

Музейный вестник / сост. Н.А. Вахрушева, **Г.С. Шкребень**. – Челябинск: ЧГПУ, 1999–2015. – №№ 1–38.

Обухов, Л.А. История Урала 19–20 веков: учеб. пособие для 8 кл. основ. шк. /Л.А. Обухов, В.А. Шкерин, **Г.С. Шкребень**. – Екатеринбург: Сократ, 2005. – 145 с.

Обухов, Л. А. История Урала 19–20 веков: учеб. пособие для учащихся 8–9 кл. основ. шк. / Л.А. Обухов, В.А. Шкерин, **Г.С. Шкребень**. – Екатеринбург: Сократ, 2006. – 141 с.

Сборник нормативных актов Челябинского государственного педагогического университета (изд. в период

с 1995 по 2000 гг.) / ред. А.Ф. Аменд; сост. **Г.С. Шкребень**; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск: ЧГПУ, 2000. – 242 с.

Справочник для поступающих в Челябинский государственный педагогический университет / сост. **Г.С. Шкребень**. – Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-т, 2000. [6 изд., перераб. и доп.].

Учредительное собрание: документы и материалы / В.А. Хламкин, **Г. С. Шкребень** // Вестник Челябинского университета. – Сер. 1: История. – 1993. – № 1(5). – С. 99–120.

Челябинск. История моего города: эксперимент. учеб. пособие для уч-ся основн. шк. / ред. кол.: В.М. Тарасов, А.Ф. Аменд и др.; сост. Н.Б. Виноградов; рук. проекта **Г.С. Шкребень**. – Челябинск: ЧГПУ, 1999. – 320 с.: ил.

Челябинск: энцикл. / сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – 1075 с. [В составе ред.-изд. совета и авт. колл.].

Челябинская область: энцикл: в 7 т. / гл. ред. К.Н. Бочкарев. – Челябинск: Камен. пояс, 2003–2007. – 5696 с.: ил. [В составе ред.-изд. совета и авт. колл.].

Челябинский государственный педагогический университет / А.Н. Богачев, Н.А. Вахрушева, В.Ф. Мамонов, Н.В. Овчинникова, Т.Н. Решетко, А.Л. Худобородов, **Г.С. Шкребень**, Н.П. Шмакова; ред. А.Ф. Аменд и др. – Челябинск: ЧГПУ, 2004. – 272 с.: ил.

Челябинский государственный педагогический университет: энцикл. / гл. ред.-сост. **Г. С. Шкребень**. – Челябинск, 2009. – 1143 с.: ил.

Челябинский государственный педагогический университет / В.Ф. Мамонов, Г.В. Макович, Т.Н. Решетко, А.Л. Худобородов, **Г.С. Шкребень**, Н.П. Шмакова; ред. А.Ф. Аменд и др. – Челябинск, 1999. – 191 с. : ил.

Шкребень, Г.С. 20-летие Челябинского областного общества краеведов / **Г.С. Шкребень** // Вторые Всероссийские краеведческие чтения (Москва, 26–27 мая 2008 г.). Четвертые Всероссийские краеведческие чтения (Челябинск, 20–22 мая 2010 г.). – М., 2011. – С. 322–328.

Шкребень, Г.С. Деятельность коллектива ЧГПУ по реализации государственных стандартов нового поколения / **Г.С. Шкребень**, Н.В. Овчинникова // Вестник ин-та развития образования и воспитания подрастающего поколения при ЧГПУ. Центр управления качеством профессионального образования. – Сер. 3: Управление качеством профессионального образования. – Челябинск, 2002. – № 10. – С. 102–108.

Шкребень, Г.С. Деятельность Советов Урала по перестройке системы управления местной промышленности в 1921–1925 гг. / **Г.С. Шкребень**; Моск. гос. пед. ун-т им. В.И. Ленина. – М., 1986. – 28 с.

Шкребень, Г.С. Исторический факультет ЧГПУ – путь в 75 лет / **Г.С. Шкребень,** И.А. Новиков // Вестник Челябинского областного общества краеведов. – Челябинск, 2011. – Вып. 17. Спецвыпуск Музейного вестника ЧГПУ: Школа профессионального мастерства учителей истории и краеведения. – С. 6–21.

Шкребень, Г.С. Курсовые работы по истории СССР: (метод. рек. для студентов очного и заоч. отд-ний ист.-пед.

фак.) / **Г.С. Шкребень**; Челяб. гос. пед. ин-т. – Челябинск, 1989. – 18 с.

Шкребень, Г.С. Методические указания и контрольные задания по истории Отечества (для слушателей заоч. подготовит. отд-ний) / **Г.С. Шкребень**; Челяб. гос. пед. ин-т. – Челябинск, 1992. – 9 с.

Шкребень, Г.С. Некоторые вопросы историографии Советов Урала в 1921–1925 годах / **Г. С. Шкребень** // Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период (проблемы историографии и источниковедения): тез. докл. и сообщ. обл. науч. конф., Тюмень, 1–2 дек. 1987 г. / Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень, 1987. – С. 100–102.

Шкребень, Г.С. Организационное укрепление Советов Урала в 1921–1925 гг. / **Г.С. Шкребень** // Советы и творчество масс: межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1986. – С. 154–174.

Шкребень, Г.С. Оформление научной работы / **Г.С. Шкребень** // Нар. образование. – 1993. – № 3 (спец. вып.). – С. 35–36.

Шкребень, Г.С. Секция истории / **Г. С. Шкребень** // Информационно-методический пакет документов и материалов по организации и деятельности Челябинского научного общества учащихся (в помощь директорам и учителям школ, лицеев, колледжей, гимназий, работникам внешкольных учреждений). – Челябинск, 1992. – С. 37–38.

Шкребень, Г. С. Советы Урала и их деятельность по восстановлению промышленного производства в 1921–1925 гг.:

автореф. дис. ... канд. ист. наук / **Г.С. Шкребень**; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1986. – 16 с.

Шкребень, Г.С. Состав городских Советов Урала в 1921–1925 гг. / **Г. С. Шкребень** // 8-е Бирюковские чтения: сб. тез. и докл. – Челябинск,1988. – С. 71–73.

Шкребень, Г.С. Центр «Наследие»: (из выступления на обл. конф. о-ва краеведов 1 дек. 2000 года) / **Г.С. Шкребень** // Вестник Челябинского общества краеведов / Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2001. – № 1(2). – С. 7–9.

Шкребень, Г.С. Шмакова Нина Павловна: к 65-летию со дня рождения / **Г.С. Шкребень**, Н.А. Вахрушева // Музейный вестник. – Челябинск, 2003. – № 2(15). – С. 86–88.

Я умер, подчинившись естеству,
Но тыщи душ в моей душе вмещались.
Одна из них погасла – что за малость?!
Я в тысячах оставшихся живу.

А. Вознесенский

СОДЕРЖАНИЕ

Яркая, цельная, самобытная личность:
биографический очерк 5
Памятная карточка 23
Абзац из энциклопедии 25
Проректор в ритме вальса 27

БЕСЕДЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Виноградов Н.Б. Его правило:
жить – значит работать 29
Богачев А.Н. Он хорошо знал «нормативку» 41
Садырин В.В. Человек из социализма 52
Ткаченко С.Г. Человек со стержнем 64
Маркова Т.Н. Был Георгий Сергеевич и был Гера... 75
Шмакова Н.П. Студент, аспирант, проректор –
и вся жизнь 83
Овчинникова Н.В. Он – из когорты победителей 97
Новиков И.А. Он жил в своем кабинете 104
Ахатов М.Ш. Он был мне как отец 117
Димухаметова Н.П. А еще он любил герани... 125

Вахрушева Н.А., Школьникова А.А.
Ради будущего – памятники прошлому 132
Макаренко В.Г. Он жил не правильно, а праведно... 142
Мазитов Р.Х. Он был другом на все сто 151
Попова (Жукова) Л.Г. А память о нем – светлая 162
Шкребень Д.А. Родной человек на Урале 171
Ульянова Е.Г. Вспоминая о нем, я улыбаюсь 180
Шульгина Т.А. А цель простая –
качество образования 191
Иванцов А.А. А на быт, на себя времени
не оставалось... 201
Соловьева Н.А. Он всегда на виду, среди людей... 207

ПРИМИТЕ НАШИ ДОБРЫЕ СЛОВА

Виноградов Н.Б. Единственный и неповторимый
Речь на 65-летии Г.С. Шкребня 213
Богачев А.Н. В одной команде 219
Рябчук П.Г. Эрудиция, трудолюбие, доброта 222
Дугинец Л. Отличник, певец, правильный человек 223
Чередниченко А.П. «Выбираю судьбу по себе...» 224
Матюхина Л.К. Заочники и другие 225
Ковтун Р.Ф. А по сути – добрый и отзывчивый..... 232
Карпенко О.Э. Живая энциклопедия 233
Хабибуллин Ф.Х., Иванова О.Э.
Проректор, реальный и виртуальный 239
Гуськова Н.С. Письма..... 241
Георгий-строитель 252

Пикулева Л.К. Коллега, которого помню 259
Краснова Е.А. Хранитель традиций 261
Моисеев А.П. Откуда есть и пошел Шкребень.
Слово о земляке, слово о товарище 265
Волчегорская Е.Ю. Его певучие мелодии 271
Забродина Н.В. Строгий, внимательный,
справедливый... 272
Карпенко О. Прощальное 273
Словесный портрет 274
Мысли вдогонку 279

Цитаты из лекций «История России»
от Георгия Шкребня 281
Библиография 293

Серия «Имя в истории ЧГПУ»

ШКРЕБЕНЬ
Георгий Сергеевич

Автор-составитель М.С. Фонотов

ISBN 978-5-907210-28-8

Издательство ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Редактор *О.Э. Карпенко*

Фото: *Л.В. Бородулина, Н.Б. Виноградов, О.Э. Карпенко, Л.А. Ковалева*
Использованы фото
из личного архива Г.С. Шкребня
Дизайн обложки: *М.В. Садкова*

Подписано в печать 17.04.2019.
Тираж 100 экз. Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$.
Уч.-изд.л. 13,77. Усл. п.л. 17,67.
Бумага офсетная. Заказ № 176.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»